

Л. Морев

ИСТОРИЯ ЗАДОНСКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

ЗАДОНСКИЙ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦЫ
МУЖСКИЙ МОНАСТЫРЬ
2010

**по благословению
преосвященнейшего
НИКОНА,
епископа липецкого и владимирского**

Издание 5-е, уточненное и дополненное

© Задонский Рождество-Богородицкий
мужской монастырь, 2010

© Морев Л. А., 2010

ПРИМЕЧАНИЕ. Автор выражает благодарность А. Ю. Кликову и А. А. Найденову, совместная работа с которыми позволила документально подтвердить ряд важных моментов истории Богородицкой обители.

Глава I.

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ИКОНА МАТЕРИ БОЖИЕЙ

История Задонского Богородицкого мужского монастыря, именуемого ныне Рождество-Богородицким, корнями своими уходит в начало семнадцатого столетия — годы, когда Русь Православная несла тяжкое бремя внутренних смут и раздоров, усугубляемых нашествием иноплеменников. В тяжкую эту годину междуусобиц утешительное и обнадеживающее слово Матери Церкви было особенно важно для паствы, ложившейся спать в неведении о том, в какой стране доведется проснуться, кто назавтра объявит себя очередным правителем и спасителем Отечества. Лжедмитрий I, Василий Шуйский и королевич Владислав сменяли друг друга на троне. А на местах лютовали «разбой», то обретавшие предводителя в лице Лжедмитрия II («Тушинского Вора») или Ивана Болотникова, то бесчинствовавшие сами по себе.

Неспокойно было как в центре, на исконных московских землях, где разворачивались главные битвы за власть, так и на только что заселенных окраинах. Ведь именно там, в тяготевшей к новым, незакабаленным территориям вольнице, находили свою поддержку практически все бунты Смутного времени.

И вот сюда, «под Елец», в только-только начавшие заселяться, беспокойные края, пришли два черноризца, имея намерение основать монастырь. Более того, выбор местности для учреждения монашеской общины в данном случае, помимо прочего, диктовался именно новозаселенностью и беспокойством территории, где формирующееся оседлое, «крепкое земле» население немало претерпевало как от общей неустроенности жизни на еще недавно «диких» землях, так и от набегов не только татар, но и родственных по крови и вере охотников до легкой поживы.

Вне сомнения, старцы, как и их собрат двумя с половиной столетиями позже, были уверены, что **«благоустроенное общество иночествующих строгим исполнением своих возвышенных правил**

возбуждало в окружающих ревность к благочестию и благотворно влияло на дух народности». Слова эти принадлежат задонскому летописцу — церковному краеведу, иеромонаху Геронтию (Кургановскому), автору основательнейшего «Историко-статистического описания первоклассного Задонского Богородицкого монастыря» (Далее — «Описание...»)*. Заключая сформулированную мысль, отец Геронтий справедливо замечает: «В XVII столетии монахи были почти единственными утешителями (или, по выражению древних наших летописцев, “печальниками”) русского народа и поборниками его православия».

Достоверно известно, что основателей Задонского Богородицкого монастыря звали Кирилл и Герасим. Именно эти имена упоминают Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628–1630 годов, фиксирующие имущественное положение, в котором находился к тому времени «монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом». Как отмечено в цитируемой записи: «в церковь поставленье и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье дву старцев Кирилла и Герасима».

По поводу же того, откуда эти старцы пришли под Тешевский лес, вольно роспий на берегу Дона, о. Геронтий в своем «Описании...» замечает следующее: «признаем достовернейшим предание, что старцы Кирилл и Герасим... пришли (быть может даже по благословению многострадального св. Патриарха Гермогена) от Московского Сретенского монастыря».

---

* «Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря», составленное иеромонахом Геронтием, впервые увидевшее свет в «Воронежских епархиальных ведомостях» за 1870 г., отдельными изданиями выходило трижды — два раза в Москве (1871 и 1873 гг.) и третий — в Санкт-Петербурге (1893 г.). На текст последнего издания мы и будем ссылаться, упоминая «Описание...», кроме особо оговоренных случаев.

Автор «Описания...», по мирскому имени Гавриил Михайлович Кургановский, родился в 1836 г. в г. Болхове Орловской губернии. С 1846 года был принят на воспитание в Задонский Богородицкий монастырь. Здесь принял постриг с именем Геронтий. Пребывал в Задонской обители до 1894 года. Скончался в 1903 году, будучи архимандритом и пребывая на должности настоятеля Волоколамского Иосифова Успенского монастыря.

*Старцы Кирилл и Герасим —
основатели Тешевской обители
во имя Пресвятой Богородицы*

ких писцовых книгах 1628–1630 гг., указывающая, в частности, что церковь в Тешевском монастыре была «во имя Пречистые Богородицы Сретения Владимирския иконы».

Видимо, предположение авторитетного автора и послужило в дальнейшем основой для «предания», о котором спустя более чем полвека упоминает о. Геронтий, приводя, впрочем, в подтверждение обосновываемой точки зрения еще ряд моментов, помимо столь красноречивого названия храма.

Весьма справедливо, на наш взгляд, задонский монах-историк обращает внимание на самую древнюю святыню монастыря у слияния Тешевки с Доном — Владимирскую икону Пресвятой Богородицы — копию прославленной общеправославной святы-

Но автор более ранний, знакомый с весьма широким кругом доступных на тот момент источников, а именно — Е. А. Болховитинов (будущий митрополит Киевский Евгений), опубликовавший «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» в 1800 г., не упоминая какого-либо «предания», как историк, проанализировав известные ему факты, делает предположение: «можно также догадываться по именованию храма, не из Сретенского ли Московского монастыря и пришли для основания вышеупомянутые старцы». В основе предположения — упомянутая выше запись в Елец-

ни, принесенную именно отцами-основателями обители (об этом сообщает действительно древнее предание).

Основание храма в честь Сретения этого святого образа — праздника, ежегодно отмечаемого 26 августа по православному календарю (8 сентября нов. ст.), — у Дона, на пути от Ельца в «Поле», весьма символично с учетом церковной исторической традиции. И это надо учитывать, ведь созидание монастыря — обители молитвенников пред Господом, — есть не только факт истории, но и факт жизни духовной. Именно поэтому о. Геронтий обращает свой взор на события года 1395-го, когда грозила Руси рать Тимура (Тамерлана). Поводом для подобной исторической ретроспекции стало то, что, предположительно, где-то в здешних придонских землях имело место известное явление Богоматери Тимуру, отвратившее «Железного Хромца» от продолжения похода на Русь после сожжения Ельца.

Не случайно, наверное, в представлении местных жителей и при жизни о. Геронтия название соседнего с Задонском села Данышино увязывалось с требованием дани именно этим азиатским властителем. Хоть такая народная «топонимика» обычно далека от истины, она, тем не менее, показывает сколь крепка оказалась память поколений о кровавом нашествии.

Чудо, избавившее землю Русскую от продолжения Тимурова вторжения, явлено было 26 августа (8 сентября нов. ст.) 1395 года, когда в Москве торжественно встречали привезенный из Владимира издревле чтимый образ Богородицы. Позднее, в память о благодатном событии, на месте встречи (сретения) делегации, доставившей святыню из Владимира, был заложен Московский Сретенский монастырь.

А потому, видимо, с учетом избрания места основания монастыря, храмового его праздника и сюжета иконы, принесенной отцами-основателями, можно с известной долей уверенности говорить о том, что стопы свои на берег Дона направили старцы Кирилл и Герасим именно от врат Московского Сретенского монастыря. Но вот когда затеплилась первая лампада в церкви во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, выстроенной близ переправы, где уже наезженная дорога от Ельца к Во-

ронежу пересекала речные воды? *С точностью до года, из-за отсутствия документальных свидетельств, определить эту дату пока невозможно.*

Вновь приходится прибегать к исторической реконструкции. И вновь — с опорой на тот самый образ Матери Божией, которым благословили старцев, отправлявшихся строить крепость духовную в придонских землях, еще недавно диких и до самой той поры мятежных и малоустроенных...

Эта икона, как сказано выше, являла (в центральной части композиции) копию общерусской святыни — Владимирской иконы Божией Матери, написанной, как повествует традиция, самим св. апостолом и евангелистом Лукой и привезенной на Русь из Греции. К сожалению, Задонский вариант этого чтимого изображения Богоматери был утрачен в годы церковных погромов начала 1930-х годов. Сохранилось лишь его описание, оставленное иеромонахом Геронтием: **«Образ писан на доске корсунской иконописью; вышина его 9 3/4 вершка (43,3 см), ширина 9 вершков (40 см); по сторонам изображения — с левой стороны св. Дмитрия Царевича, с правой — св. Василия Великого».**

Описание, оставленное отцом Геронтием, дало возможность с высокой достоверностью художественно восстановить утраченную святыню. Но не менее важно, что оно оказалось определяющим для уточнения предположительной даты основания обители у Дона.

По сохранившимся историческим документам установлено лишь, что будущая Задонская обитель (под именем Тешевского монастыря) впервые упоминается в 1615 году.

Этот факт стал известен благодаря трудам преподавателя Задонского духовного училища, впоследствии — видного историка, действительного члена Воронежского церковного историко-археологического комитета (ВЦИАК) С. Н. Введенского, получившего в свое время доступ к архивам древних актов и основательно их изучившего. Одним из плодов этой работы стала написанная по материалам Московского архива Министерства юстиции статья «Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и

***Храмная икона Божией Матери во Владимирском соборе
Задонского мужского монастыря,
являющаяся реконструкцией древнего чтимого образа***

в первые годы XVIII в.», сообщившая целый ряд ранее неизвестных подробностей жизни Задонского Богородицкого монастыря в первые десятилетия его существования*. Немаловажно отметить то, что в 1907 году Введенский был вновь направлен в Москву, уже как представитель ВЦИАК, для подготовки принятой комитетом масштабной публикации текстов различных реестровых записей, но более ранних документов по Тешевскому монастырю уже не выявил...

А потому и можно считать вполне достоверным, что первым бесспорным упоминанием Задонской обители и населенного

---

* Введенский С. Н. Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII в. // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. V.

пункта у ее стен является следующая запись в Платежных книгах Засосенского стана Елецкого уезда от 7123 (1615) года: «**Монастырь Тешевской на берег реки Донѹ, усть речки Тешевки. За монастырем, под Тешевским лесом, слободка Тешевская на речке Тешевке на верхах**».

Документ этот, как установлено липецкими историками А. Ю. Клоковым и А. А. Найденовым, и ныне сохраняется в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131. Л. 226].

То есть, к 1615 году, монастырь не только существовал, но и имел приписанную к нему слободку с крестьянами. А ведь для того, чтобы предстать на страницах учетных документов уже оформившимся вотчинником — владельцем земли и крестьян, монашеская обитель должна была не только организоваться фактически, но и бить челом Государю о «земле и людишках» и на свою челобитную получить удовлетворение. Для чего, вполне понятно, по неспешной жизни того времени, требовались не то, что месяцы, а, порой, и годы.

Поэтому неправильным было бы ставить знак равенства между датой первого упоминания Задонского монастыря в письменных источниках и датой его основания.

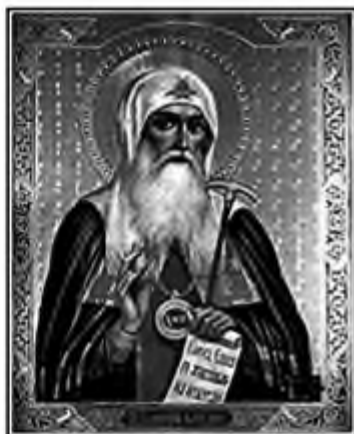
Подтверждение тому запечатлено было на первой святыне Богородицкой обители — Владимирской иконе Божией Матери.

Слева от образа Пресвятой Богородицы, согласно ранее процитированному описанию, кисть иконописца изобразила царевича Димитрия, канонизированного только в 1606 году.

Справа располагался образ св. Василия Великого, избранный вовсе не случайно. Этот святой считался небесным покровителем царя Василия Шуйского, в правление которого и состоялось обретение мощей царевича Димитрия. Царствовал Шуйский с 1606 по 1610 год. Видимо, к данному четырехлетнему промежутку и следует отнести создание рассматриваемой иконы.

В соответствии с бытовавшими в средневековье традициями, подобная торжественная икона была написана, скорее всего, «по случаю», специально для монахов-миссионеров, отправлявшихся в дальние края с задачей основать монастырь.

А значит, произошло это в годы, когда св. Василий был покровителем царствующего дома. Или, в крайнем случае, в период польского междоцарствия (осенью-весной 1611-1612 гг.), как воспоминание о скорбной судьбе последнего на тот момент православного царя на московском престоле, когда низложенный, насильно постриженный в монахи и плененный Василий Шуйский доживал последние дни в Варшаве.

*Сщмч. Ермоген,
Патриарх Московский
и всея Руси*

Св. Димитрий Царевич — сын Ивана Грозного, согласно слухам того времени, принял мученическую кончину от «узурпатора» Бориса Годунова. И изображение царевича напоминает о трагической судьбе последнего законного наследника престола из потомков Рюрика. В свою очередь, св. Василий Великий мог олицетворять последнего на тот момент православного царя Руси, умирающего в плену у очередного узурпатора — короля Сигизмунда, посадившего на московский трон своего сына Владислава, католика по вероисповеданию.

Правда, в качестве контраргумента подобной версии формирования сюжета иконы может быть использована известная по многим документам общая, «всех чинов и званий», нелюбовь россиян к «боярскому царю» Василию Шуйскому, о котором, если и вспоминали после низложения, то без печали и сожаления. Но не менее известным является и такой факт истории Церкви Российской, как неприятие священномучеником Ермогеном (Гермогеном), Патриархом Московским и всея Руси, «дела мятежного» — вынужденного отречения Василия Шуйского от престола.

А по предположению, высказанному еще иеромонахом Геронтием в «Описании...», старцы Кирилл и Герасим пришли на берег Дона «быть может даже по по благословению многострадального св. Патриарха Гермогена».

Вот только достоверна ли датировка, основанная на иконописном сюжете? Ведь икона могла попасть в монастырь позднее, уже после его основания, а обычное в таких случаях предание — связать чтимый образ со старцами-основателями.

К счастью, в данном случае, для умозаключений, ограничивающих временные рамки возникновения Задонского Богородицкого монастыря периодом, соответствующим наиболее вероятному появлению рассматриваемых изображений, помимо общероссийских исторических реалий, находятся и иные основания. Уже более локального характера. Вытекающие из ситуации, сложившейся в конце XVI — начале XVII веков в Воронежско-Елецком Подонье и подробно рассмотренной в работах историков Черноземья конца 1990-х — начала 2000-х годов.

Организованная колонизация ближнего к современному Задонску Подонья государством Российским начинается только после построения в 1585 году крепости Воронеж.

Следующий важный ее этап — основание в 1592 году Елецкой крепости на берегу реки Сосна. Елец становится одним из важнейших опорных пунктов мирного освоения бывшего Дикого Поля и центром уезда, разделенного на станы. Засосенский стан Елецкого уезда охватывал земли между реками Дон, Снова и Сосна, включая и часть донского левобережья с округой современного Задонска. Но в наиболее ранних документах, относящихся к Засосенскому стану, мы не встречаем упоминания о Тешевском монастыре. Что и не удивительно...

Заселение земель между Воронежем и Ельцом происходило не вдруг. Некоторое время Воронеж оставался передовой крепостью, удаленной от крестьянских поселений, постепенно продвигавшихся на юг со стороны Ельца по мере дальнейшего укрепления границ Российского государства.

Так, анализ записей об отводе земель елецким служилым людям в 1593–94 годах показывает, что к этому моменту освоены были территории в основном севернее Ельца — вдоль Новосильской, Ливенской и Данковской дорог. Лишь с началом XVII века поместья ельчан приближаются ниже устья Сосны к Дону и «перешагивают» его в направлении Воронежа.

В итоге, оценив совокупность известных нам фактов и исторических обстоятельств, мы считаем правильным особо обратить внимание на один интересный момент в истории Смуты...

Политические обстоятельства, сложившиеся в те дни, вполне могли подвигнуть к решению основать еще одну обитель во имя Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы. Причем, именно в тех краях, где Матерь Божия однажды уже явила свое заступничество, отвратив иноплеменников от нашествия на Русь.

Речь идет о весне 1610 г. — последних месяцах пребывания «боярского царя» Василия на московском троне. Еще в феврале 1610 г. группа русских бояр, поддерживавших Лжедмитрия II, разочаровавшись в своем избраннике, отбыла к польскому королю Сигизмунду, чтобы пригласить на трон сына его Владислава. Влиятельные сторонники этой идеи вскоре объявились и в Москве. Становилось ясно, что дни Шуйского на престоле сочтены. Перед православной страной замаячила вполне определенная перспектива получить царя-католика. А значит — обозначилась угроза не только жизням и имуществу, не только государственному суверенитету (регулярная польская армия, возглавляемая королем Сигизмундом, уже вела активные боевые действия в районе Смоленска), но и самой вере Православной — последней опоре и последнему прибежищу многострадального народа. Несложно представить, сколь глубоко было потрясение Патриарха Гермогена и окружавших его

*Явление Матери Божией
Тимуру (Тамерлану),
заградившее путь на Русь
грозному завоевателю
(со старинной литографии)*

единомышленников перспективой иноплеменного и инославного нашествия, готового заполнить Русь Святуо.

И вполне представим выбор духовенством в первую очередь методов духовных в противостоянии надвигающейся угрозе. А именно — соборной молитвы ко Господу.

Отсюда, вполне в рамках тогдашнего менталитета, могло возникнуть решение благословить старцев Московского Сретенского монастыря*, направить свои стопы, с доверенной им копией Владимирской иконы, в края, где она некогда и явила свою силу, остановив азиатские полчища. Ведь, как мы уже упоминали выше, Сретенский монастырь был учрежден в память о том, как Матерь Божия, по молитвам к чудотворному Владимирскому Ее образу, заступила путь Тамерлану. Таким образом, основание в Подонье еще одной обители в честь сретения той же иконы, в подобных обстоятельствах видится частью общего молитвенного обращения к Небесной Владычице с тем, чтобы она вновь вступилась за Русь перед лицом очередного супостата.

Ну а то, что во всей обширной Елецкой округе для построения новой обители был избран именно холм при впадении речки Тешевки в Дон, скорее всего, явилось результатом самостоятельного решения старцев Кирилла и Герасима после ознакомления их с местностью. Сказалось тут, скорее всего, и наличие бойкой переправы, и отсутствие иных монастырей на всем протяжении пути из Ельца в Воронеж...

В свете вышеизложенного мы и считаем возможным, говоря о дате основания Задонского Богородицкого монастыря, назвать следующую — около 1610 года. Подобная датировка не противоречит ни одному из известных нам на сегодня фактов и исторических обстоятельств**.

---

* В этом случае можно утверждать, что выбор пал на наиболее уважаемых, известных праведной жизнью иноков-молитвенников, достойных такой чести.

** Заметим, что в книге, посвященной Задонскому Тихоновскому мужскому монастырю, основанному первоначально как скит Богородицкого, о. Геронтий пишет, что схимонахи Кирилл и Герасим «святую икону эту принесли... в 1610-ом году» (Геронтий, нером. Описание Тихоновского общежительного мужского монастыря, находящегося близ гор. Задонска. СПб., 1882. С. 5.). Так что, видимо, и о. Геронтий склонялся к подобному выводу...

При этом, в рассказе о первых годах существования Богородицкой обители нельзя не упомянуть того, что точное место ее первоначального устройства достоверно не установлено.

Определенные споры по этому поводу имели место и ранее, но резонанса в исторической литературе не имели. А в 2007 году в исторический научный оборот, трудами липчан А. Ю. Клокова и А. А. Найденова, была возвращена рукопись 1838 года «Историческое описание находящегося в Воронежской епархии Богородицкого Задонского монастыря», принадлежащая перу настоятеля «сего монастыря» — архимандрита Досифея (Немчинова), который придерживался по этому поводу точки зрения, отличной от традиционно принятой.

Основываясь на слышанном им от задонцев устном предании, о. Досифей утверждает, что старцы Кирилл и Герасим основали Задонский монастырь у речки Тешевки *«при подошве горы»*. А описывая деятельность схиигумена Евсевия, архимандрит Досифей сообщает, что новая каменная соборная церковь выстроена была им *«на горе выше прежней на север, в то же наименование»*. На прежнем же месте, над источником, была тогда же устроена часовня. На основании чего архимандрит Досифей и приходит к выводу о достоверности упомянутого предания.

С этой рукописью, судя по ссылкам, знаком был и о. Геронтий. Но не только не придавал значения изложенной выше аргументации, а, напротив — посвятил опровержению этого предания несколько абзацев особой главы «Описания...», так и названной — «Опровержение местного предания». В частности, он указывает, что топографические особенности места, где впоследствии возведен был ныне возрожденный храм Живоносного Источника (под крутым обрывистым склоном оврага, на узкой полоске земли у речки Тешевки, до сего дня становящейся по весне довольно бурной и широкой), вряд ли подвигли бы основателей обители на такой выбор...

В пользу позиции о. Геронтия в этом вопросе говорит и то, что весьма компетентный, а главное — пытливый церковный историк — уже упоминавшийся нами ректор Воронежской духовной семинарии протоиерей Евфимий Болховитинов, еще на

Так в бытность о. Геронтия насельником Задонского Богородицкого монастыря выглядела территория, где в 1870 году построен был храм Живоносного Источника*

рубеже XVIII-XIX веков, сообщая, что «местоположение» обители Задонской «есть на открытой полугоре или высоком косогоре к реке Дону», никоим образом не сомневается в том, что таковым оно было и изначально. А ведь о. Евфимий не по одним лишь документам узнавал историю Богородицкого монастыря. Здесь он бывал еще воронежским семинаристом, когда в 1783 году в составе архиерейского хора участвовал в отпевании опочившего в Задонске святителя Тихона (Соколовского). А позднее — собирая материал к житию св. Тихона...

Впрочем, сегодня можно привести против соображений, высказанных о. Досифеем в поддержку задонского предания, не только умозрительные (хотя и убедительные для коренных задонцев), но и документально обоснованные аргументы...

---

* Заметим, что при устройстве церкви Живоносного Источника, чтобы разместить здесь храм, запечатленной на этом снимке конца XIX века, пришлось срыть часть склона оврага. Это хорошо видно по опорной стене позади здания,

Так, согласно ведомостям Коллегии Экономии 1739-1741 годов, Задонский Тешевский Богородицкий монастырь в отчетный период был окружен деревянной оградой протяженностью 150 сажен, внутри которой находились 1 деревянная церковь с 1 престолом и 1 строящаяся каменная с 3 престолами. То есть, игумен Евфимий (Евсевий в схиме), строя новый храм севернее прежнего, делал это в рамках уже устоявшихся к тому времени границ монастыря. А протяженность периметра ограды в 150 сажен (ок. 325 метров) никак не позволяет представить сколько-нибудь удобную для монастыря площадку, простирающуюся аж до источника Пресвятой Богородицы на берегу Тешевки. Да и «выше прежней на север» в этом случае означает — севернее церкви, построенной после пожара 1692 года, а вовсе не первого храма, срубленного еще старцами Кириллом и Герасимом.

Другое дело, что изначально обитель, действительно, могла располагаться при подошве горы. Только не с юга, под обрывом, а с юго-запада, поближе к тому месту, где Воронежская дорога, миновав Донской перевоз, поворачивала в сторону Землянска, следуя далее не как сегодня, а по течению реки Дон, вдоль берега. Именно тут обрывистый со стороны монастыря «яр» или «лог», который проточило русло Тешевки, постепенно сходит на нет. И здесь также бьют из-под подошвы горы мощные ключи, не оскудевшие водой по сей день.

Но сильные весенние половодья, доходившие до основания возвышенного склона, занимаемого Богородицкой обителью, могли заставить иноков с годами перебраться повыше. А память людская уже смешала этот факт с более поздним обозначением часовней почитаемого святым источника. О. Геронтий в «Описании» 1871 года издания находит на этот счет весьма меткие слова: **«народное же предание, по обычаю своему, без указания года и с благоговейным усердием облекло упомянутые предположения как драгоценную святыню, в верование и истину»...**

Глава II. В МОНАСТЫРЕ ТЕШЕВСКОМ

Появляясь впервые на страницах сохранившихся до наших дней документов в 1615 году, Тешевский монастырь предстает иноческой обителью уже существующей, организовавшейся как в духовном, так и в хозяйственном отношении. Навечно закреплено за монастырем земельное владение и слободка с крепостными крестьянами, чтобы землю ту обрабатывать. Правда, невелика была вотчинка, да и ту приходилось делить со стрелецким головой из Ельца Филиппом Тюниным: «словодка Тешевская..., а в ней на монастырской жеревей пашни паханые четверть с осминой. За стрелецким головой за Филиппом за Ивановым сыном Тюнина в той же слободе Тешевской на его жеревей...». То есть, в переводе на современные меры, за монастырем в 1615 г. числилось около 70 соток земли. Но, учитывая уже традиционное для этого времени трехполье — «пашни и перелугу и лесом поросло», можно предположить, что писцы просто опустили стандартную формулировку «а в дву потому ж», а значит общая площадь монастырского земельного надела была раза в три больше...

Спустя год, в 1616-ом, обители, предположительно, пришлось испытать набег «басурманов». Есть в «Полном географическом описании нашего Отечества» 1902 года издания упоминание о «расспросных речах попа Леонтия 1624 года», которые свидетельствуют, что он, будучи еще мирянином, был взят в плен ногайцами за 8 лет до того, в Задонском монастыре Елецкого уезда. А что Тешевский монастырь именовали и Задонским, уже с первых лет его существования, видно из документов того времени.

По Платежным книгам 1620 года за Тешевским монастырем числится уже 2 четверти (около гектара) пашни.

А вот Писцовые книги Засосенского стана Елецкого уезда 1628-1630 годов дают возможность нам не только более подробно узнать об имущественном положении Тешевской обители, но и называют ее немногочисленных насельников...

«За рекою ж за Доном: монастырь Тешевской на реке на Дону, усть речки Тешевки, под Тешевским лесом; ограда древена, ворота простые затворные на монастырь. А в монастыре церковь во имя Пречистые Богородицы Бретения Владимирския иконы; а в церковь поставленье и в церкви образа местные и книги и ризы и у церкви колокола и все церковное и монастырское строенье — дву старцев Кирилла и Герасима; да в монастыре же келлий: келья черного попа Геласия; келья старца Мисаила; келья старца Нева; пашни монастырские паханые б чети да перелогом да дикого поля II четвертей. И окоего пашни монастырские паханые и перелогом и дикаго поля добрые земли 21 четь в поле, а в дву по тому ж; сена нет».

Как видно из процитированной записи, старцы Кирилл и Герасим, основавшие монастырь, к 1627 году в числе его насельников не значились. О. Геронтий дает по этому поводу следующий комментарий: *«хотя в монастырском Синодике написаны Кирилл и Герасим в схимонасах, но точных сведений о них, к сожалению, не сохранилось. И поэтому неизвестно в каком звании были сии благочестивые старцы — простыми ли монахами или имели степень священства; а также нет никакого предания о том, когда они скончались и где погребены»*.

И ныне нам остается вслед за историком из Задонского монастыря констатировать: в точности судьба основателей обители у Дона остается неизвестной. Хотя небезосновательным будет предположение, что Кирилл и Герасим, достигнув высшей ступени монашества — схимы, окончили свои дни в стенах основанного ими монастыря и на святой его земле были упокоены. Подтверждение тому — наличие их имен в заупокойном местном Синодике.

На момент же составления Писцовых книг 1628-1630-х годов старшим в обители был «черный поп Геласий» — иеромонах, выражаясь языком современным. Это подтверждает и другой документ — челобитная 1628 года: «монастырь в Ёлецком уезде Пречистой Богородицы Задонский, а в нем черный поп Геласий, а нгүмена в нем нет». Как видно из записи в Писцовых книгах, обитель явно не была общежительной — каждый насельник про-

*Таким представляется сегодня
Тешевский (Задонский) монастырь начала XVII века*

живал в собственной, отдельно стоящей келье. И было таковых насельников всего трое. Кроме того упоминается и «монастырской служка Васка Юдин», имевший собственный двор в слободке Тешевке.

Видный церковный историк, академик Императорской академии наук Е. Е. Голубинский дает подобным монастырям такую характеристику: «В монастырях “несобственных”, или в монашеских слободках при приходских церквах, не было ничего вещественно общего: ни стола, ни одежды, ни келлий, ни церкви, ибо келлия у каждого была своя собственная. Они представляли собой нечто совсем вольное, своего рода казачество в монашестве... нет сомнения, что и нравственный надзор в них был до последней степени слаб и более номинальный, чем действительный. Каждый монах в них был сам себе игумен».

И в нашем случае монастырская церковь во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери одновременно являлась приходской церковью ближней округи. Об этом свидетельствует то, что в слободке Тешевке проживал особый — «белый» клир, в задачи которого входило совершать так называемые «мирские» требы — крещение, венчание и т. п. Их совершение, согласно Апостольским правилам, регламентирующим отправление богослужений, возбраняется священникам в иноческом сане. Писцовые книги упоминают «двор белого попа Федора; двор дьячков — Бориска Васильева; двор пономарев — Антошка Иванова».

Есть, впрочем, сведения, что ельчанин Филипп Тюнин, деливший с монастырем слободку Тешевку, устраивал отдельную приходскую церковь в своей части вотчины. Но что-то у него не заладилось, и к 1628 году здесь была лишь пустошь, «что было село Пречистенское, под Тешевским лесом на колодезе... а в ней место церковное... место попово, место дьячково, место пономарево, место просвирничино; пашни церковные».

Что же касается мирского населения слободки принадлежавшей обители, то в него входили как монастырские крестьяне, так и 4 двора неких «детенышей» — видимо, так называемых «детей боярских» — представителей низшего класса служилых землевладельцев.

Обращая на некоторые красноречивые фамильные прозвания монастырских крестьян — Голошуб, Кривобок, Вороб — С. Н. Введенский замечает: *«Все эти и подобные им прозвища, на наш взгляд прямо указывают на то, что их носители были беглые и очень ненадежные люди. При первом удобном случае они могли без сожаления бросить свое тягло, чтобы поискать лучшей жизни».*

И подобные факты действительно имели место.

Как свидетельствуют исторические документы, в Елецком уезде, в основном, землевладения были невелики по размеру, а сами вотчинники были либо людьми служилыми, либо относились к приходскому или монашествующему духовенству. Так что, порой, приходилось им страдать от более могущественных и владетельных соседей.

Так, в 1627-1628 годах между мелкими помещиками Засосенского стана и крупным вотчинником Иваном Никитичем Романовым — дядей царя Михаила Федоровича — разгорелась нештучная тяжба. Владельцы поместий, и Тешевский монастырь (в лице попа Геласия) в их числе, обратились к царю с челобитной, в коей обвинили могущественного соседа, чьи земли в районе верховьев рек Репца и Проходни граничили с Елецким уездом, в том, что тот переманивает к себе, а то и просто увозит их крестьян. Не лично, вполне понятно, а через приказчиков и иных доверенных лиц. Конкретно, по обидам Богородицкого монастыря и ближних его соседей, сказано было в челобитной следующее: **«А из тех поместий и вотчин, которые отняли у монастыря Пречистой Богородицы и у нашей братии в Запольном, под Стрыговым и под Тешевым лесом и в иных во многих местах наших же крестьян и вобылей и из-за иных из нашей братии насильно вывозил и нынче вывозят веспрестанно».**

Заметим, что в данной челобитной «ельчан разных людей» монастырь у слияния Тешевки с Доном впервые (в известных исторических документах) именуется Задонским. **«К сей челобитной Задонского монастыря Бречения Владимирской иконы Божней Матери черный поп Геласий руку приложил»...**

По челобитной был устроен скорый «обыск» специально для того прибывшими из Москвы следователями. И сысканное го-

ворило не в пользу челобитчиков. Сила ли оказалась на стороне сильного, или действительно помещики Засосенского стана возвели на царева дядю напраслину, но все свидетели (а их распросные листы приложены к делу) в один голос твердили, что ни о каких увозах в имения Романова им слышать не доводилось. И тогда «на правез» повлекли уже самих жалобщиков, подписавших челобитную. Некоторые оказались в тюрьме. Посетили представители следственных органов и Богородицкий монастырь. Но поп Геласий, непосредственно приложивший руку к челобитной, ударился «в бега». Пострадать вместо него пришлось некоему старцу Перфилию, на три дня взятому под стражу в Елецкую тюрьму. «Черного» же «попа Геласия» велено было «сыскать, и сыскав его, расспросить подлинно против челобитной ельчан всяких людей и про его побег, куды он от старца Перфилия побежал и для чего и куды бегал, и где был».

Впрочем, «попа Геласия» так и не поймали. А старец Перфилий, как явствует из Переписных книг, благополучно пережил следствие, ограничившееся тем, что арестами припугнуло наиболее активных челобитчиков. Сообщается, что в 1629 году отец Перфилий, вместе с другими заинтересованными лицами, как полномочный представитель Богородицкой обители, «земли своей грань» указал по требованию государевых писцов, проводивших заново размежевание владений боярина Романова и ельчан, на него жаловавшихся...

После участия тешевских насельников в челобитной «ельчан разных людей» 1628 года в Богородицкой обители происходят некоторые перемены организационного ее устройства, произведенные, видимо, решением Рязанской митрополии, в подчинении которой находился монастырь вплоть до создания епархии Воронежской.

Известно, что «во 140 [1632] году» Тешевский «игумен Прохор с братьею бил челом государю». Речь идет о затеянной тешевскими монахами тяжбе по возвращению в состав монастырских земель починка Елисеевского, которым до того владел совместно с обителью Филипп Иванович Тюнин, скончавшийся в 1632 году. Его же братья «Федот да Олфер да Богдан» заняли явоч-

ным порядком выморочное владение, которое Тешевский монастырь считал своим. Именно по этому поводу «игумен Прохор с братьею бил челом государю о той монастырской земле». И не зря. Починок монастырю вернули. В «Выписи» 1696 года сказано, что решением Поместного приказа, за подписью дьяка Фектиста Тихомирова, в 1633 году «тот починок Елисеевский отдан по прежнему в Тешевский монастырь».

Кроме того, как видно из процитированной выше челобитной о починке, за прошедшие после побега попа Геласия четыре года обитель за Доном укрепилась организационно — теперь во главе ее уже «игумен Прохор». Предположительно, с этого времени учреждаются в обители и какие-то начала общежития.

До конца XVII в., по данным о. Геронтия, в Богородицком монастыре начальствовали игумены Леонид (при котором, в 1657-1658 годах, число братии достигло 12 человек), Ефрем I, Ефрем II и Трифон. А П. М. Строев, в своем труде «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви» (СПб., 1877), приводит встреченные им в архивных документах случайные упоминания о таких управителях Тешевского монастыря как «строитель Никифор» (1655-1656 гг.), Матфей (январь 1661 — июнь 1662 гг.) и Зиновий (январь 1670 г.).

Под их управлением обитель если и росла, и обустроивалась, то явно не за счет доходов от вотчины, судя по колебаниям населения, продолжавшей переживать не лучшие времена.

По данным 1641 г. в вотчине насчитывалось 47 дворов крестьянских и 11 бобыльских. Но в 1657-58 годах — только 39 бобыльских и крестьянских дворов. К 1676 году за Тешевским монастырем по «Окладным книгам Рязанской митрополии» числится 25 дворов крестьянских, да 6 бобыльских. Два лета спустя — в 1678 — насчитывает монастырская Тешевка 41 двор. Это были последние годы в составе Рязанской митрополии...

Глава III. ПРИ БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ МОСКОВСКОЙ

1682 года Тешевский (Задонский) монастырь перешел в ведение новосозданной Воронежской епархии, которую возглавил св. Митрофан, первый епископ Воронежский, управлявший вверенной его окормлению епархией по блаженную кончину свою, последовавшую 23 ноября (6 декабря — по н. с.) 1703 года.

Достоверно неизвестно, посещал ли святитель Богородицкую обитель, но можно предположить, что вряд ли он миновал гостеприимный кров монастыря, столь удобно расположенного при «большой Московской дороге».

Тем более, что в августе 1682 года, когда новопоставленный архиерей Воронежский направился к месту своего служения, путь его лежал через Елец, где он подробно ознакомился с положением дел в приходских церквях и иноческих обителях. Возможно, тогда же и иноков Тешевского монастыря почтил он своим благочестным вниманием.

Во всяком случае, именно во время его мудрого управления делами епархии обители суждено было обустроиться более значительно, чем в предшествующие времена. Хотя первоначально послал Господь обустроившейся было Богородицкой братии тяжкое испытание: в 1692 году огнем монастырь был уничтожен дотла. Погибли и здания, и имущество, и архивы монастыря. Но в данном случае беспощадный огонь стал не только строгим указанием на тщету в миру приобретаемого, а и послужил тому, чтобы ярче просияла слава Владимирской иконы Богоматери из Задонского монастыря — святой этот образ обретен был на пепелище неповрежденным.

«Это обнаружение чудодейственной силы благодатной от честныя Владимирския иконы Богоматери еще более усилило веру в молящихся перед Нею», — сообщает о. Геронтий. И добавляет: *«Самыя существенныя средства содержания получались Задонс-*

кою обителью от честных чудотворных иконы Богородичныя Владимирския, к которой притекали во множестве усердствующие поклонники и доброхотно оставляли посильные лепты свои на благоустройство честной обители».

В числе «усердствующих поклонников» немало было казаков с Дона. Если в первые годы существования обители они оказывались в этих краях в основном с намерениями разбойными, то теперь к вратам монастыря приводило их религиозное рвение.

В числе книг библиотеки Задонского монастыря была изданная в 1693 г. «Минея» за июль с памятной надписью: «Лета 7205 Ноября куплена на присланные деньги Донского казака Федора Зарубина, в Задонский Тешевский Богородицкий монастырь, при игумене Трифоне».

Упомянутый в надписи игумен Трифон окормлял Задонских монахов между 1693 и 1698 годами. В этот краткий срок он сделал для процветания обители столько, что оставил память о себе на поколения вперед. Именно ему выпало понести труды по восстановлению уничтоженного пожаром 1692-го. Под его руководством храм, кельи и хозяйственные постройки были отстроены вновь столь основательно и продуманно, что простояли без перерывов несколько десятилетий, пока не появилась возможность заменить их каменными.

История сохранила содержание двух документов того времени, дающих возможность более подробно представить себе состояние обители при игумене Трифоне.

Согласно «сказке» (так именовались докладные-отчеты), поданной игуменом Трифоном, за вверенным его управлению мо-

настырем числилось 34 двора крестьянских и бобыльских. Земельное состояние соответствовало указанному в Елецких Писцовых книгах 1628–1630 годов и, с учетом возвращенного обители починка Елисеевского, составляло 381 четверть земли (около 200 гектаров).

В стенах обители спасались четверо монахов в сане, 15 простых монахов и три трудника.

Жили они на ежегодное денежное жалованье, выплачивавшееся из монастырской казны: игумену — 2 рубля, двум «черным попам» — по 40 алтын (1,2 р.), дьякону 20 алтын (60 коп), десяти монахам — по полтине, пяти другим монахам да трем трудникам — по 30 коп. Хлебного жалованья не полагалось — питались в общей трапезной. **Таким образом, при игумене Трифоне мы наблюдаем уже не «своекоштный», как в первые годы существования, а общежительный монастырь.**

Расход вина церковного составлял 3 ведра в год. При этом вино, ладан и свечи «иногда подают мирские люди».

На прочее же приходилось изыскивать средства от имевшихся источников дохода, включая приношения прихожан, сельское хозяйство и некоторые другие предприятия и промыслы. Так, монастырь владел сенокосами, рыбными ловами, мельницами, торговыми и перевозом.

Под «торгами», числящимися за Тешевской обителью, подразумевается участие в уже тогда бывавшей на берегу Дона ярмарке, проводившейся 26 августа — в день праздника, посвященного главной святыне Тешевского Богородицкого монастыря — Владимирской иконе Богоматери. Обители принадлежало «15 лавчонок на приезде для торгу на праздник Владимирской иконы Божией Матери», когда «из разных городов разных чинов люди торгуют один день».

Главная мельница обители, по свидетельству о. Геронтия, была устроена близ монастыря и приводилась в действие запруженными водами Тешевки, пока та не иссохла до такой степени, что и запруда потеряла смысл.

Основным же внецерковным и несельскохозяйственным источником монастырских доходов был отданный обители на от-

куп безоборочно в 1694 году и содержавшийся ее средствами перевоз через Дон на дороге Москва-Воронеж, приносивший в лучшие годы прибыль до 15 рублей серебром. А в прочие — «3-4 рубля неровно». Обслуживали перевоз 3 наемных работника, получавших по полтора рубля в год, а также «свои крестьяне» в рамках крепостных повинностей. На починку перевоза деньги брались из монастырской казны.

На рубеже семнадцатого-восемнадцатого столетий, как свидетельствуют документы того времени, маршрут дороги на Воронеж, наконец, сформировался практически в нынешних его чертах. Соответственно, принадлежавший Тешевскому монастырю перевоз стал здесь главным местом переправы через Дон.

Это подтверждается «сказкой» игуменнии Каптелины (Капитолины) с сестрами, характеризующей экономическое положение Елецкого Богородицкого девичьего монастыря на Каменной горе. Сообщается, что этот монастырь с 1688 года владел «безоборочно» перевозом через Дон напротив села Мокрый Боярак (Ржавец), некоторое время бывшего центром ближней к современному Задонску округи. И с этого перевоза шло в монастырскую казну рублей по 5 - 6 за год.

«Ныне же, — говорится в документе, — доходу малое число... На перевоз идет мало народу, потому что большая дорога идет через перевоз Тешевского монастыря, а здесь дорога залегла».

Особенно оживилось движение по дороге через перевоз мимо Задонского монастыря в связи с началом работ по сооружению в Воронеже верфей для будущего флота России, получивших благословения св. Митрофана, первопрестольника Воронежского, искренне поддерживавшего благие начинания неистового монарха. «Сей архиерей... в простых, но сильно над сердцами народа действующих поучениях возносил хвалами намерения государевы и увещевал трудящихся в работах и весь народ к ревностному содействию отеческим попечениям монарха».

Но, казалось бы, благотворное для владельцев перевоза усиление интенсивности движения по дороге на Воронеж привело к обратному результату — доходность упала. «На тот перевоз надлежит проезжая большая Московская дорога и через тот перевоз

переезжают, едучи с Москвы на Воронеж и с Воронежа к Москве со всякими великого государя полковыми припасы и служебные всяких чинов люди, а перевозного с них не емлют, а меж служилых людей и промышленные многие люди переезжают безденежно» — сообщает игумен Трифон. При этом, надо заметить, среди прочих людей служилых попадались и весьма властительные.

Тем более, что в 1700 году дорога стала государственной. Вот что писал Петр I: *«На Воронеж. Стольнику нашему Еремею Хрущеву. В нынешнем 1700 году... Учредить почту по станом*

от Москвы..., от Ельца до Дону, от Дону до Хлевного». А в книге известного липецкого краеведа Л. Е. Рудакова «По следам легенд» находим сообщение о том, что связанный со строительством флота в Воронеже поток грузов и пассажиров «притягивала и выстроенная в начале XVIII века дорога Москва-Воронеж, через Елец, длина которой тогда определялась в 402 версты. Привыкший экономить время, Петр I это четырехсотверстное расстояние часто преодолевал менее чем за трое суток».

Получается, что и Петра Великого могли лицезреть насельники Тешевского монастыря. А возможно, император удостоил посещением и храм обители...

*Святитель Митрофан Воронежский
принимает в своей келье
императора Петра Великого.
С «Адмиралтейской иконы»
К. Назарова (2003 год)*

Произведенное в начале XVIII века обустройство старой дороги за счет государства и придание ей тем самым официально-го статуса еще более оживило здесь движение. А вскоре более удобная и короткая дорога мимо Тешевского монастыря стала основной трассой Москва-Воронеж, отгеснив на второй план некогда главный тракт того же маршрута, пролежавший через Ранненбург (Чаплыгин).

И совсем не случайно уже в конце 1730-х — начале 1740-х годов основные строения Тешевской (Задонской) обители, включая и ограду, получили каменное воплощение.

Произошло это благодаря умелой экономической политике игумена Евфимия II (Евсевия — в схиме), бывшего не только мудрым духовным наставником братии, но и сметливым хозяйственником. Конечно, внесли определенный вклад в накопление средств для радикального обустройства остававшегося деревянным монастыря и предшественники Евфимия II — Игнатий, Филарет, Антоний I, Евфимий I и скитумен Авель.

И вот, в 1736 году началось, а в 1741 завершилось строительство двухпридельной каменной церкви. Главный престол освящен был, как и прежде, во имя Сретения Владимирской иконы Богоматери. Правый придел — в честь рождества Иоанна Предтечи; левый — во имя Евсевия, епископа Самосатского (небесного покровителя игумена-строителя после принятия им схимы). Кроме того, парадная, западная стена ограды и ворота в ней были выложены из кирпича.

«Против соборной церкви сооружена каменным же готическим зданием колокольня, примыкавшая передней стороной к означенной ограде; внутри оной в первом этаже устроен был храм во имя Святителя Николая; по обе стороны колокольни построены о двух этажах келлии с кладовыми для настоятеля и казначея; приобретена ризница и утвари престольная», — так рассказывает об обновлении обители о. Геронтий.

Документы 1770-х годов, обнаруженные А. Ю. Клоковым и А. А. Найденовым в РГАДА, свидетельствуют, что и на первой каменной колокольне монастыря были часы. В марте 1775 г. «выдано означенного села Слободки [*Тешевки*] кузнецу экономичес-

*Башня, бывшая в XVIII веке
угловой северо-западной —
последняя из сохранившихся
построек схиигумена Евсевия*

оруженного в дни, когда столь успешно руководил он вверенной его управлению обителью. Из личных вещей до 1922 года в ризнице Богородицкого монастыря сохранялся серебряный крест с надписью: «Устроен крест сей в Задонском монастыре тищанием игумена Евфимия. 1741 г.».

Кое-что из построенного схиигуменом Евсеем дожило и до дней сегодняшних. Это часть кирпичной стены, отделяющей собственно монастырский двор от колокольни и гостиницы, а также башня, завершающая северный конец старинной стены.

По оставлении Евфимием II поста настоятеля, бразды правления переданы были, по решению епархиального руководства, игумену Антонию II, настоятельствовавшему с 1745 года по день своей смерти, последовавшей 3 июня 1747 года. Кто наследовал

кому крестьянину Ефиму Трафимову за починку им монастырских калакольных часов три рубли двадцать пять копеек». А «воронежскому купцу Петру Рындиному за покупку у него для смазования калакольных часов трех фунтов деревянного масла семдесят пять копеек».

В 1778 г. было заплачено 2 рубля «елецкому меднику Ивану Ливенцову за починку у колокольных боевых железных часов дву колес».

Завершил свой земной путь игумен Евфимий II в 1746 году, под именем Евсевия, облекшись в схиму и оставив годом ранее настоятельство.

Упокоен был схиигумен с почестями под алтарем нового Владимирского собора, со-

ему — неизвестно. Дело в том, что, по сообщению о. Геронтия, после имени Антония II в монастырском синодике записаны были на поминование еще 11 человек, вплоть до архимандрита Варсонофия I, управлявшего обителью в 1750 году и тогда же скончавшегося. Это схимники: Никита, Иринарх I, Пахомий, Тихон I, Тихон II, Питирим, а также — Стефан, Тихон III, Афанасий, Варлаам и Лаврентий.

Приводя перечисленные имена из синодика, о. Геронтий замечает: **«Неизвестно, в какое время настоятельствовали эти лица в Задонском монастыре; неизвестно и то, когда они умерли и где погребены».** По косвенным данным можно предположить, что Питирим имел сан архимандрита. Так, архимандрит Питирим упоминается в числе настоятелей, при которых имели место «бунты» тешевских монастырских крестьян.

А в 1750 году настоятелем стал архимандрит Варсонофий II, что подтверждается его собственным свидетельством: «а при мне, с 1750 года...». Имя его сохранилось в исторических документах прежде всего из-за обострившихся до предела взаимоотношений иноков обители и крепостных крестьян из слободки Тешевки. Слободка эта и прежде, «за скудостью» вотчинников, являлась малоодоходной, а к середине восемнадцатого столетия стала еще и трудноуправляемой из-за все возрастающей строптивости крестьян. Как сказано в «доношении» от 1752 года, **«самовольные крестьяне над нижеписанными настоятелями наперед чинили непорядки, а имянно: архимандрита Питирима, вытоща из настоятельской ево кельи за волосы за монастырь, били ево немилостиво, а игумена Ефимия намерены были убить до смерти».**

История свидетельствует, что в те годы нелады монахов с вверенными их управлению крепостными имели место не только в монастырской слободке Тешевке.

Уместно будет процитировать здесь определение Святейшего Синода Российского от 1753 года, в котором отмечается, что крестьяне монастырские **«по воспринятому свою бесстрашию, своевольству же и дерзновению, в некоторых местах оных архиереям и монастырским властям и подчиненным им во всем явно чинятся весьма непослушно и противны, и по нарядам от домов архиерейских и**

монастырей своих... надлежащих работ и других изделий исправлять не хотят, и отрицаются, и, таким образом, по немалой части сами себя разоряют и не в состояние приводят».

Архивы сохранили сведения о конфликте между монахами Богородицкого монастыря и крестьянами слободки Тешевки, иллюстрирующим приведенное выше синодальное определение. Разгорелся он летом 1752 года. В 5-м, 1905 года, выпуске «Воронежской старины» можно познакомиться с «Доношением Задонского архимандрита Варсонофия о самовольстве и непослушании монастырских крестьян».

Из доношения следует, что в течение нескольких лет между монахами и их крепостными имела место негласная договоренность — крестьяне без спроса обкашивали монастырские сенокосы, чтобы в дни Владимирских ярмарок заработать копейку-другую и поправить «беспошлинно» свои дела, а монахи закрывали на это глаза, так как сена всем хватало. Но лето 1752 года выдалось засушливое, травы горели на корню и «к сеножатию угодий» имелось мало.

Вспору было задуматься, чем зимой скот кормить. Причем, не только монастырский, а и слободской.

Вот архимандрит Варсонофий и наказал тешевскому старосте Ивану Воргушину, чтобы крестьяне «все до одного человека, как монастырское, так и свое крестьянское сеножатие во время ярмоначное отнюдь прежде времени не косили и в продажу чтоб травы не употребляли... дабы от того в сене впредь последовать не могло каких недостатков».

Но крестьяне должного послушания не проявили. Напротив, «лутчие сеножатвенные места прежде времени все самовольством своим повыкосили и в ту ярмонку (3 июня) продали, а прочю траву потолочили». Более того, при попытке урезонить одного из самоуправцев, дело дошло до рукоприкладства. И в итоге, «ради того, а наипаче, чтобы оные крестьяне не могли учинить какого метежа и во время ярмарочного возмущения, принужден был дать по их воле, что хотят, то учинять».

Понятно, что в таких условиях о больших выгодах от вотчины говорить не приходилось...

Впрочем, не только из-за событий бурного лета 1752 года имя архимандрита Варсонофия II осталось в истории Задонского монастыря. Так, в годы пребывания этого архимандрита во главе Богородицкой братии, значительный вклад на устройство обители сделан был Варварой Ивановной Фроловой — женой атамана Войска Донского Василия Фролова.

Эта набожная и чадолубивая женщина благотворила Тешевской обители с тех пор, как в 1742 году ее старший сын — бригадир и казачий старшина Иван Васильевич Фролов — был упокоен в здешних стенах. Возвращаясь из Москвы в Черкасск, он в дороге опасно занемог и обрел последний приют в Богородицком монастыре. С разрешения епархиального начальства столь видный представитель Войска Донского, казаки которого и до того не раз помогали монастырю своими вкладами, был похоронен под алтарем Владимирского собора.

А в 1750 году, еще и овдовевшая к тому времени, мать покойного бригадира пожертвовала обители серебряную и оловянную посуду, а также две богато изукрашенных жемчугом митры в память о покойных свекре, муже и сыне. Вплоть до послереволюционного разорения дары сохранялись в монастырской ризнице.

С именем Варсонофия II сопряжено и еще одно обстоятельство — уже не материального, а мистического плана, сохраненное в монастырских преданиях. Рассказывали, что будучи настоятелем в Задонском монастыре, он «обмирал» на несколько дней и в это время слышал глас, возвестивший, что *«здесьнее место прославлено будет одним Божиим угодником»*.

По сообщению автора «Монашества на Дону» П. В. Никольского, архимандрит Варсонофий был уволен на покой в Лебедян-

---

* П. М. Строев, в ранее упомянутом справочнике «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви», годом окончания служения о. Варсонофия в Богородицкой обители называет 1758-й. А прошение о переселении архимандрита в Толшевский монастырь из Лебедянского, «по недовольствию в том монастыре разных съестных и прочих припасов», было удовлетворено в 1772 году. Сомнительно, чтобы отправленный на покой настоятель более 10 лет терпел подобное «недовольствие». Меж тем известно, что в 1760-е годы Битоцким монастырем управлял архимандрит Варсонофий, уволенный на покой епископом Воронежским и Елецким Тихоном (Соколовским) в 1867 г.

ский Троицкий монастырь, откуда переведен в Толшевский Спасо-Преображенский, где и пребывал в здравии по крайней мере до 1773 года.

В составленном о. Геронтием списке, за архимандритом Варсонофием II следует Корнилий (Кирилл — в схиме), вступивший в должность 24 февраля 1763 года и менее чем через год скончавшийся (29 ноября 1763 года). Сменил его Иринарх II, оставшийся в должности по крайней мере до 6 апреля 1764 года — этим числом датируется найденный о. Геронтием документ о споре игумена Иринарха с настоятелем Елецкого Троицкого монастыря архимандритом Гавриилом (Спичинским).

17 августа 1765 года настоятелем Богородицкого монастыря стал игумен Зосима «из вдовых диаконов архиерейской вотчины с Боршева». Он управлял обителью по 1767 год, а затем переведен был в Воронежский Алексеевский Акатов монастырь.

В эти годы произошло изъятие властями церковных земель и монастырь перевели на штатное содержание.

В рамках проводившейся правительством Екатериной II политики секуляризации церковных владений, монастырская слобода в 1765 году была переведена в разряд «экономических» — то есть, подведомственных государству. Лишение монашеских общин вотчинных владений сопровождалось закрытием обителей или официальным присвоением класса и утверждением соответствующего штатного расписания.

29 апреля 1764 года Св. Синод определил оставить штатными 5 монастырей Воронежской губернии. В их числе был и Задонский Тешевский Богородицкий. При учреждении монастырских штатов Задонская обитель была отнесена к III классу, с ежегодным штатным жалованьем 806 рублей 30 копеек серебром. Штат определен был в 15 человек. Реально в 1764 году в обители спасались не только положенные по штату 15 насельников, но и трое сверх штата.

Глава IV И ПОТЁК НАРОД ДЛЯ ПОКЛОНЕНИЯ

В 1769 году, Великим Постом, Тешевский (Задонский) мужской монастырь во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери избрал для пребывания удалившийся на покой епископ Воронежский и Елецкий Тихон (Соколовский) — человек, уже при жизни почитавшийся народом за святого.

Именно здесь, в Задонской обители, этот архиерей, оставивший епископскую кафедру по болезни, достиг небесных высот на пути земном. Здесь родились главные духовные сочинения, принесшие ему славу «Российского Златоуста».

Здесь суждено было св. Тихону многое претерпеть и еще большее приобрести, чтобы в конце подвижнического пути увенчаться благоуханным венцом святости.

Окончательно наименование «Задонский» закрепилось за бывшим Тешевским Богородицким монастырем с 1779 года, когда населенный пункт, выросший у его стен, велено было указом Екатерины II именовать впредь городом Задонском. В тот год управлял Богородицким монастырем игумен Самуил I, с некоторым перерывом окормлявший задонскую братию с 1776 по 1787 год. Предшествовали ему на этом поприще трое настоятелей.

Первый — архимандрит Нифонт, сменивший игумена Зосиму в 1767 году и скончавшийся 12 мая 1774 схимником, под именем Николай. Затем настоятельствовал в Богородицкой обители архимандрит Феодосий, прежде бывший за штатом.

В 1776 году он сдал дела игумену Самуилу, 3 февраля приступившему к обязанностям настоятеля. Впрочем, уже в конце 1777 года вместо отца Самуила назначают игумена Венедикта. Новый Богородицкий настоятель, видимо, имел возраст весьма почтенный и был слаб здоровьем, а потому уже 22 июня 1778 года его прошение об увольнении на покой с пенсией было удовлетворено. Освободившееся место, на этот раз вплоть до 1787 года, вновь занял игумен Самуил.

*Святитель Тихон беседует с народом
у дверей своей кельи в Задонском монастыре*

Упомянутую группу настоятелей объединяет то, что именно в годы их управления пребывал в Богородицком монастыре святитель Тихон Задонский (с 1769 по 1783 гг.). И именно от некоторых из них суждено было претерпеть ему те самые, так досаждавшие епископу на покое, «клеветы и наветы».

В бытность у кормила обители архимандрита Нифонта, весной 1769 года, епископом Воронежским Тихоном II (Якубовским) был сделан запрос в Св. Синод — можно ли позволять епископу на покое совершать богослужения. Синод счел вопрос излишним, так как св. Тихон был уволен от должности правящего архиерея (в коей пребывал с 1763 по 1768 год) по собственному прошению. 29 мая 1769 года Синод приказал не только не препятствовать в священнодействии св. Тихону, но и снабдить его необходимой для служения ризницей. Архимандрит Нифонт не исполнил этого приказания. Должных условий для совершения св. Тихоном литургий создано не было. Порой в алтаре не оказывалось даже архиерейской мантии и, принимая причастие, святитель вынужден был облачаться в священническую ризу.

Сменивший Нифонта Феодосий, по мнению некоторых биографов св. Тихона, был назначен в Богородицкий монастырь епископом Воронежским Тихоном II, весьма недружественно настроенным по отношению к предшественнику, именно потому, что, также как и правящий архиерей, не питал добрых чувств к святителю. Во время пребывания на Воронежской кафедре святитель Тихон отстранил архимандрита Феодосия «за нерадение» от должностей управителя Острогжского духовного правления и настоятеля Дивногорского монастыря, выведя «за штат».

Естественно, как замечает Т. Д. Попов*, отношения между оставившим кафедру архиереем и некогда наказанным им архимандритом во время совместного пребывания их в Богородицком монастыре нельзя было назвать дружелюбными.

---

* Протоиерей, профессор богословия, получивший начальное образование в Задонском духовном училище. До революции 1917 года выпустил две основательных и до сих пор авторитетных работы о святителе Тихоне. Впоследствии — видный деятель обновленчества. Принес покаяние, преподавал в Московской духовной академии.

Тот же Т. Д. Попов, а, следуя за ним, и схиархимандрит Иоанн (Маслов)*, считают что всех в неприятии св. Тихона превзошел Самуил — любитель горячительных напитков и светского общества. Именно он, якобы, не только публично нелестно отзывался о праведнике, но и дерзнул поднять на него руку.

Но эти утверждения, со ссылками на воспоминания келейников св. Тихона, не находят однозначного подтверждения ни в тексте записок Василия Чеботарева, ни Ивана Ефимова.

В воспоминаниях Чеботарева, где и говорится о «начальнике монастыря», бывшем особо дерзновенным в отношении св. Тихона, упоминание о Самуила по имени вообще отсутствует. Самуила трижды называет Ефимов, но в нейтрально-уважительном контексте, лишь в последнем случае отмечая, что в часы кончины святителя, когда братия бодрствовала и стояла при одре умирающего, настоятель непробудно спал в своей келье, хотя несколькими часами ранее просил непременно известить его «при самой... Преосвященного кончине».

«Святительская его душа разлучилась с телом 6-го часа в 45 минут утра, августа 13-го числа», — сообщает Иван Ефимов. Случилось это в 1783 году.

Погребение усопшего праведника совершил епископ Воронежский и Елецкий Тихон III (Ступишин-Малинин), с большим уважением относившийся к предшественнику, избравшему стезю подвижническую. Незадолго до кончины правящий архиерей приезжал навестить умирающего, «и целые сутки провел в монастыре, утешая болящего своими беседами при его одре».

Получив же от игумена Самуила донесение о кончине святителя Тихона и о предсмертных его распоряжениях, епископ Воронежский объявил, что назначенное покойным в завещании место для погребения (близ Владимирского собора, на пороге, при входе в алтарь, дабы тело грешное попиралось ногами проходящих), не соответствует святой жизни и заслугам почившего в Задонске архипастыря. И потому приказал похоронить святителя Тихона под алтарем соборного храма в честь Владимирской

---

* Автор подробнейшего послесоветского жизнеописания святителя Тихона, наиболее полно обобщивший труды предшественников.

иконы Божией Матери, «в особом склепе, где уготовив могилу, выкласть оную кирпичом».

Вот как рассказывает об упокоении святителя Тихона иеромонах Геронтий (Кургановский) в «Историко-статистическом описании первоклассного Задонского Богородицкого монастыря»: «Тело усопшего руками священников было перенесено под алтарь соборной церкви, где положено в обложенный камнем склеп и закладено с выводом над ним из кирпичей надгробия в форме гроба». На надгробии положена была медная доска с надписью, сочиненной лично Тихоном III-м: «Здесь скончался 1783 года Августа 13 дня преосвященный Тихон епископ, прежде бывший Кексгольмский, а потом Воронежский, рожденный 1724 года, пребывавший на обещании с 1767 года по смерть, показавший образ добродетели — словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою. 1783 года Августа 20-го погребен здесь».

О состоянии Задонского Богородицкого монастыря в последние годы управления игумена Самуила «Описание Воронежского наместничества 1785 года» (далее — «Описание 1785 года») сообщает следующие сведения: «Монастырь мужеский третьего класса, в котором церковь, колоколя, ограда и несколько келей каменные, но болшею частию обветшалыя; а при манастыре игумен 1 и 11 монахов. Здание в манастыре посредственное, строено в разныя времена настоятелями от экономии и от подаяния».

Завершилось настоятельство о. Самуила в Задонске переводом его в Троицкий Елецкий монастырь в конце 1787 года. Но спустя девять лет, когда уже стекались паломники ко гробу святителя Тихона, ему довелось вернуться.

В 1796 году игумен Самуил был отправлен на покой с пенсией в 75 рублей ассигнациями и переведен в Задонский монастырь, где и скончался в том же году.

После игумена Самуила управлял Задонской обителью до 1789 года игумен Климент (Белешапкин) из Елецкого Троицкого монастыря. При нем была предпринята попытка укрепить, капитально отремонтировав, старые кельи, давшие кров святителю Тихону в годы его пребывания здесь. Каменная их часть, постройки 1740-х годов, была не новой и при святителе Тихоне, а де-

ревянная, устроенная заботой помещика Бехтеева ради удобства чтимого им архиерея на покое, с тех пор также изрядно обветшала. Ведь специальной заботы о сохранении келий, в которых прожил около 13 лет и где окончил дни своей земной жизни святитель Тихон, проявлено не было.

Хотя повод для особого попечения об этом святом и памятном месте имелся. Ибо уже в первые годы после смерти св. Тихона в народе стало формироваться неофициальное, но весьма массовое почитание бывшего епископа Воронежского как святого. А тут еще, по преданию, спустя три года после кончины святителя, его ближайший друг — схимонах Митрофан — сообщил многочисленным паломникам, съехавшимся в Задонск, чтобы поклонится гробу праведника, о явлении ему покойного архиерея. Представ в сновидении перед собеседником своим и соотайнником, которому не раз поверял при жизни самое сокровенное, св. Тихон сообщил следующее: **«Отец Митрофан, хочет меня Всемогущий Бог прославить».**

Видение это было как бы ответом на безмолвный вопрос сотен богомольцев, оставшихся без окормлявшего их человека Божьего, к месту упокоения которого они продолжали идти с тайной надеждой, что Господь сподобил опочившего праведника быть рядом с Ним, в сонме святых и блаженных. А значит — не напрасна их молитва и их упование.

Многие вспомнили тогда же, как еще при жизни святителя другой близкий к нему человек — ельчанин Кузьма Игнатьевич Студеникин, рассказывал о том, что архимандрит Варсонофий II слышал глас о «некоем угоднике Божиим», которому суждено было прославить Задонский монастырь. При этом Студеникин указывал на пребывание в Задонске святителя Тихона как на подтверждение этого «гласа». А присутствовавшие при погребении тела св. Тихона не могли не обратить внимания и на достаточную красноречивую оговорку епископа Воронежского Тихона III назвавшего в надгробном слове своего предшественника «святым мужем». По воспоминаниям одного из современников: **«С того времени потек от всех мест народ для поклонения и начали служить панихиды при гробе святителя».**

Но в результате небрежения управителей Богородицкой обители, в то время, когда память о святителе «в духе» возрастала, материальных свидетельств его пребывания в Задонском монастыре оставалось все меньше. Предметы, окружавшие св. Тихона при жизни, оказались вынесены за пределы монастырских стен почитателями, а домик его, как сказано о том выше, постепенно приходил в негодность.

А в 1788 году отставному прапорщику Якову Машонову, жителю Тамбовской губернии, явлено было видение, подвигшее его все оставшиеся годы жизни земной посвятить попечению о скорейшем открытии пребывавших, по его убеждению, в нетлении мощей святителя Христова Тихона. Набожный, истово верующий Машонов, воодушевленный тем, что было открыто его духовным очам, сразу же заказал написать «образ святого Тихона епископа, чудотворца Задонского». А затем — пошел по инстанциям. Был на приеме у Санкт-Петербургского митрополита Гавриила (Петрова-Шапошникова), где доложил, что *«епископ Тихон, являсь ему, Машонову, во сне, повелел объявить митрополиту об открытии своих мощей»*. Митрополит, знавший святителя Тихона лично и с великим уважением к нему относившийся, ходатай выслушал, но счел необходимым оставить услышанное без последствий. И то же порекомендовал сделать генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому, который обратился к митрополиту за советом, когда уже ему поручено было рассмотреть прошение Машонова, поданное на имя императрицы Екатерины II.

Последующие, в царствование Павла I, столь же безрезультатные в главном, ходатайства Якова Машонова для него лично имели более печальный исход. Он был подвергнут суду и наказанию «за отказ дать подписку в том, чтобы не отправлял святительской службы покойному епископу Тихону и не поклонялся его образу».

Впоследствии Машонов был даже лишен свободы. Освобожденный с восшествием на престол Александра I, Яков Машонов переехал в Задонск, где и провел остатки дней своих, квартируя в доме нищелюбивого мещанина Добычина и отличаясь «благочестием и юродством Христа ради». В Задонск отставной

прапорщик привез единственное свое богатство — образ святителя Тихона. По кончине прапорщика «машоновская икона» осталась в Задонске, оказавшись в конце-концов в Свято-Троицком женском монастыре, где и пребывала до послереволюционного разорения.

История прошений прапорщика Машонова, при всей внешней ее безрезультативности, все же имела немалый общественный резонанс, способствуя тому, что все больше паломников притекало ко гробу святителя Тихона, на месте убеждаясь в неложности своих ожиданий. Не случайно в указе Св. Синода о прославлении св. Тихона 1861 года есть и строки, где отдано должное скромному отставному прапорщику: **«Еще в конце прошлого столетия такое упование (на канонизацию св. Тихона) выражено было в прошениях, поступавших на Высочайшее имя и в Св. Синод; но тогда не наступил еще предустановленный от Господа час прославления святителя».**

В ожидании этого «часа», гонения и утеснения пришлось испытать не только безвестному до того тамбовскому прапорщику, но даже и прижизненным друзьям и собеседникам святителя Тихона. Как замечает П. В. Никольский: «Их “старчество” было необычным и странным для монахов явлением. Уж если это направление вызывало осуждение и покивание главами против самого святителя, то против рядовых монахов оно должно было возбудить открытое недовольство и преследование. Особенно подозрительным для монастырских властей было поведение схимонаха Митрофана. Он жил за монастырской стеной вместе с послушниками и, как и св. Тихон, чуждался братской трапезы. И он не боялся обличать пороки монахов. В то же время, он продолжал принимать к себе богомольцев и давать им наставления; а так как старец разделял с ними трапезу и принимал от них приношения, то среди монахов распространилась молва о нем, как “о ядце и пийце”. А монастырские власти воздвигли на него прямое обвинение в немонашеском образе жизни».

Просил игумен консисторию принять меры и против главного ученика старца — Никандра Бехтеева: «Живущему же в монастыре из дворян труднику Никандре Бехтееву, который пристра-

стился ко оному схимонаху, а в монастыре никакого послушания не имеющему, ко оному схимонаху всегда ходящему, отныне ходить повелеть запретить, для того чтобы они обще [сообща] письмами более народу не прельщали». Так как прошение игумена Климента было составлено формально грамотно, то духовная консистория, не вникая в ситуацию, постановила удовлетворить его.

Схимонаха Митрофана предписано было «из уединенной его келии перевести в монастырь и отдать в сожигание и под присмотр кому заблагорас-

судит настоятель»; он же «может и воспрещение и дозволение сделать, кому должно к схимонаху в келию не входить»; чернильницы же и бумаги из братии при себе иметь, по силе Духовного Регламента в Прибавлении о монахах 36 пункта, никому не велеть, и буде у кого окажется, оную отобрать, дабы никто без дозволения настоятеля ни к кому писем писать не дерзал». «А прежнюю келию, в которой пребывал доселе схимонах Митрофан», велено было «разобрав употребить или на топленые печей, или на монастырскую починку, по рассмотрению настоятеля». Распоряжение о разборке кельи, по свидетельству о. Геронтия, было тогда же выполнено. А уже по кончине о. Митрофана, погребенного на месте кельи, родилось предание, что сам домик был снесен «по причине решительного народного убеждения в нетленности Митрофанова тела и особенного благоговения к его подвижнической могиле».

На самом деле отца Митрофана переселили в келью старца Аарона, где он и окончил свои дни 27 февраля 1793 года, в четвертом часу пополудни. К тому времени клеветы, воздвигнутые

*Схимонах Митрофан,
собеседник и сотаинник
свяителя Тихона*

на сотаинника и собеседника святителя Тихона, оказались полностью и бесследно рассеяны подвижническим образом жизни схимонаха Митрофана, в неложности коего, теперь, имея человека Божия перед очами своими, монастырское начальство без сомнения удостоверилось.

А потому и было удовлетворено духовное завещание старца, в котором тот просил похоронить его на месте разобранной кельи, в пещерке-погребке, некогда ископанной им собственноручно под полом для уединенной молитвы.

Настоятельство о. Климента в Задонске завершилось осенью 1789 года. Отправленный на покой, он остался в Задонской обители, где и скончался 2 марта 1797 года.

4 октября 1789 года иеромонах Тимофей (Самбикин), бывший настоятель Толшевского монастыря, определен был настоятелем Задонского Богородицкого монастыря. «На этой должности выдавался своей деятельностью, за что пользовался уважением епархиального начальства». В годы его управления Задонским монастырем началось активное переустройство старинной обители. Сооружены были каменные двухэтажные корпуса для братьев и для приезжих (размещавшиеся с южной и северной сторон Владимирского собора), а также одноэтажный деревянный домик для настоятеля (в монастырском саду, за алтарной частью главного храма). В то же время разобрали частокольный участок ограды с восточной стороны монастырской территории, заменив его кирпичной стеной.

Как сообщает в своей рукописи архимандрит Досифей, по печением игумена Тимофея в 1790 году, над криптой, где покоился святитель Тихон, вместо деревянного перекрытия устроен был каменный свод, опиравшийся на одну колонну, а пол был выслан чугунными плитами.

В 1803 году полностью были обновлены внутренние росписи Владимирского храма. Кроме того, при игумене Тимофее произошли три весьма значительные перемены в устройстве внутренней жизни Задонского монастыря.

Во-первых, повысился его статус. Указом Святейшего Синода от 10 сентября 1798 года в Задонском Богородицком монастыре

была учреждена, в соответствии с его рангом, третьеклассная архимандрия. Тем же указом игумен Тимофей возведен был в сан архимандрита.

Весьма знаменательны приводимые автором «Монашества на Дону» П. В. Никольским основания, послужившие для этого поводом. Сообщается, что, согласно императорскому указу от 18 декабря 1797 г., требовавшему возвышения чем-либо выделяющихся монастырей, «Воронежский преосвященный Мефодий [Смирнов — Л. М.] сделал представление в Св. Синод о возвышении монастырей Задонского и Лебедянского. 22 февраля 1798 года Св. Синод определил быть в этих монастырях архимандритам: в Лебедяни — в рассуждении бывающих там знатнейших по всей России ярмонок и огромного в том монастыре строения, в Богородицком Задонском — в рассуждении всегдашних из многих мест чрез оный город проездов знаменитых людей и по частым в оный монастырь отсюда великим собраниям, по усердию к погребенному там ревностному пастырю преосвященному Тихону I».

Во-вторых, Владимирский собор избавлен был от роли приходской церкви близлежащей округи.

Ведь вплоть до самого конца восемнадцатого столетия единственной церковью Задонска по-прежнему оставался Владимирский собор Богородицкого монастыря. При монастырском храме, как и в начале века семнадцатого, числился не только «черный» — монашеский, но и «белый» — светский причт. «Приходов, кроме... монастыря нет... В монастыре для города служит приходской священник и два причетника», — сказано в «Описании 1785 года».

Лишь в 1797 году в Задонске была заложена, а 23 июля 1798 года «начата постройкой», соборная каменная церковь во имя Успения Божией Матери. Полностью постройка была окончена «вчерне» к 1801 году. Тогда же были освящены придельные алтари в трапезной части: 1 января — во имя Архистратига Михаила (правый), а 23 мая — во имя св. Тихона Амафунтского (левый). Затем возникла некоторая заминка с отделкой и главный алтарь новопостроенного храм — во имя Успения Пресвятой Богородицы — освящен был только в 1809 г.

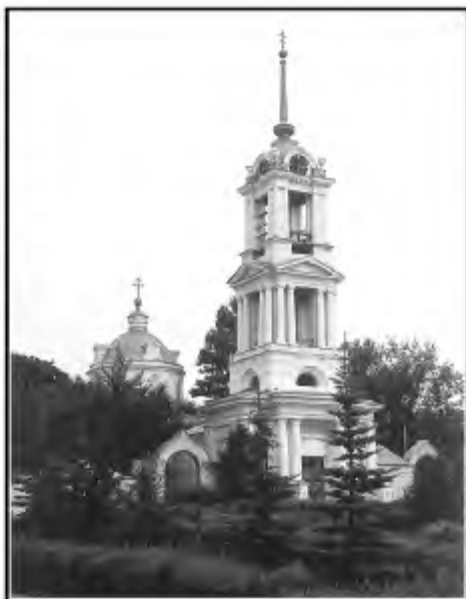
К счастью, время и люди пощадили собор, и он по-прежнему стоит там, где ему положили стоять наши предки и утвержденный еще лично императрицей Екатериной II генеральный план городской застройки Задонска.

Неординарность проекта Успенского собора в Задонске и качество его воплощения послужили в советское время поводом к признанию храма памятником архитектуры. «Особенно интересна трехъярусная колокольня, поражающая своей легкостью и стремительным взлетом... По

стройности своих общих форм и динамизму колокольня может быть отнесена к группе наиболее видных сооружений подобного рода» — так охарактеризовал Успенский собор в Задонске краевед Л. Е. Рудаков — бывший главный архитектор Липецка.

И в-третьих, к 1802 году завершилось, наконец, строительство «присутственных мест» — здания, где разместились структуры тогдашней уездной власти.

До той поры единственными каменными (да к тому же достаточно просторными) постройками были в Задонске только монастырские здания. А потому все «городские службы» вместе с «органами исполнительной власти» вынуждены были в течение двадцати первых лет Задонской городской истории квартировать в стенах обители, пока для «присутственных мест» сооружались приличествующие здания. Так «Описание 1785 года» свидетельствует: «**присудственные места по неустроению еще казенных помещаются в состоящем в городе монастыре**». А по сообщению

*Успенский собор в Задонске.
Фотография 2001 г.*

иеромонаха Геронтия, последнее светское учреждение съехало из монастыря только в 1802 году.

Все эти годы в монастырских подвалах размещалась и городская тюрьма. «Во время бытности в Задонском монастыре судебных мест, там же находилась и тюрьма для преступников», — вспоминает современник — келейник св. Тихона Иван Ефимов в своих «Записках». Что дало возможность воинствующим атеистам, спустя века, выставить задонских монахов в роли безжалостных тюремщиков. Но, как видно из документов, тюрьма была не монастырская, а городская.

На внутреннем укладе обители переезд «госучреждений» за ее ограду сказался весьма благотворно, позволив значительно более изолированно от мира, по-монастырски, организовать внутренний распорядок жизни Богородицкой обители. Так что не случайно архимандрит Тимофей отмечаем был епархиальным руководством не только за благоустройство монастырских зданий, но и за успешное духовное окормление братии, не всегда удававшееся его предшественникам.

В 1806 году архимандрит Тимофей назначается настоятелем в Виленский Святодухов второклассный монастырь. Новой обителью он управлял до 19 декабря 1812 года. Такая дата стоит на указе Св. Синода об увольнении на покой архимандрита Тимофея, как полностью потерявшего зрение. Последние пять лет своей жизни, завершившейся 2 октября 1817 года, архимандрит Тимофей провел на покое в Задонском монастыре.

На посту настоятеля Задонского мужского монастыря наследовал архимандриту Тимофею префект (инспектор) и учитель богословия Воронежской семинарии, соборный иеромонах Иннокентий (Алексеев). 10 сентября 1805 года, указом Св. Синода, удостоен он был сана архимандрита.

При о. Иннокентии продолжилось начатое предшественником архитектурное переустройство монастыря.

Были выстроены кирпичные здания братской трапезной, кухни и хлебопекарни. Трапезный корпус постройки 1806 года был «изящной архитектуры с колоннами», украшенный «алебастровыми фигурами».

Архимандрит Иннокентий был человек очень образованный и имевший богатую личную библиотеку. Но недаром сказано, что *кто умножает познания, умножает скорбь*. Скончался архимандрит Иннокентий 3 сентября 1807 года при скорбных обстоятельствах, впад под конец жизни в непреходящую «ипохондрию».

Следующим настоятелем Богородицкой обители назначен был архимандрит Евграф, переведенный сюда 11 ноября 1807 г. из Арзамасского Спасо-Преображенского третьеклассного мужского монастыря. Управлял обителью 7 лет. Также как и предшественник, преподавал богословие в Воронежской семинарии.

По сообщению о. Досифея, в 1812 г. архимандрит Евграф с братией пожертвовали «на защиту Отечества» от Наполеоновского нашествия 5 тысяч рублей наличными. А кроме того, на эти же цели братия выделила около шести фунтов серебряных с позолотой вещей, несколько драгоценных камней, жемчуг и разные иные ценные вещи.

В 1814 году архимандрит Евграф отправлен был на покой в Санаксарский монастырь Тамбовской епархии.

Учителем Воронежской семинарии был и о. Самуил (Стебловский), хорошо зарекомендовавший себя как строитель Коротоякского монастыря. В 1814 году он был возведен в сан архимандрита и назначен на должность настоятеля Задонского Богородицкого третьеклассного мужского монастыря. По рассказам очевидцев, записанным иеромонахом Геронтием, был архимандрит Самуил II **«настоятель строгий, хозяин бережливый»***.

Благодаря стараниям Самуила II, зимой 1819-го последовало официальное открытие в Задонском Богородицком монастыре 4-классного приходского духовного училища.

---

* Надо заметить, что, по крайней мере до конца 1830-х годов, в Задонском Богородицком монастыре реальным управлением повседневной жизнью обители, включая духовное окормление братии, как свидетельствует П. В. Никольский, занимались обычно казначей. Настоятель Богородицкой обители, помимо иных забот, требовавших его присутствия в Воронеже, по должности являлся присутствующим членом епархиальной Духовной консистории. Консисторские же заседания, согласно положению, «производит пять раз в неделю (кроме субботних и праздничных дней)». Поэтому, сообщает А. М. Правдин в очерке «Воронежская епархия в первое десятилетие XIX века», для проживания настоятелей в Воронеже, средствами обители, было устроено и содержалось «подворье Задонского монастыря».

Разместилось новое учебное заведение в специальной трехэтажной пристройке к южному келейному корпусу, завершённой в 1818 году. Эта пристройка окончательно сформировала новый облик здания времен архимандрита Тимофея — годом ранее с восточной его стороны были два этажа — верхний отведен под Вознесенскую церковь*, а нижний — под больницу.

Тогда же воронежский гражданский губернатор Н. П. Дубенский поддержал прошение настоятеля с братией о выделении монастырю дополнительного земельного участка. Но затем последовала некоторая задержка в решении вопроса, и окончательно выделение требуемого участка было утверждено генерал-губернатором А. Д. Балашевым в 1822 году.

Речь идет о западной части территории обители, выходящей на сегодняшнюю улицу Карла Маркса в Залонске, где разместились сад и колокольня с гостиницей, спроектированные архитекторами из губернского Воронежа.

Закладка будущих строений состоялась 16 июля 1824 года, после Божественной Литургии. Завершив богослужение в храме, архимандрит Самуил II с братией, несшей иконы, прибыл к месту будущей стройки, где и совершил молебен с водоосвящением. После того как архимандрит окропил святой водой отведенное под застройку место, в основание будущего здания был положен «четвероугольный белый камень» покрытый затем чугунной доской с надписью: **«В царствование Влагочестивейшаго Государя Императора Александра Павловича самодержца всея России тщанием настоятеля архимандрита Самуила, 1824 г. Июля, 16 дня».**

В ходе подготовки к сооружению колокольни, когда копали траншеи под бут, была здесь найдена, как пишет о. Геронтий, «огромная могила костей человеческих».

За лето 1824 года удалось не только заложить фундамент новой звонницы, но и завершить цоколь. А затем строительство приостановилось. Возможная причина — несовершенство первоначального проекта. Только в 1829 году монастырь получил от Воронежской строительной комиссии новый план «на построе-

---

* Храм «закончен отделкой» и освящен 12 августа 1822 г. епископом Воронежским и Черкасским Епифанием (Канивецким).

ние колокольни с церковью под нею и гостинных корпусов для приема богомольцев». С этого времени работы возобновились в прежнем темпе, и за строительный сезон 1830 года здание было выведено по «вторым окнам второго этажа».

Была, впрочем, и еще одна причина, затормозившая возведение новой колокольни, — неотложного вложения средств, и немалых, потребовал Владимирский собор 1741 года постройки. Почти столетний храм требовал укрепления стен, а также расширения. Об этом в 1827 году архимандрит Самуил II доложил епархиальному руководству, присовокупив прошение о дозволении начать капитальный ремонт храма.

Преосвященный Антоний II (Смирницкий) наложил на прошение следующую весьма знаменательную резолюцию: *«заготовление материалов дозволяется, но рекомендую отцу настоятелю попещись не о распространении ныне существующей церкви, а о построении новой, соответственной знатности монастыря»*. Пропитированная резолюция, как и потребность в «распространении» ставшего тесным храма, — весомое свидетельство серьезного изменения неформального статуса Задонской обители еще до официального прославления святителя Тихона Задонского.

Тем не менее, в 1827 году, когда одновременно приходилось изыскивать средства и для уже строящейся колокольни, и для нового Владимирского собора, пришлось ограничиться первоначальным вариантом серьезнейшей его реконструкции. В 1832 году соборная церковь Богородицкого монастыря во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери была расширена сооружением двух боковых приделов, объединенных со старой центральной частью новым фасадом.

Это строительство было последним крупным деянием архимандрита Самуила II. 11 декабря 1833 года сей достопочтенный муж завершил свою земную жизнь.

Глава V. К СВЯТЫНЯМ ЗАДОНСКИМ...

свободившееся после смерти архимандрита Самуила II место настоятеля Задонского Богородицкого монастыря в начале 1834 года занял архимандрит Иларий (Иродионов или Ефимов — по разным источникам) из Солотченского второклассного монастыря Рязанской епархии. Руководство Задонским монастырем было лишь коротким этапом в биографии этого служителя Церкви. Уже 8 марта 1836 года о. Иларий был перемещен из Задонска настоятелем Соловецкого ставропигиального монастыря. И все же, несмотря на краткость пребывания своего в Задонске, архимандрит Иларий оставил по себе зримую память об успешном управлении обителью.

Сразу по прибытии озадачился новый настоятель устройством теплого храма обители. И за лето 1834 года таковой был устроен при бывшей братской трапезной, постройки 1806 года. Осветили новую церковь во имя Рождества Богородицы. Боковые приделы были посвящены св. Митрофану Воронежскому (правый) и преподобным Антонию и Феодосию Печерским (левый).

Как сообщает о. Геронтий в «Описании...» 1871 года издания: «Деревянный свод сего храма, поддерживаемый внутри 18-ю деревянными колоннами, оштукатуренными под мрамор, был художественно расписан под руководством архимандрита Илария, любителя и знатока церковного иконописания».

Именно в годы правления о. Илария, благодаря умело организованной им кампании по сбору добровольных пожертвований, удалось завершить строительство новой монастырской колокольни.

21 августа 1835 года архиепископ Воронежский Антоний II (Смирницкий) «совокупно с настоятелем и братиею освятил на поднятие приготовленный крест, на шпиг оной колокольни, который скоро был вознесён и водружён». Освящено было и новопостроенное здание, с верхних ярусов которого и разносился впрядь над округой блавест монастырских колоколов. То зда-

ние, как и восстановленное ныне, было «снаружи убрано изображениями ангелов, вазами, капителями и другими белыми фигурами изящной лепной работы». Но, в отличие от белого сегодняшнего, было «покрыто голубую краской».

В среднем этаже колокольни располагалась первоначально однопрестольная церковь*, освященная в 1838 году во имя святителя Николая, чудотворца Мир Ликийских.

Устроенные в под этим храмом, в основании здания колокольни, Святые ворота считались главными и служили для «торжественных ходов и для встречи знатных посетителей». С внешней, «гостевой» стороны над въездом во врата, изображены были два ангела, держащих образ свят. Николая с надписью: «Радуйся Николае, великий Чудотворче!»...

Всего же колокольня насчитывала три с половиною этажа. «Ход на нее устроен небольшими лестницами, расположенными спирально, — дополняет сухие цифры личными впечатлениями о Геронтий в "Описании..." 1871 года. — При восходе по ним на правой руке у вас как-бы колодезь, в который опущены гири боевых недельных часов, кои приобретены в 1836 году и поставлены под шпиком в верхнем ярусе колокольни с циферблатом на три стороны, определяющие время; весу в часах 40 пуд., стоимость их

Вид восстановленной колокольни монастыря.

---

* В 1845 году, в связи с начавшейся разборкой старого Владимирского собора и возведением нового, престолы во имя Иоанна Предтечи и Евсевия, епископа Самосатского, перенесены были вместе с иконостасами в Николаевский храм. С этого времени церковь в колокольне именовалась уже трехпрестольной.

3,500 руб. ассигнациями... Архитектура колокольни легкая и весьма приятная».

Достроена и освящена колокольня была при архимандрите Досифее (Немчинове), переведенном в Задонск указом Св. Синода от 8 марта 1836 года из Соловецкого ставропигиального монастыря. С учетом дальнейшей судьбы этого настоятеля, можно предположить, что перевод в третьеклассный Задонский монастырь был своего рода испытанием в чем-то провинившегося архимандрита. Но испытания тот не выдержал. Как сообщает о. Геронтий в биографии Христа ради юродивого Антония Алексеевича, архимандрит Досифей 7 октября 1840 года уволен был на покой в Московский Симонов монастырь, «где он вскоре после многих неприятностей и скончался» [6 марта 1845 года - Л. М.].

Судьба его предсказана была Антонием Алексеевичем. Ровно за год до указа об отстранении о. Досифея от должности чтимый Задонский блаженный сначала демонстративно скатился с амвона церкви Рождества Богородицы, а затем заставил архимандрита Досифея целовать крест с панихидного стола. На недоуменный вопрос настоятеля: «Что это, Антоний Алексеевич, ты со мной делаешь?», Антонушка отвечал кратко и уверенно: «Не моя воля: так Бог велит!».

Но, хоть и печален был финал его карьеры, пребывая в Задонске, архимандрит Досифей проявлял изрядную и неленостную заботу о вверенной обители, довольно успешно продолжая начатое предшественниками капитальное ее обустройство *.

Так, его трудами, в 1837 году достроена была монастырская гостиница, двумя симметричными «крыльями» примыкающая к нижнему ярусу колокольни. Обошлась гостиница в 51600 рублей 28 копеек ассигнациями. Около 5000 рублей уплачено было

---

* О годах пребывания о. Досифея в Задонске напоминают нам не только выстроенные в это время здания. Сохранилось, в рукописи, и уже упоминавшееся в начале этой книги обстоятельное «Историческое описание находящегося в Воронежской епархии Богородицкого Задонского монастыря, составленное трудами настоятеля сего монастыря архимандрита Досифея Немчинова». К моменту написания истории Задонского монастыря о. Досифей был уже автором до сих пор переиздающейся истории Соловецкой обители. А вот издать историю Задонского, судя по всему, помешали ему те самые «многие неприятности»...

проектантам-архитекторам. О выстроенной гостинице о. Досифей сообщает следующее: **«Каждый корпус по 16 сажен длиной, а оба, вместе с колокольней 42 сажени. Северный в два этажа, южный в три. В них 78 покоев, 5 сеней и 5 длинных коридоров».**

Завершение работ на строительстве комплекса из надвратной колокольни и гостиничных корпусов позволило в 1838 году разобрать старую, обветшавшую колокольню, построенную при схиигумене Евсевии. К сожалению, вместе с ней уничтожены были и примыкавшие к зданию колокольни бывшие кельи святителя Тихона.

По задонскому преданию, передававшемуся со слов о. Иоанна Попова, протоиерея городского Успенского собора в 1872-1914 годах, наиболее крепкие бревна из деревянной части келий были отданы близкому к обители мирянину, чей дом сильно пострадал от пожара. Предположительно, речь идет о так называемом «доме братьев Фроловых», до сих пор стоящем на улице Урицкого в Задонске. Косвенным подтверждением достоверности предания может служить то, что в 1841 году в Задонске, действительно, имел место сильный пожар.

Сразу после сноса старинных построек, дававших кров святителю Тихону в годы пребывания в Задонске, его почитатели приняли меры, чтобы святое это место не было предано забвению. Тогда же отставной задонский городничий И. Ф. Дулов поставил на месте тихоновских келий памятный знак из черного гранита в виде закрытой урны с надписью: **«Сей памятник показывает место келии Богоугодного пребывания преосвященного Тихона I-го».** Памятник обнесли чугунной решеткой.

Ликвидирована тогда была, впрочем, лишь старая колокольня и прилегающие постройки, а западная, некогда внешняя ограда, к которой примыкали разрушенные здания времен схиигумена Евсевия, как и бывшие главные ворота, осталась нетронутой. Теперь эта стена отделяла собственно монастырскую территорию с храмами, келейными и хозяйственными корпусами от «гостинной», где расположилась новая колокольня с гостиничными корпусами и конюшенный двор для размещения экипажей приезжих.

Именно сюда и попадали паломники первоначально, пройдя Святые ворота обители, устроенные в юго-западной части свежевостроенной (1836-1838 гг.) наружной части монастырской ограды. Эти врата, перекрытые аркой, украшены были внутри живописным изображением старцев Кирилла и Герасима — основателей Задонской обители во имя Божией Матери. О Геронтий так описывает это, не дошедшее до наших дней изображение: «**Коленопреклоненные, они держат образ Богоматери на память о том, что они пришли сюда с копиею Владимирской иконы Богоматери; в ландшафте представлен малый храм и кругом царившая в то время пустыньность избранного ими места для обители.**»

А вот картина реальная, представавшая взору паломника, прошедшего сквозь ворота на территорию монастыря, столь разительно отличалась от прежней пустынности, что не могла не впечатлять масштабностью перемен, произошедших здесь с начала семнадцатого столетия.

Заняться столь серьезной реконструкцией старинной обители Богородицким черноризцам позволил все увеличивавшийся приток паломников и, соответственно, пожертвований.

Еще в 1814 году епископ Воронежский Антоний I (Соколов) обращал внимание Святейшего Синода на то, «**что по уважению к чудотворной иконе Богоматери Владимирской и к памяти святителя Тихона стекается большое число богомольцев разного звания из отдаленных мест России в обитель Задонскую.**»

Икона эта, принесенная на задонскую землю старцами-основателями монастыря и чудесным образом не опаленная пламенем пожара, уничтожившего обитель в 1692 году, с течением времени обретала все больший ореол святости*.

Особенно, по мнению современников, чудодейственная сила святого образа проявлялась в лихие для задонцев годы. Так, в 1830-1831 годах, когда Воронежскую губернию постигла эпидемия холеры, Задонский монастырь избежал общей печальной участи. Заболевшие были и в его стенах, но обошлось, ко всеобщему изумлению, без смертельных исходов. В самом же городе

---

* В 1775 г. потемневший старинный образ был «поновлен» воронежским иконописцем Иваном Максимовым (РГАДА . Ф. 280 . Оп. 11. Д. 274. Л. 6).

Задонске холера «действовала смертоносно». Монахи приписывали свой более счастливый удел заступничеству Богородицы. Тогда задонцы стали приглашать в свои дома монахов с образом Божией Матери. И... «смертоносная язва не похищала жертв и прекращалась».

«Вледствии таковых благодатных утешительных событий, все жители г. Задонска, а равно, и из окрестностей, с большим усердием притекают и в радостях, и в скорбях своих в монастырь, к всецелной Владимирской иконе Божией Матери, пред которою, по окончании служб ежедневно совершается молебное пение с акафистом».

О степени почитания чудотворной иконы говорит то, что радением богомольцев она была одета сребропозлащенной ризой, украшенной жемчугом и драгоценными камнями.

Вторая святыня, привлекавшая паломников в начале века — еще не прославленные официально мощи святителя Тихона, до времени пребывавшие под спудом, — не только возбуждала религиозное рвение богомольцев из народа, но и способствовала пробуждению религиозного чувства в душах более искушенных.

К 1825–26 годам относится публикация первого 15-томного собрания сочинений святителя Тихона. Труды духовного писателя из Задонска, и ранее неоднократно издававшиеся порознь, наконец, увидели свет в едином, хронологически и тематически организованном и тщательно выверенном по оригиналам своде. Удалось это сделать благодаря кропотливой работе редактора издания — митрополита Киевского Евгения (Болховитинова).

Выход собрания сочинений святителя Тихона вызвал немалый интерес не только в церковных кругах, но и в светских, где со времен вольтерьянства все громче звучали скептические замечания в адрес религии вообще и Православной Церкви, в частности. Слово святительской проповеди, прозвучавшее из Задонска, заставило многих пересмотреть свои взгляды, склонившиеся было к атеистическому вольнодумству. И это привлекало в Задонск, ко гробу святителя Тихона, паломников весьма влиятельных в государстве Российском, в том числе и из царствующего дома.

«Император Александр Николаевич (Александр II), еще наследником престола, в 1837 году совершивший путешествие по России, на обратном пути из Черноморья чрез Воронеж прибыл в город Задонск 7 июля в 5 часов вечера. Встреченный у св. ворот архимандритом Досифеем с братиею, он вошел во Владимирскую церковь, прикладывался к чудотворному образу Богоматери Владимирской и к прочим святым иконам, осматривал в алтаре ризницу. Потом изволил быть в пещере под алтарем, в которой опочивало тело преосвященного Тихона, причем, спросил настоятеля: “Где Тихон преосвященный был управляющим в епархии? Сколько лет был здесь на покое? Давно ли погребен? Прославлен ли?”. Осматривал зимнюю церковь Рождества Пресвятыя Богородицы и затем благосклонно принял сочинения преосвященного Тихона, поднесенные настоятелем», — такое описание визита цесаревича оставил иеромонах Геронтий на основании записей в специальной гостевой книге монастыря. Листая ее страницы, можно было встретить там имена иных великих князей и княжен, епископов и митрополитов, и многих прочих из сильных мира того.

К этому времени надгробие над могилой св. Тихона покрывала серебряная с позолотой чеканная «доска с изображением во весь рост Святителя», устроенная в 1829 году иждивением майорши Анны Ивановны Хлусовой.

Глава VI. ОБРЕТЕНЬ ИСТЛЕННЫМИ

Когда исполнилось 100 лет построенному еще в 1741 году каменному Владимирскому собору, архимандрит Мартирий (Горбалевский или Горбачевский), управлявший обителью с 1840 года, известил епархию, что в «трапезной церкви Владимирской Богоматери, она же и летняя соборная, трещины в сводах...». Храмовое здание было опечатано.

Службы, вплоть до построения нового летнего храма, с тех пор совершались в теплой монастырской церкви во имя Рождества Богородицы.

Воронежской губернской строительной комиссией в Задонский монастырь командирован был городской архитектор Краснов, который провел не только освидетельствование храма, но и исследовал грунт. Было выбрано место для строительства нового собора - «более удобное и приличное — против ворот, находящихся под колокольнею, расстоянием от оных до 25 сажен, грунт земли на предполагаемом для сего месте удобный и прочный».

Окончательным решением судьбы опечатанного, грозящего обрушением Владимирского собора пришлось заниматься уже архимандриту Иларию. Указом Св. Синода от 23 июля 1842 года он был возвращен в Задонск из ставропигиального Соловецкого монастыря, которым управлял в течение шести лет. Поводом для перевода стало личное прошение о. Илария «за болезнью, от суроваго Соловецкого климата». Архимандрит Иларию возглавил вновь братию куда менее значимого Задонского монастыря на очень почетных условиях, «с оставлением при нем за известныя его заслуги, той степени и всех привилегий, какия присвоены настоятелям соловецким».

А архимандрит Мартирий, управлявший Задонским монастырем с 7 октября 1840 года, тем же синодальным указом от 23 июля 1842 года определен был настоятелем первоклассного Свяжского монастыря Казанской епархии. К сожалению, о. Иларию по возвращению в Задонск отпущено было немногим боль-

ше времени, чем в первый раз, на устройство жизни Богородицкого монастыря. Теперь, правда, по воле уже не мирских властей, а сил вышних. Через три года и три с половиной месяца он скончался от «сильного воспаления в боку», что было предсказано Христа ради юродивым Антонием Алексеевичем.

По кончине своей архимандрит Иларию с честью был погребен в стенах столь любимой им обители Задонской.

Но, как и в первый период управления монастырем, этому настоятелю хватило и нескольких лет, чтобы деяниями своими вписать себя навечно в историю обители. Ведь именно архимандриту Иларию суждено было заложить первый камень в основание нового Владимирского собора.

К 1845 году вопрос о судьбе старого Владимирского собора был наконец решен в Воронеже и от епархиального начальства поступило предписание начать его демонтаж.

Проект нового главного храма в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери основывался на типовой разработке ведущего архитектора того времени — К. А. Тона. Возводить собор решено было, по бытовавшей тогда строительной традиции, одновременно с разборкой признанного негодным здания 1741 года. Первый камень будущей величественной пятикупольной церкви заложили 10 июня 1845 года в обстановке благочинной торжественности.

Вот какое описание этого события оставил современник: «По совершении соборне высокопреосвященнейшим Антонием Патриархископом Воронежским и Задонским и настоятелем сего монастыря архимандритом Иларием торжественного водоосвящения на месте закладки, под престол сего храма в основание положена каменная плита с таковою на ней надписью: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Основана сия церковь в честь и память Владимирския Вошия Матери, при державе Влагочестивейшаго, Самодержавнейшаго Великаго Государя нашего Николая Павловича, при Святительстве же Господина Высокопреосвящ. Антония, архиепис. Воронежскаго и Задонскаго и священноархим. Илария. 1845 г. Июня, 10 дня. Причем положены мощи, иже во святых Отца нашего Митрофана 1-го епископа Воронежскаго и чудотворца».

К моменту упокоения о. Илария цокольный этаж новой соборной церкви был практически завершен. Тут, в нижнем этаже будущего храма, усопший 14 ноября 1845 года настоятель и обрел последний земной приют под каменным надгробьем, покрытым чугунной доской с надписью.

Завершать начатое настоятелем Иларием довелось сменившему его на посту управителя монашеской общины архимандриту Серафиму (Покровскому), переведенному в Задонский Богородицкий монастырь из Нежинского Благовещенского ставропигиального «с оставлением при нем той степени и всех привилегий»*. В Задонске оставил по себе память как **«настоятель деятельный и добрый»**.

И, возможно, не случайно именно при этом настоятеле, который **«жил не для себя, а для обители»**, совершились три весьма знаменательных события: обретены были нетленными мощи св. Тихона; обитель стала первоклассной; достроен был Владимирский собор по тоновскому проекту.

Как раз в ходе демонтажа старого собора в мае 1846 года обнаружилось, что мощи святителя Тихона, похороненного в алтарной его части, сохраняются в нетленном состоянии.

Началось все донесением «архимандрита Серафима с братиею» от 4 мая 1846 года. В документе этом, адресованном архиепископу Воронежскому Антонию II (Смирницкому), сказано: «При всеобщей сломке храма остался несломанным алтарь сего храма также ветхий, под сводом которого покоится тело преосвященного Тихона... По такой ветхости алтаря отправлять опасно под оным панихиды по Преосвященном Тихоне. При многочисленном настоящем стечении поклонников настоят нужда во избежании опасности, воспрещать даже вход под своды алтаря, что, без сомнения, послужит оскорблением благочестивой ревности поклонников».

---

* Сей почтенный муж, происходивший из простой священнической семьи, принял монашеский постриг в сане дьякона после смерти жены. За послушание и порядительность удостоен был должности заместника Киево-Печерской Лавры, а затем — настоятеля Благовещенского монастыря в Нежине. В летописи Нежинской обители о. Серафим отмечается как «деятельнейший продолжатель» дела архимандрита Виктора (Черняева) при котором «монастырь увидел свой расцвет»...

В свете вышеизложенного архимандрит Серафим и просил у правящего архиерея разрешения на слом алтаря и перенесение из устроенного под ним склепа гроба с телом святителя Тихона в «другое приличное место». Перемещения требовали и два других соседних захоронения — схиигумена Евсевия и архиепископа Каменец-Подольского «прежде бывшего Воронежского» Антония I (Соколова).

Получив донесение Задонского настоятеля, архиепископ Воронежский, несмотря на слабость в связи с болезнью, решил лично на месте рассмотреть вопрос о переносе захоронений и в сопровождении члена Духовной консистории, ректора Воронежской семинарии архимандрита Симеона (Авдуловского) отбыл в Задонск.

Столь пристальное внимание изможденного нездоровьем архипастыря к формально пустяковому вопросу объясняется, во-первых, благоговейным с его стороны почитанием памяти святителя Тихона Задонского, примеру которого Антоний II старался всячески следовать в своем служении, а во вторых — благодатным видением, по преданию, имевшим место.

Рассказ об этом видении известен со слов задонского помещика, предводителя дворянства В. А. Викулина, изложившего свою беседу с архимандритом Симеоном в письме к архиепископу Воронежскому Иосифу (Богословскому). О. Симеон, по словам Викулина, и сообщил ему весьма интересные подробности совместной поездки с архиереем из Воронежа в Задонск 12 мая 1846 года.

**Антоний II (Смирницкий),
архиепископ
Воронежский и Задонский**

Согласно рассказу архимандрита Симеона, не доезжая до Задонска, в ближнем лесу, преосвященный Антоний вышел из экипажа, оперся на костыль свой и спросил ректора Воронежской семинарии: «Знаете ли, зачем мы едем в Задонск?». «Нет, не знаю», — ответил о. Симеон. Тогда преосвященный поведал ему, что «святитель Тихон являлся мне во сне и сказал: “Ты не умрешь, пока не вынешь меня из грязи”. Мы едем в Задонск, чтобы исполнить его приказание».

О дальнейшем рассказывает иеромонах Геронтий: *«Архиепископ Антоний II лично прибыл в сей монастырь 12 мая 1846 года и нашел необходимым гроб святителя Тихона, находящийся под алтарем снимаемого храма, немедленно перенести в другое место, где народ мог безопасно видеть его.*

Ночью с 13 на 14 мая, в 12 часов, настоятель архимандрит Серафим с казначеем-иеромонахом Паусием и с ризничим-иеромонахом Зосимою раскрыли тумбу, и увидав тело святителя белым, в ту же минуту дали знать преосвященному, который в это время молился в келлиях настоятеля.

Преосвященный, узнав об обретении нетленных мощей, тотчас отправился сам туда же, и с трудом пройдя в пещеру, осенив себя крестным знаменем, припал к персям святителя Тихона, и со слезами лобызал его руку».

Впрочем, не только радость обретения зримых знаков благодати Божией владела умами свидетелей чуда в ту майскую ночь.

Открывшееся взору присутствовавших в ночь с 13 на 14 мая при вскрытии гроба святителя Тихона, думается, вызвало не только религиозный восторг, но еще и немалую чиновничью озабоченность. Предание огласке факта нетления тела святителя, уже почитавшегося в народе за угодника Божия, могло привести к стечению богомольцев и стихийному выражению чувств, пусть и религиозных. А любое несанкционированное сверху собрание строго не поощрялось в России Николая Первого, еще в начале царствования напуганного выступлением декабристов.

Поэтому тело святителя Тихона, тогда же, глубокой ночью, перенесено было в теплую церковь и спешно упокоено. Как сообщает о. Геронтий: *«мощи святителя Тихона тихо, безмолвно внесе-*

ны были в Рождества Богородицкую церковь. Отпели панихиду, приготовили новый гроб; ибо от прежнего, хотя нижняя доска уцелела, но крыша и боковые доски гроба подверглись разрушению; переложили мощи, запечатали гроб и поставили в Рождество-Богородичном зимнем храме за колоннами, по левую сторону, близ стены».

Тем не менее, слухов избежать не удалось. В итоге «между жителями г. Воронежа и окрестных мест произошло сильное религиозное движение», но «без всяких беспорядков», как доносил о том 27 мая 1846 года «Его Сиятельству г-ну шефу жандармов» воронежский жандармский полковник А. Ф. Козлов, которого происшедшее «побудило отправиться в Задонск для секретного разузнания на месте о причинах столь необыкновенного народного движения, а равно и для личного удостоверения в обстоятельствах, сопровождавших перенесение тела преосвященного Тихона».

Воронежский губернатор, барон Х. Х. фон дер Ховен, посетивший Задонск 13-15 августа 1846 г., доносил министру внутренних дел: «В день памяти св. Тихона всегда собиралось много народу, но в настоящее время такое множество стекалось богомольцев со всех сторон, а особенно высшего дворянства, даже из отдаленных губерний, что монастырь, довольно обширный, не мог вмещать поклонников. Причем усмотрено мною такое благоговейное чествование поклонников к Преосвященному Тихону, что все сословия призывают его в молитвах, как святого, на помощь, при разных скорбных обстоятельствах жизни и посылают ему благодарение за полученные от Господа благодеяния, веруя в его ходатайство пред Богом. Вообще религиозное движение всех сословий увеличивается в ожидании большого прославления преосвященного Тихона, как особенного благословения Божия к любимому и обожаемому народом Монарху и Его Августейшему Дому».

Но минул день памяти святителя Тихона, а прославления его, которого так ждала вся церковная полнота епархии Воронежской, не последовало.

«Когда стихло народное движение», 16 октября 1846 года, архиепископ Воронежский Антоний II назначил комиссию по ос-

видетельствованию обнаруженных нетленных останков. Возглавил ее ректор Воронежской семинарии Симеон.

Плодом деятельности комиссии стала «Опись, учиненная священным одеждам святителя Тихона Воронежского и Елецкого по обретении и перенесении гроба его», а также подтверждение нетления. Как рассказывал об этом В. А. Викулину сам архимандрит Симеон, преосвященный Антоний вызвал его и сказал: *«Мы с вами дело сделали, но не довершили его; ведь мы оставили святителя Тихона в мокрой ризе. Поезжайте в Задонск; я вам туда поручение дам: снимите ризу и просушите ее».*

Выполняя поручение архиерея, о. Симеон отбыл в Задонск, где провел 5 дней. Днем он ревизовал местное духовное училище, а ночью просушивал ризу. Снять ее он не решился, «но в рукава вставил распорки и в польник».

Тогда же был приглашен живописец, который написал портрет святителя Тихона с его нетленных мощей. Сегодня это изображение святителя можно считать безвозвратно утраченным.

Гроб с телом святителя вложен был в другой, оклеенный кипарисовым шпоном, опечатан архиерейской печатью и перемещен в специально подготовленное помещение.

Для устройства этого помещения в ризницу был пробит арочный проем, за которым на церковном полу и был установлен гроб, покрытый затем деревянной тумбой, украшенной «прежнем верхним изображением серебряным Святителя, которое устроено в 1829 году».

Сообщение об обретении нетленными мощей чтимого святителя было еще 20 мая 1846 года направлено в Святейший Синод, где на долгие годы легло под сукно, несмотря на то, что архиепископ Антоний обращался в Синод повторно. Впрочем, преосвященному Антонию было отведено немного времени на хлопоты по открытию мощей — уже в декабре 1846 года он скончался.

Не сдвинулось дело с мертвой точки и позднее.

Вот какую версию дальнейшего развития событий предлагает Т. Олейников в статье «Определение Св. Синода об открытии мощей Св. Тихона» из 10-го (за 1911 год) выпуска «Воронежской старины»: «Вместе со вторым донесением Св. Синоду преосвя-

щенный Антоний, за шесть часов до своей кончины... уже слабеющей рукой подписал письмо на Высочайшее имя императора Николая I, в котором, сообщая о чудесах, совершающихся при гробе преосвященного Тихона, писал о всеобщем сладостном и притрепетном желании многих, — “да явлен будет сей великий Светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом, пред очию всех”. Это письмо при докладе обер-прокурора Св. Синода графа Протасова было представлено Государю императору; прочитав его, Государь 12 января 1847 года собственноручно написал на нем: “переговорим при свидании”. Но этим все и кончилось. Национальное восстание в Венгрии против австрийской власти, восточная война и другие государственные дела, — все это заставило императора забыть о донесениях преосвященного Антония, а напомнить ему об этом некому было, так как в Св. Синоде “бумага” преосвященного Антония была затеряна и ее долго не могли найти. В Воронеже тоже некому было снова поднимать этот вопрос».

Действительно, сменившие Антония II (Смирницкого) на Воронежской кафедре епископы Игнатий (Семенов), а затем Парфений (Чертков), в отличие от предшественника, не испытали соприкосновения с чудом, да и управляли делами епархии всего года по три каждый — срок весьма недолгий для того, чтобы человек, обремененный каждодневными хлопотами организационно-административного характера, мог отвлечься от сиюминутного.

Главным же препятствием на первоначальном этапе в деле канонизации святителя, опочившего в Задонске, стало, видимо, то, что император Николай I с большим опасением относился к сколько-нибудь обширным собраниям подданных. Независимо от повода для подобных собраний, он видел в них возможность возникновения беспорядков или, того хуже — бунта.

Из воспоминаний киевского генерал-губернатора М. И. Драгомирова следует, что «...государю Николаю Павловичу не раз представлялись доклады о канонизации святителя Задонского Тихона. Государь всегда коротко и неизменно отвечал, что народ не стоит на той религиозной высоте, которая ставила бы его в возможность торжествовать причисление еще одного из своих образцовых слу-

жителей Церкви к лику святых». И далее: «Народ разбаловался в своих понятиях о молитве и служении Творцу Небесному, поэтому — нужно остерегаться, как бы не вышло осквернения искони чтимого на святой Руси обычая — делать, признавать и объявлять святым человека, прожившего весь свой век святой жизнью», — цитирует императора генерал Драгомиров.

Но бюрократические затяжки в деле канонизации святителя Тихона не охладили рвения многочисленных благотворителей, стремившихся облагодетельствовать обитель, прославленную пребыванием здесь несомненного в их глазах угодника Божьего.

И в 1851 году, стараниями искренней почитательницы памяти святителя Тихона — вдовы штаб-ротмистрши Екатерины Семеновны Чебышевой — **Задонский Богородицкий монастырь был возведен в ранг первоклассного.**

Для покрытия увеличения расходов на содержание обители в связи с повышением ее класса, а значит, и численности монашествующих, она внесла в Московский Опекунский Совет на вечные времена в пользу Задонского Богородицкого мужского монастыря 15744 рубля 28 с тремя четвертями копеек серебром.

После чего, 3 февраля 1851 года император Николай I «соизволил высочайше утвердить» определение Святейшего Синода о возведении третьеклассного Задонского Богородицкого монастыря в I-й класс, без увеличения содержания, производившегося из казны.

По случаю такого радостного для всей монастырской братии события настоятелем, архимандритом Серафимом, в сослужении священнослужителей обители совершен был благодарственный молебен. Было это накануне Благовещения, 24 марта 1851 года.

В указе о возведении третьеклассного Задонского Богородицкого монастыря в первый класс содержалась и такая рекомендация: **«как по штатам первоклассных монастырей положено быть наместнику, то избрание в наместники предоставить отцу архимандриту Серафиму с братиею».** И с 1851 года в штате обители появляется должность наместника. Первым занял ее иеромонах Варсонофий, пребывавший в этой должности вплоть до кончины своей 25 мая 1861 года.

Все в том же 1851-ом графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская устроила на собственные средства серебряное надгробие стоимостью 5 376 рублей на раку, покоившую тело святителя Тихона...

А летом 1853-го окончено было сооружение нового Владимирского собора.

И 13 августа, в день, когда по традиции, заложенной еще епископом Воронежским Антонием I (Соколовым), правящим архиереем служились панихида и заупокойная литургия по святителю Тихону, состоялось освящение второго (основного) и третьего ярусов трехэтажного храма.

Торжественный акт освящения совершен был архиепископом Воронежским и Задонским Иосифом (Богословским) в сослужении с викарием Воронежской епархии, епископом Антонием (Павлинским).

Нижний же цокольный этаж, перекрытый еще в 1848 году, тогда же и был освящен.

Новопостроенный собор являл собой великолепный образец храмового строительства середины девятнадцатого столетия. Пятикупольный, восьмипрестольный, трехэтажный храм был богато изукрашен разного рода оформительскими архитектурными элементами.

Строительство обошлось в 150 тысяч рублей серебром и велось как за счет доходов монастыря, так и «доброхотных подаяний». «Высота соборного храма составляла 28,5 сажени, длина с

крыльцом — 23 сажени, внутри, кроме паперти, — 16 сажен, ширина — 12 сажен, ширина снаружи с крыльцом — 17,5 сажени».

Как сообщает иеромонах Геронтий в «Описании...»: «Престолов всех восемь. В среднем этаже — главный в честь чудотворной иконы Владимирской Божией Матери; правый — в честь Покрова Божией Матери; левый — во имя святителя Алексия, митрополита Московского и Симеона Столпника. В верхнем этаже или на хорах — правый, во имя св. мученицы царицы Александры, антиминс на коем священнодействованный и подписанный 1799 г. Серапионом, епископом Дмитровским, викарием Московским; левый, во имя св. первомученика архидиакона Стефана; антиминс на нем священнодействован и подписан 1791 г. Платоном, архиепископом Московским. В нижнем этаже: престол средний во имя Пресвятой Троицы; правый — во имя св. Праведной Анны; левый — во имя св. великомученицы Екатерины». Примечательно, что правый придел в нижнем этаже устроен был в честь ангела графини Анны Орловой-Чесменской в память о ее благотворении монастырю.

Очевидец, посетивший Владимирский собор спустя несколько лет по окончанию постройки, оставил такой отзыв о новом главном храме Богородицкой обители: *«особенно поражает обилие света и новейший вкус в отделке иконостаса, который поднимается почти на всю высоту храма, оканчиваясь золотым крестом. Образа нарисованы на белом фоне стены без риз, и обведены только тонкой золотой полоской. Внутри храма четыре массивных колонны поддерживают купол, также как и стены белые».*

Архимандриту Серафиму, столь плодотворно потрудившемуся над устройством нового главного храма Богородицкого монастыря, вскоре наступил черед отдохнуть и от прочих трудов земных. Скончался он 28 марта 1855 года в возрасте 70 лет.

Согласно указу Св. Синода от 27 сентября 1855 года следующим настоятелем Задонского монастыря стал архимандрит Дионисий (Аретинский), бывший священник, до того пребывавший в Шацком Черновом Николаевском монастыре Тамбовской епархии. Управлял Богородицким монастырем до 25 мая 1860 года.

В бытность свою у кормила управления Богородицкой обителью о. Дионисий поспособствовал материальному воплощению

желания отметить памятником место прежнего упокоения св. Тихона, постоянно высказывавшегося почитателями святителя еще с 1846 года. Ведь в связи с тем, что новый Владимирский собор был выстроен со смещением на добрый десяток метров к северо-востоку, место погребения святителя оказалось вне его стен, на монастырском дворе. И в 1856 году здесь был воздвигнут чугунный памятник, увенчанный серебряным, с позолотой, крестом и украшенный образами Спасителя и Божией Матери. Надпись на памятнике гласила: «На сем месте в бывшей под алтарем усыпальнице, покоились Святителя Христова Тихона I-го епископа Воронежского и Елецкаго со дня блаженной кончины Его 1783 года, Августа 13 дня, честныя Его мощи, кои при построении новаго, ныне стоящаго вместо ветхаго храма, в 1846 году, Мая 13 дня, перенесены и поставлены в теплом Рождества Пресвятой Богородицы храме. Памятник сей воздвигнут от усердия почитающих приснопамятнаго Святителя Христова Тихона. 1856 г. Августа 1-го дня».

При настоятеле Дионисии завершено было в 1857 году строительство восточного двухэтажного кирпичного корпуса для размещения 40 монашествующих, а также келий казначея, ризничего и благочинного. Корпус сохранился до наших дней. В нем ныне размещаются братские кельи.

Но основные перемены внешнего облика Богородицкой обители, окончательно сформировавшие ее архитектурный облик, произошли уже при архимандрите Димитрии (в миру — Доримедонт Григорьевич Григорьев), «**попечительнейшем настоятеле, приведшем в наилучшее состояние обитель Задонскую**», который был переведен в Задонск из Троице-Сергиевой лавры указом Св. Синода от 25 мая 1860 года.

А главное, чем памятно правление этого настоятеля — при нем произошло официальное прославление святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского.

Глава VII. ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ

ри архиепископе Иосифе (Богословском), занимавшем Воронежскую епископскую кафедру с 1853 по 1864 год, хлопоты по официальной канонизации святителя Тихона были возобновлены под давлением верующих — как из числа вверенных его архипастырскому попечению, так и высокопоставленных паломников*...

Владыка Иосиф, просто вынужден был обратиться с просьбой *«вразумить, как приступить к вопросу об открытии мощей свт. Тихона»* к митрополитам Исидору (Никольскому) и Филарету (Дроздову), бывших ключевыми фигурами в тогдашней высшей российской церковной иерархии.

Адресаты проявили благосклонное внимание к поднятому вопросу, и вскоре из столицы в Воронеж, от обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого, поступил официальный запрос по поводу достоверности сведений, сообщенных в 1846 году архиепископом Антонием II (Смирницким) по поводу обстоятельств обретения нетленных мощей святителя Тихона.

Кроме того, в послании Синода поручалось узнать мнение настоятеля Задонского Богородицкого монастыря и братии о целесообразности открытия мощей, а также сообщить, были ли в

**Иосиф (Богословский),
архиепископ
Воронежский и Задонский**

* Т. М. Олейников передает рассказ владыки Иосифа о том, как «некая княгиня» даже возмущалась, что так долго не открывают мощи Задонского Чудотворца.

период с 1846 по 1860 год явлены какие-либо новые благодатные знамения при гробе святителя Тихона.

Без лишнего промедления, уже 28 февраля 1860 года архиепископ Иосиф направил обер-прокурору Святейшего Синода письмо, в котором подтверждалось все ранее сообщенное Антонием II, а также приводились примеры чудесных исцелений, совершенных при гробе святителя Тихона в самое последнее время. Об ответе из Воронежа доложили Александру II и **«государю благоугодно было повелеть Св. Синоду войти в секретное и внимательное рассмотрение сего дела и о заключении своем по оному донести».**

Постановлением Св. Синода от 8 мая 1860 года, утвержденным 9 мая лично императором Александром II, митрополиту Киевскому Исидору (Никольскому) поручено было «в сопровождении одного из московских архимандритов, по назначению митрополита Филарета, посетить Задонск и, пригласив в оный, под видом личного свидания, преосвященного архиепископа Воронежского с присоединением двух лиц из белого духовенства, пользующихся по своей безукоризненной жизни общим доверием, и двух иеромонахов Задонского монастыря, отличающихся своим благочестием, секретно приступить к освидетельствованию тела епископа Тихона». И все в той же атмосфере строгой секретности комиссии предписывалось «избегая всевозможно огласки, произвести тщательное исследование» чудотворений, приписываемых мощам кандидата на причисление к лику святых.

Сформированная по указанию Св. Синода для освидетельствования мощей св. Тихона комиссия под председательством Киевского митрополита Исидора (Никольского) прибыла в Задонск. Здесь к митрополиту Исидору, архимандриту Паисию из Московского Покровского монастыря и Воронежскому архиепископу Иосифу присоединились иеромонахи Задонского Богородицкого монастыря Зосима и Аркадий, а также протоиерей городского собора во имя Успения Божией Матери Петр Алексеевский и священник Иоанн Попов.

Официальное освидетельствование мощей св. Тихона состоялось 19 мая 1860 года. По результатам составлен был акт, в котором записано: *«Тело святителя Тихона, не смотря на 76-летнее*

пребывание его во гробе, благодатию Божиею сохранилось нетленным, кроме одного большого пальца левой ноги, который подвергся тлению... Плоть на всех членах тела сохранилась, отвердела и присохла к костям, цвет ея потемнел и подобен цвету известных сохранившихся нетленными мощей святых угодников Божиих. Плечные и коленные суставы рук и ног несколько разошлись, хотя не совершенно отделились. Это, по всей вероятности, произошло от того, что могила в коей первоначально погребен был святитель, до такой степени была сыра, что тело его со всем одеянием, при перенесении в церковь в 1846 году, по свидетельству очевидцев, найдено совершенно мокрым, и, при переложении в новый гроб, некоторые члены тела, лишённые гибкости, удобно могли потерпеть повреждение. В прочих частях тела не замечено никакого повреждения. Архиерейское облачение сохранилось в целости, панагия, наперсный серебряный крест покрылись ярью; деревянный крест в правой руке святителя, обложенный серебряной чеканною бляхою, позеленел от окисления металла, но древо креста ни малейшей не подверглось гнилости».

К этому акту митрополит Киевский Исидор присовокупил сообщение о проверке некоторых чудес «посредством опроса под присягою тех лиц, над которыми они совершались».

Ознакомившись с предоставленными по результатам поездки в Задонск отчетами, члены Св. Синода пришли к заключению, что «все изложенные в деле и обследованные надлежащим образом случаи исцелений не представляют никакого сомнения в своей достоверности, и по свойству принадлежат к событиям сверхъестественным».

На основании принятого заключения был подготовлен доклад представленный на утверждение Александру II.

Суть предложений доклада сводилась к следующему: тело пресвященного епископа Воронежского Тихона следует признать за «мощи несомнительно святые»; надо перенести их в главный собор Задонского Богородицкого монастыря, положив в «приличном и открытом месте для всеобщего поклонения»; память святителя праздновать в день его преставления 13 августа; объявить «о сем во всенародное известие».

И Александр II собственноручно начертал на этом докладе: *«Согласен с мнением Св. Синода. Александр»*.

В соответствии с устным пожеланием Государя императора, переданным обер-прокурором Св. Синоду, открытие мощей святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского было назначено на 13 августа — день, объявленный днем памяти нового русского святого.

В июле 1861 года по всем епархиям разослан был синодальный указ, в котором излагалась история открытия мощей св. Тихона и объявлялось о причислении его к лику святых.

И вот, еще за две недели до праздника, к стенам Богородицкого монастыря стали собираться богомольцы. Ко дню праздника, по официальной статистике, в Задонск сошлось и съехалось до 300 000 человек. При этом только экипажей (не считая телег) было 5 тысяч. Общее же число транспортных средств насчитали 12 600.

Для совершения торжества прибыли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор (Никольский), архиепископ Воронежский Иосиф (Богословский), епископы Тамбовский Феофан (Говоров) и Курский Сергей (Каркадиевский-Ляпидевский).

Всего же духовенства разного сана участвовало в открытии мощей около трех сотен.

Светскую власть в этот знаменательный для всей России день представляли обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой, бывший воронежский губернатор граф Д. Н. Толстой, сенатор князь Б. Д. Голицын, уполномоченный Министерства внутренних дел генерал-майор Б. А. Врасский, а также другое менее именитое столичное чиновничество вкупе с воронежским губернатором генерал-майором М. И. Чертковым, которого сопровождали высшие губернские и уездные гражданские и военные чины, а также почетнейшее купечество Воронежа и Ельца, вкупе с градоначалием Задонска.

В «час пополудни» 12 августа 1861 года начался одновременно благовест в городском и монастырском соборах, куда, соответственно, собралось белое и черное духовенство.

В половине второго, под колокольный перезвон, из городского Успенского собора выступил крестный ход и отправился к монастырю, где его встретили монашествующие, также вышедшие с крестным ходом. Сообщается, что когда «первая пара крестного хода подходила к святым воротам монастыря, а последняя пара выходила из городского собора» образовалась «живая цепь на протяжении не менее версты».

*Молебствие у мощей св. Тихона
в церкви Рождества Богородицы*

Встретившись, оба крестных хода объединились и направились к Владимирскому собору. Здесь состоялось краткое молитвословие, совершенное митрополитом Исидором и тремя другими архиереями.

После чего, вновь крестным ходом, все направились в церковь Рождества Богородицы, где покоились святые мощи.

С молитвенными песнопениями гробница была перенесена с обычного места в центр храма. На гроб возложили покров и архиерейскую мантию св. Тихона. Затем все отдали святыне земной поклон. И, с возгласом митрополита Исидора «С миром изыдем», священнослужители подняли святые мощи и крестным ходом понесли во Владимирский собор.

В этом крестном ходе участвовали 70 пар причетников, 30 пар диаконов, 80 пар священников и иеромонахов и 7 архимандритов. Под вновь зазвучавшую праздничную переключку всех за-

донских колоколов крестный ход с мощами святителя Тихона, медленно, с молитвенными песнопениями приближался к воротам Владимирского собора, продвигаясь по живому коридору, прорезавшему плотную толпу, теснившуюся на переполненном монастырском дворе.

Многие из богомольцев, не участвовавших непосредственно в крестном ходе, пока продолжалось шествие, оставались на коленях, держа в руках горящие свечи. Наконец, процессия, сияющая парчой хоругвей и одеяний, с присущей моменту торжественной медлительностью влилась внутрь собора. Рака, вмещавшая прославляемую святыню, водружена была посредине храма, пронизанного лучами послеполуденного августовского солнца. И здесь было продолжено молебствие новопрославленному святому с запевом «Святителю отче наш Тихоне, моли Бога о нас».

По окончании молебна, после того как было возглаголено многолетие «Императору и всей Августейшей Фамилии», крестный ход пришедший в монастырь из городского собора, покинул обитель, а под сводами храма, посвященного Владимирской иконе Божией Матери, началась малая вечерня. Сослужавшие в тот день архиереи прошли в алтарь и разоблачились — для них последовал перерыв перед главным торжеством «самого длинного дня» в истории Задонска.

И вот в 6 часов пополудни 12 августа 1861 года над городом разнесся благовест, созывавший на всенощное бдение. Сослужали четверо архиереев и 24 священника разных рангов.

Архиепископ Воронежский Иосиф обратился к переполнившимся храм богомольцам с «приличной торжеству» проповедью, смысл которой можно свести к следующим словам, сказанным преосвященным в самом начале: **«По благодати Христовой, ныне здесь, братие христиане, открылся новый цельбоносный источник во святых мощах новопрославленного святителя Тихона».**

Отзвучали последние слова, завершая архиерейское обращение и хор грянул: «Хвалите имя Господне». После четвертого стиха сослужающие архиереи приступили к гробнице, вмещавшей мощи и трижды поклонились до земли. Митрополиту Исидору, как старшему из совершающих богослужение, вручен был ключ

от запечатанной гробницы. И он, осенив себя крестным знаменем, отпер замок и открыл мощи, находившиеся в особом гробе без крышки.

Затем, с помощью подведенных под гроб лент, архиереи извлекли его из гробницы, которая тем временем была отставлена в сторону и заняла будущее постоянное место — под балдахином в левой части храма. Гроб же поставлен был посредине.

Святыню накрыли дорогим покровом, а поверх него возложили архиерейскую мантию самого святителя Тихона.

«В храме, по открытии мощей, — вспоминает прямой свидетель происходившего, — настала мертвая тишина, так что нельзя было поверить, что в храме было около несколько тысяч народа; едва только крышка была снята, весь народ от восторга и умиления поклонился до земли; лица всех были орошены слезами».

После всеобщего поклона священнослужителями и вторившим им народом пропето было величание новому чудотворцу: «Величаем тя, святителю, отче наш Тихоне, и чтим святую память твою, ты бо молиши за нас Христа Бога Нашего». Под звуки повторявшегося величания, архиереи, став крестообразно вокруг гроба, совершили каждение, окадив сначала святые мощи, а затем, поочередно, алтарь, иконы, весь храм и предстоявших в нем молящихся.

По прочтении митрополитом Исидором Евангелия, к мощам допущены были сослужавшие и присутствовавшие в храме клирики. А потом открыт был доступ к новопрославленному угоднику и прочему народу. Митрополит и три архиерея, стоя на возвышенных местах, приготовились совершать помазание елеем приложившихся к святыне. Но, как только открыли свободный доступ к мощам, благочинный доселе порядок торжества нарушился. По воспоминаниям очевидцев, в переполненном храме началась невообразимая давка. Не разбирали уже ни чинов, ни очередности. Лишь решительное вмешательство полиции прекратило толчею. И до утра в храме неотлучно дежурила полиция. Обеспокоенный губернатор в течение той ночи неоднократно лично проверял как удается соблюдать порядок и благочиние. И все же, полного порядка, в частности, в обеспечении очереднос-

ти доступа, так и не удалось навести. Позднее, митрополит Исидор в письме к митрополиту Филарету с прискорбием обращал внимание на то, что во время открытия мощей св. Тихона *«распоряжения были неудовлетворительны, и иные в продолжении нескольких дней не могли дойти до мощей святителя»*.

Но в тот момент счастье от разделенной тысячами сердец духовной радости обретения святыни заслоняло для богомольцев все неурядицы мирского плана.

«После всенощного бдения монастырский двор, все городские площади и улицы, а также шоссе на протяжении двух верст по обеим сторонам Задонска осветились огнями, представляя собой в темноте ночи как бы отражение небесного свода, усеянного звездами. Масса народа, не поместившись в домах и бараках, проводила ночь под открытым небом; говор не умолкал. Слышались пение псалмов, чтение акафистов и рассказы об исцелениях от угодника; передавали друг другу впечатления торжества открытия святых мощей. Многие, несмотря на усталость от тесноты, давки и духоты в храме, так были возбуждены, что провели ночь под 13 августа без сна».

Под утро землю оросил дождь. Недостаточно затяжной, чтобы испортить настроение коротавшим ночь под открытым небом, но достаточный, чтобы освежить воздух и прибить пыль, *«которой богат Задонск, благодаря своему песчаному грунту»*.

День 13 августа, после прошедшего дождя, был нежарким, тихим и мягким. Погода благоприятствовала огромному скоплению богомольцев, заполонивших монастырский двор и его окрестности в ожидании главного крестного хода с мощами уже прославленного угодника, который должен был совершиться в этот день. *«Еще ранним утром богомольцы, на захват, спешили занять такие места, чтобы видно было обнесение после литургии святых мощей»* — сообщает участник тех событий.

А началась литургия 13 августа в половине десятого. Вновь сослужили четыре архиерея, а с ними — семь архимандритов, а также 24 священника из числа как черного так и белого духовенства. В ходе совершения литургии гроб с мощами святителя внесен был в алтарь и установлен там на горнем месте лицом к пре-

*«Внутренность соборного храма Задонского Богородичного монастыря во время Божественной литургии со святыми мощами Святителя и Чудотворца Тихона 13 августа 1861 года».
Литография 1862 г. с натурального рисунка худ. А. Лосева.*

столу. Тем самым в этот момент, занимая центральное место среди сослужающих, св. Тихон, символически, являлся предстоятелем (главным среди совершающих службу). Религиозный восторг участников богослужения был таков, что епископ Тамбовский Феофан не мог сдержать слез.

В конце литургии мощи святителя изнесены были из алтаря и поставлены близ амвона, лицом к Царским вратам.

Митрополит Исидор, выйдя на амвон, обратился к молящимся с проповедью, центральной темой которой стал образ светоча духовного, указующего путь и дающего надежду, каковым и является новопрославленный угодник.

«По окончании литургии, — сообщает священник А. Кременецкий — автор подробного описания этого события, — митрополит, архиереи и все сослужащие священнослужители вышли на средину храма, к ним присоединился сонм священнослужителей, пожелавших принять участие в крестном ходе со святыми мощами. Все стали перед святыми мощами. Митрополит и архиереи раздали священнослужителям зажженные свечи. Начали молебен святителю. При пении тропаря святителю: “От юности возлюбил еси Христа, блаженне...”, гроб со св. мощами поставили на приготовленные носилки, священнослужители подняли их и на раменах (плечах) понесли из церкви вокруг монастыря, при колокольном звоне в монастыре и во всех городских церквях. Крестный ход оставался, для служения литий, на всех четырех сторонах монастыря... Все монастырские здания и ограда вокруг монастыря, высокая четырехъярусная монастырская колокольня, — все было наполнено, унижено народом, в монастырском саду народ висел на деревьях, держась за сучья, в городе во многих домах были разобраны черепичные крыши и усыпаны народом.

Путь, по которому несли св. мощи, был устлан грудами жертвованных вещей, затруднявших даже крестный ход: жертвы сыпались как дождь: бросали под раку угодника деньги, куски полотна, полотенца, шарфы, елецкие кружева; снимали с себя и бросали пояса, жилеты, шапки, шляпы и проч. Один крестьянин, не имея ничего, снял с себя кафтан и бросил на дорогу, по которой следовал угодник Божий».

Известно, что после крестного хода было собрано только холста 50 тысяч аршин. Денег насобирали около 600 рублей. По повелению главенствовавшего на торжествах митрополита Исидора, пожертвованные вещи розданы были бедным. В «Житии» св. Тихона приводится пример исцеления бедной женщины, получившей кушак из числа пожертвованной одежды.

Завершив шествие вокруг монастыря, крестный ход возвратился под сень Владимирского собора. Рака с мощами св. Тихона установлена была на приготовленное для нее постоянное место в середине левой арки под балдахином. Коленопреклоненный митрополит Исидор прочел молитву, специально составленную для торжества открытия мощей Задонского чудотворца.

Окончание службы ознаменовалось колокольным перезвоном в монастыре и по всем церквям города, как и в день пасхальный, не умолкавшим затем до вечера.

Архиепископ Воронежский Иосиф благословил, окропив святою водою, приготовленную на монастырском дворе трапезу для народа, а митрополит Исидор, в сопровождении двух других архиереев, высших представителей сослужавшего духовенства и присутствовавшего мирского чиновничества, отправился в покои настоятеля архимандрита Димитрия, где также была приготовлена трапеза.

Торжества продолжались еще два дня. Финалом их стало 15 августа, когда Задонск удостоил посещением великий князь Николай Николаевич.

С тех пор мощи святителя открыто почивали в теплое время года во Владимирском соборе Задонского Богородицкого мужского монастыря, а с 5 октября по 1 мая — в отапливаемой церкви во имя Рождества Богородицы.

Но «драгоценное сокровище должно сохраняться в драгоценном ковчеге». А потому еще в день прославления св. Тихона купец Савва Михайлович Хритко из Екатеринославской губернии, вдохновленный увиденным, пришел к настоятелю Богородицкого монастыря архимандриту Димитрию и вручил ему свою жертву на устройство раки святителю — 16 тысяч рублей. Тогда же крупные пожертвования на сооружение драгоценной раки

угоднику Божию сделали елецкие его почитатели, свято хранившие память о благоволении святителя Тихона к этому богомольному, обильному церквями городу (около 12 тысяч рублей). Были «и другие усердствующие».

Инициатива «церковной полноты» нашла поддержку в церковной иерархии. Архиепископ Воронежский Иосиф, узнав о начавшемся сборе пожертвований, не только одобрил благое начинание, но и выразил желание принять прямое участие в устройстве раки и балдахина, возглавив проект, не без основания предполагая, что в этом случае сбор средств пойдет успешнее, учитывая так называемый «административный ресурс». Столь живой интерес правящего архиерея к делу, которое ельчане не без основания считали своим, вызвало определенное с их стороны неудовольствие. Причем, настолько явное, что 24 октября 1862 года растерявший владыка Иосиф вынужден был обратиться за советом к митрополиту Московскому Филарету.

Ответ мудрого святителя известен благодаря изданной в 1871 году переписке его с архиепископом Воронежским.

«Позвольте моему слову вмешаться в ваше дело, — отвечал московский митрополит воронежскому архиепископу. — Мое слово не воспрепятствует вашему делу идти, как вам угодно будет. Но может быть, не излишне знать вам то, что хочу сказать. Елецкие граждане усердствуют устроить раку Святителю Тихону. Вы, или настоятель, хотите, чтобы они дали деньги в ваше распоряжение. Люди говорят, что это для того, чтобы собрать больше денег. Это, если справедливо, не лучшее направление дела. Святителю угодно усердие, а не множество денег, усиленно собранных. Усердие Елецких граждан очевидно, и они имеют особенное право принести дар свой святителю, который благоволительно приближался к их городу. Вы возражаете, что ваш проект уже был пред очами Государыни Императрицы. Елецкие граждане отвечают, что и их проект достоин того же внимания. Теперь им предлагают написать письмо к Ея Величеству. Если сие случится, может открыться спор, котораго некоторые черты представляются неблагоприятными светлым очам. Рассудите, не лучше ли согласиться с желанием Елецких граждан». Архиепископ Иосиф смиренно внял аргументам столь

авторитетного судии и это примирило спорящих, погасив нарождавшийся был конфликт.

В итоге, благодаря щедрым жертвам и согласию воцарившемуся среди жертвователей, уже в скором времени устроена была святителю Тихону дорогая и великолепная рака с балдахином. В частности, на сооружение раки и сени пожертвованы были изрядные суммы царствующей фамилией: «Императорскими Величествами» — 3000 руб., «Их Высочествами» — 1000

Рака с мощами св. Тихона и сень в летнем Владимирском соборе, выполненные из чеканного серебра в мастерской Ф. А. Верховцевым

руб. Основательным взносом из личных средств поддержал благое начинание настоятель Задонского Богородицкого монастыря архимандрит Димитрий, внесший 5000 руб.

По словам очевидца, рака представляла собой «памятник, воздвигнутый святителю Тихону... любовью и религиозным усердием всего нашего православного народа. Памятник колоссален, как колоссально усердие, его воздвигавшее».

Сегодня остается довольствоваться лишь изображениями да описаниями этого, не пережившего «помощь голодающим Поволжья», произведения ювелиров и чеканщиков знаменитой на всю Россию фирмы «золотых и серебряных дел мастера» Ф. А. Верховцева.

Мастера Верховцева славились умением «вызывать краски из металла и подбирать их под бесчисленные тени посредством искусного сочетания разных оттенков глади и мата, даваемых серебром и золотом». И рака святителя Тихона, выполненная ими в 1862 году, была «самым разительным доказательством такого умения».

«Серебра в раке и внутри гроба» было «весу 9 пуд. 30 ф. 56 золотн.» (156 кг. 239 г.). Четыре литых серебряных орла с распростертыми крыльями (вместо ножек) поддерживали на себе раку с гробом, хранившим в себе тело святителя Тихона.

Раку, покрытую массивной крышкой, на которой было вызолоченное «выпуклое изображение Святителя Тихона во весь рост», украшали чеканные изображения, запечатлевшие блаженную кончину Задонского Чудотворца и прославление его.

Над ракови устроена была «сребропозлащенная сень», утвержденная на 4-х столбах (стилизованых под колонны коринфского ордера) изготовленная из серебра 84 пробы, весом в «26 пуд. 23 зол.» (416 кг. 98 г.). Высота сени была 8 1/2 аршин (6 метров), длина 6 аршин (4,25 метра), а ширина 3 1/2 аршин (2,5 метра). Серебряные рака и сень занимали место на специально устроенном деревянном помосте-возвышении за левым клиросом Владимирского собора меж столпов, поддерживающих свод храма.

Помимо раки с мощами в главном храме Богородицкого монастыря хранились и еще несколько святынь, связанных с памятью о земном житии св. Тихона.

У правого столба левого клироса Владимирского собора, в изящном киоте, находилась мантия св. Тихона, в которой он причащался св. Таин и в которую был облачен по кончине. Взамен ее епископ Воронежский Тихон III прислал из Воронежа полное архиерейское облачение, в котором и погребен был святитель. Мантию св. Тихона Задонского возлагали на больных, по вере своей получавших исцеления от скорбей телесных*.

---

* Как сообщает о. Геронтий, во время холерной эпидемии 1870-го, по просьбе епископа Орловского Макария (Миролюбова) «и граждан Елецких», мантия св. Тихона находилась в Ельце. В домах совершались молебны святителю и «верующие получали выздоровление от ужасного недуга». С тех пор ельчане ежегодно приглашали из Задонска иеромонаха с благодатной святыней для совершения молебна.

***Рака в теплой церкви
во имя Рождества Богородицы***

ной звезде на финифти изображение благословляющего Спасителя, в левой руке имеющего державу. Финифть окружена в один ряд стразами, наверху корона, убранный разноцветными стеклами, внизу — три привески синих стекол, обрамленные в серебро. С лицевой стороны панагии надпись: *«Сия панагея благословлена Преосвященным Тихоном, опочившим в Задонском монастыре, лично генерал-майору Алексею Дмитриевичу в 1763 г., а по кончине его доставшаяся по наследству сыну его - надворному советнику Дмитрию Алексеевичу Бехтееву 20 декабря 1823 г.»*. На обратной стороне надпись рукою св. Тихона о принадлежности ему панагии. Эта панагия была передана в Богородицкий монастырь Дмитрием Алексеевичем Бехтеевым еще до прославления св. Тихона, в 1850 году.

В киоте же находился посох камышовый с верхом из слоновой кости и медным наконечником внизу, а также митра святителя Тихона «бархата пунсового цвета, на ней четыре клейма че-

Вверху того же киота находились две келейные иконы Божией Матери, принадлежавшие св. Тихону — Казанская, «написанная на доске, мерою в вышину 7 вершков и в ширину 6 вершков в сребропозлащённой ризе» и «Нечаянная Радость», написанная на доске, «мерою в вышину 6,5 вершков и ширину 5,5 вершков, в сребропозлащенной ризе, украшенной дорогими камнями». На последней была надпись, выполненная собственноручно святителем Тихоном и удостоверяющая, что икона принадлежала ему.

Над иконами находилась панагия — в сребропозлащен-

канной работы с изображениями четырех Московских Святителей. Полосы на ней, кресты и 16 разной величины звёзд украшены разными камнями, половинчатым крупным и круглым мелким жемчугом и серебропозлащёнными насыпными репейками, вместо опушки обложена серебряным газом, верх митры кончается восемью разноцветными камнями»

А в Рождество-Богородицкой зимней церкви, где мощи почили с осени по весну, на прежнем месте их упокоения, с левой стороны, в 1863 году попечением архимандрита Димитрия также была поставлена малая серебряная рака, устроенная из прежнего серебряного надгробья, пожертвованного графиней А. А. Орловой-Чесменской. Осенял эту раку, вмещавшую святыню с 5 октября по 1 мая, более скромный, но искусно выполненный резной деревянный балдахин.

А в иконостасе левого придела этого храма особым почитанием пользовалась «местная икона Спасителя, сидящего на престоле с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Предтечей. Образ писан на доске, корсунскою иконописью, в серебропозлащенной ризе». Икона принадлежала схимонаху Митрофану, который, по совету святителя Тихона, признавшего присущую этому образу силу чудотворения, отдал его в монастырь. Об этом сообщает издатель писем Георгия, затворника Задонского, монах Порфирий (Григорьев), со ссылкой на архимандрита Самуила и иеромонаха Павла — духовника Задонского монастыря, бывшего келейником схимонаха Митрофана.

Почитаема была также икона святителя Николая Мирликийского, находившаяся в ките, устроенном при колонне, с левой стороне от входа в храм Рождества Богородицы. Это был дар обители помещика Лебединского уезда, «села Богородицкого». Как сообщает иеромонах Геронтий, «благодатные действия от сея честныя иконы многократно чудесно подтверждены были как в с. Богородицком, так и в Задонской обители».

Глава VIII.

В «РУССКОМ ИЕРУСАЛИМЕ»

С памятных августовских дней 1861 года приобрел уездный городок Задонск на долгие годы славу «Русского Иерусалима». Ибо так привлекателен для верующих был образ святителя Тихона, так явно источалась благодать от «цельбоносных и чудотворных» мощей его, что Задонский Богородицкий монастырь стал с тех пор неизменным пунктом в маршруте тех, кто отправлялся на богомолье по святыням Руси.

Слава эта, сопряженная с заметным увеличением и без того не скудного притока паломников, позволила Богородицкому монастырю в очень короткие сроки провести капитальный ремонт обветшавших зданий. В «Описании...» иеромонаха Геронтия 1893 года сказано: «**прежние здания монастырские приведены в течение одного лета 1862 года в лучшее состояние, в котором они и доселе находятся.**»

Одновременно были приняты меры к тому, чтобы выстроить необходимые новые здания.

Заметим, что этими постройками начала 60-х годов заканчивается формирование дошедшего до наших дней архитектурного комплекса Задонского Богородицкого монастыря.

Тогда, в частности, возведен был новый теплый трехпрестольный храм во имя Рождества Богородицы (строившийся вокруг старого здания 1834 года). Работы, причем, одновременно — земляные, кузнечные, плотничные, столярные и иконописные — начались с 25 апреля 1862 года. А к августу новый храм был почти уже готов как внутри, так и снаружи.

После небольшого перерыва, связанного с празднованием очередного дня памяти св. Тихона, работы были возобновлены и к октябрю доведены до конца. По этому случаю в Задонск прибыл архиепископ Воронежский Иосиф, совершивший 28-30 октября освящение трех престолов нового храма.

Средний — в честь Рождества Пресвятой Богородицы и Тихвинской Ее иконы, правый — во имя святых Антония и Феодо-

сия Печерских, а левый — во имя святителей Воронежских Митрофана и Тихона. Изображения этих святителей, расположенные по сторонам от входа, украшали западную стену новопостроенной церкви.

К сожалению, сегодня в вопросе о внешнем виде здания остается лишь довольствоваться описанием иеромонаха Геронтия, сообщавшего, что «по внешнему фасаду храм этот приведен в гармонию с летнею Владимирскою церковью», да старыми фотографиями. Постройка не пережила советского времени. Церковь Рождества Богородицы была практически безвозвратно обезображена переделкой ее под консервный цех Задонского овощесушильного завода. Ныне она восстановлена лишь внешне.

А вот некоторые другие, современные ей здания стоят до сих пор. Так, в 1862 был радикально перестроен одноэтажный корпус с северной стороны монастыря, именовавшийся «архиерейским».

После надстройки каменного второго этажа, в нижней части здания были устроены 24 кельи для братии, а в верхней — палаты для приема представителей церковной иерархии и иных почетных гостей. Парадный вход вел на лестницу, делившую второй этаж на две равные половины: направо — для преосвященных, налево — для прочих. До недавнего еще времени в этом здании размещалась поликлиника Задонской райбольницы.

В 1863 году с северной стороны, на месте ограды, сооружен был новый трехэтажный корпус духовного училища (сейчас — жилой дом по ул. Коммуны с монастырской лавкой в цокольном этаже), служивший Задонским бурсакам вплоть до упразднения учебного заведения большевиками.

Тогда же, в 1863-м, окончено было строительство двух угловых «готического стиля» башен ограды, начатое еще при архимандрите Досифее, но затем приостановленное. В башнях разместились братские кельи. Но куда более важным для монастырской панорамы было их великолепное архитектурное решение. Как эмоционально замечал иеромонах Геронтий: **«в настоящее время, при общей гармонии величественных монастырских зданий, башни эти составляют величайшую красу, особенно если смотреть на монастырь из-за реки Дон, с Московского шоссе».**

Видъ Задонскаго Монастыря влѣтъ за рѣки Доны.

В 1864 году на месте деревянного настоятельского корпуса, стоявшего за Владимирским собором, выстроен был трехэтажный кирпичный, соединенный галереей с теплой церковью.

Самые же значительные изменения произошли в постройках южной части монастыря, где располагались часовня, возведенная в 1836 году на месте кельи схимонаха Митрофана, и двухэтажный братский корпус, на восточном окончании которого была устроена церковь во имя Вознесения Господня, а на западном — архитектурно идентично, «в симметрию», — прежнее здание духовного училища, постепенно ставшее тесным для умножавшихся учеников (в 1817-1818 гг.).

В 1862 году была разобрана часовня и частично — келейный корпус с церковью, с которых сняли второй этаж.

По новому проекту, осуществленному весьма быстро, основание бывшей «Митрофановой» часовни оказалось под алтарем заметно расширенной Вознесенской церкви, занявшей, как и прежде, восточный торец второго этажа новой постройки.

Здесь, под обновленными сводами, обрели свой покой те, кто удостоен был при жизни «*помазания духа Христова*» (1Ин. 2, 20). Архиепископ Антоний (Соколов), Затворник Задонский Георг-

гий, Христа ради юродивый Задонский Антоний Алексеевич, схиигумен Евсей, схимонах Митрофан, старица-странноприимница Евфимия Григорьевна Попова, иеросхимонахи Агапит, Нафанаил и Авраамий — всяк по-своему угождая Господу, снискали они славу и почтение, не только не умершие с телесной их смертью, но умножавшиеся...

От перестроенной Вознесенской церкви, через арку, по всей протяженности возобновленного и на полтора метра поднятого второго этажа в том же году протянулась просторная монастырская трапеза с буфетом и кельями для трапезных служителей. В нижней части здания размещались просфорня с магазином для продажи просфор, кухня и прочие сопутствующие службы.

А освободившиеся помещения справившего новоселье духовного училища отданы были под кельи, живописную мастерскую и «свечное заведение», располагавшееся в нижнем этаже.

В 1865 году на месте, где некогда стояли келии святителя Тихона, устроена была каменная однопрестольная церковь в его честь. Освятил новый храм 12 августа того же года, в канун дня памяти св. Тихона Задонского, преосвященный Серафим (Аре́тинский), епископ Воронежский и Задонский.

Одновременно шло сооружение каменной часовни на месте первого (под алтарем снесенного старого Владимирского собора) погребения св. Тихона. Внутри часовни был поставлен гроб, в котором покоились его нетленные мощи до обретения их в 1846 году. А в передней ее части, между фронтонами, остался стоять чугунный рельефный памятник «с позлащенным крестом на верху и образами Спасителя и Божией Матери», с 1856-го года обозначающий прежнее место упокоения святителя. Но в 1870 году решено было преобразовать часовню в храм. Здание часовенки разобрали и на ее месте выстроили однопрестольный храм во имя св. Тихона Задонского и св. Игнатия Богоносца. Над западной дверью нового храма был установлен тот самый памятный знак 1856 года. До наших дней он не сохранился.

А вот малый сей храм и ныне примыкает к южной паперти Владимирского собора, через внутренний арочный проем соединяясь с нижним его ярусом.

В 1870 году и церковь во имя святителя Тихона на месте его келий была слегка перестроена и расширена за счет пристройки притвора. И с тех пор, вплоть до упразднения Богородицкого монастыря, облик ее оставался неизменным.

К 1869 году совсем обветшала поставленная еще игуменом Евфимием старинная часовня на месте святого источника, струившегося с незапамятных времен у подножия холма, вершину которого венчает Богородицкий монастырь. В связи с этим настоятелем архимандритом Димитрием с братией был подан рапорт с просьбой о разрешении устройства нового здания.

Епархиальное начальство, рассмотрев прошение из Задонска, не только разрешило разобрать старую часовню, но и позволило построить на ее месте храм.

Деньги на сооружение каменной однопрестольной церкви в честь Царицы Небесной были предоставлены благотворительницей — помещицей Брянского уезда Орловской губернии Агриппиной Демидовой. Она пожертвовала 10 тысяч рублей серебром, которых вполне хватило на возведение храма «Живоносного Источника», как стал он впоследствии именоваться.

Архитектурно решенная в готическом стиле новопостроенная церковь была крестообразной в плане, имея основание шириной в 5 сажень (около 10,5 метра), и возвышалась на 12 аршин (8,6 метра). Внутри и снаружи здание украшали настенные росписи. Иконостас до 1893 года был «деревянный незолоченый».

В 1882 году к захоронениям в нижнем ярусе Владимирского собора прибавилось еще одно — устроенное в особом склепе у северо-западной стены храма. Здесь, под деревянным надгробьем упокоен был скончавшийся 13 июля 1882 года, в возрасте 82 лет, настоятель Богородицкого монастыря архимандрит Димитрий, оставивший по себе память не только устройением зданий монастыря, но, главное, неустанной благотворительностью.

С 1861 по 1880 годы под личным председательством Задонского настоятеля при монастыре действовало благотворительное общество, носившее наименование «Тихоновского». Этот институт милосердия возник исключительно по личной инициативе архимандрита Димитрия.

Общество помогало 46 беднейшим семействам, жертвуя для этих целей из монастырской казны ежегодно до 300 рублей серебром. Помимо 20 учеников-сирот, содержавшихся за счет обители традиционно, с момента учреждения в Задонске духовного училища, Тихоновское общество оказывало материальную поддержку еще 20 беднейшим ученикам, вручая каждому ежемесячно по 1 рублю серебром.

Также по распоряжению о. Димитрия при Задонском Богородицком монастыре содержались на полном иждивении 9 престарелых, один увечный и один малолетний из числа неимущих. Стоила такая забота о «социально незащищенных» около 660 рублей ежегодно. Именно при архимандрите Димитрии, в 1866 году, была заложена традиция ежегодно жертвовать из монастырской казны 1000 рублей серебром в кассу Воронежского попечительства девиц духовного звания. Попечением о. Димитрия монастырская больница, до 1862 года бывшая исключительно «домашнею», стала действенным инструментом милосердия, позволяя оказывать медицинскую помощь не только недужным из числа братии, но и беднейшим паломникам.

По кончине архимандрита Димитрия благословлен был управлять братией Задонского монастыря и немалым его хозяйством казначей Воронежского Митрофанова монастыря архимандрит Прокопий (Тенеровский). В течение десятилетнего своего правления, длившегося с 1882 по 1893 год, главное внимание уделял он в первую очередь хозяйственному и организационному устройству вверенной ему обители, немало преуспев на многотрудном этом поприще.

С 1883 года начат был капитальный ремонт собора. В обновлении величественного храма активно участвовали благодетели из мирян — четыре наиболее чтимые иконы украсились массивными серебряными ризами 84-й пробы (общим весом почти 71 килограмм, стоимостью около 10000 рублей) стараниями купца М. И. Шапошникова; 800 рублей пожертвовал купец Кононов на устройство серебряных риз на иконах в Царских вратах; 300 рублей стоила риза для иконы «Тайная вечеря», изготовленная по заказу ростовской купчихи А. И. Асмоловой. Тогда же, по общению о.

Геронтия, «внутренние стены всего храма окрашены были голубою небесного цвета краскою и в приличных местах украшены росписью альфреско».

В следующие три года отремонтированы были настоятельский и архиерейский жилые корпуса, колокольня, теплый храм во имя Рождества Богородицы, трапезный корпус.

Древняя Богородицкая обитель в Задонске переживала пору своего наивысшего хозяйственного расцвета.

Впрочем, говоря об экономическом процветании Богородицкого Задонского монастыря перед революцией 1917 года, следует сразу оговорить масштабы.

Ведь в печатных изданиях последнего десятилетия распространилось (причем, с акцентом именно на материальную сторону вопроса) утверждение о том, что Задонская мужская обитель, то ли «входила в десятку первых монастырей России», то ли «занимала седьмое место в списке российских монастырей». Такого не было и быть не могло.

Хотя бы по той причине, что в империи перед революцией существовали четыре лавры и семь (до 1888 г.) богатейших ставропигиальных монастырей. А это уже одиннадцать.

Другое дело — место Богородицкой обители в неформальной, паломнической «табели о рангах». Здесь, уже вскоре после 1861 года, Задонск действительно числился на первых местах, рядом с Киевом и Троице-Сергиевой лаврой.

Что же касается материального благосостояния обители, то следует помнить, что первый класс Задонский мужской монастырь получил исключительно за счет частного пожертвования штаб-ротмистрши Е. С. Чебышевой, проценты с которого и обеспечивали на первых порах достойное классности содержание обители. Государственное же содержание Задонский монастырь вплоть до упразднения по-прежнему получал по штатам третьего класса как то бы установлено с XVIII века.

Отсюда и невеликое число так называемых «приукаженных» (официально зачисленных в штат) насельников обители. В 1838 году монахов и послушников было 29 человек; в 1840 — 34. Затем число их возрастает в 1849 году до 90, сохраняя тенденцию к

росту и далее. Например — 109 человек — по данным 1865 года. Некоторое сокращение в дальнейшем объясняется тем, что братия новооснованного в 1873 году Тихоновского общежительного мужского монастыря формировалась из насельников Задонского Богородицкого. Но уже в 1876 году здесь 120 насельников. И более заметного роста численности монашествующих не наблюдается. В 1914 году здесь спасаются 82 монаха и 67 послушников. В 1917 году зарегистрирован 131 человек, включая 81 монашествующего и 50 послушников.

Не слишком впечатляют и размеры имущественного состояния Задонского Богородицкого монастыря. Хотя и нельзя сказать, что обитель бедствовала. Напротив, — того, чем она владела, вполне хватало для полноценного жизнеобеспечения монастырской общины в рамках своего класса.

Так, по данным 1886 года, мужская обитель в Задонске владела (в основном без права распоряжения) 93 тысячами рублей капиталов, положенных разными благотворителями в кредитные учреждения. Это были вклады на поддержание классности обители, на содержание больницы, богаделен и прочие целевые пожертвования. К 1893 году сумма их возросла (по данным о. Геронтия) до 99215 рублей.

А на 1 января 1911 года наличными и банковскими билетами капитал обители составлял 168 256 рублей. На покрытие монастырских расходов шли проценты с этих сумм.

Кроме того, текущий доход «живыми деньгами» приносили гостиница и сдававшиеся внаем жилые помещения в угловых башнях, дававшие ежегодно до 700 рублей серебром.

В 1887 году монастырская гостиница была капитально отремонтирована. В правую ее часть (со стороны центрального входа) подведен был водопровод от устроенного еще в 1861 году монастырского колодца-водозабора, что позволило сделать еще более удобным пребывание здесь паломников со средствами, снимавших платные гостиничные номера.

Две лавки при монастырских воротах наторговывали прибыли «за вычетом на ремонт» более 150 рублей серебром ежегодно. **Основной же поток средств в монастырскую казну поступал «от про-**

дажи свеч, просфор и добротных пожертвований за молебны и панихиды». Тем более, что свечной заводик у монастыря имелся свой, перерабатывавший до 16 центнеров воска ежегодно по данным 1886 года.

Занималась обитель и сельскохозяйственным производством для собственных нужд. Так, в 1886 году за монастырем числилось 320 десятин пахотной земли и 30 десятин луговых сенокосов*. Сенокосы, «за вычетом расходов на уборку», давали монастырскому хозяйству сена на 200 рублей серебром.

Переработать выращенное зерно можно было на собственной водяной мельнице, устроенной в селе Патриаршем (ныне с. Донское Задонского района), на речке Студенец. Выполняла мельница и сторонние заказы. По подсчетам иеромонаха Геронтия, мукомольное предприятие могло приносить от 600 до 1000 рублей серебром ежегодно, «судя по доходам мельниц, на той же речке находящихся».

Была в монастырском владении также одна ветряная мельница, располагавшаяся на монастырском хуторе за Доном, близ Парарино. Хутор этот, на земле, выкупленной у елецкого помещика И. П. Соколова в 1862 году, был организован весьма современно (по меркам девятнадцатого столетия, естественно). Здесь имелись «дом, рига, сарай и проч. постройки необходимыя при полевом хозяйстве». Устроен был здесь и пчельник на 500 ульев. А рядом плодоносили прекрасные фруктовые сады площадью 11 десятин. Один из них — на 6 десятин — сдавался на период сбора урожая и приносил до 1000 рублей серебром.

Владел Задонский Богородицкий монастырь и лесными «дачами» площадью около 270 десятин. Всего же земельная собственность Богородицкого монастыря перед революцией составляла 683,5 десятины (около 750 гектаров).

В состав монастырской недвижимости входили 5 домов в Задонске. Принадлежал Богородицкой обители также и дом, выстроенный иждивением помещицы А. В. Рындиной, первоначально сдававшийся внаем. Но в 1891 году под его крышей, по реше-

---

* По данным 1911 года общая земельная собственность Богородицкого монастыря составляла порядка 690 дес. (около 750 га).

нию архимандрита Прокопия, разместилась открытая монастырем на свои средства бесплатная церковно-приходская школа на 60 мальчиков («бедных обывательских детей»).

Открытие школы не исчерпывает благих деяний архимандрита Прокопия. Особенно ярко проявилось это в лихую голодную годину. В 1891 году из-за неурожая в России разразился страшный, до людоедства, голод, затронувший и Воронежскую губернию. В октябре 1891 года из казны Задонского монастыря было пожертвовано 813 рублей в пользу голодающих. Кроме того, на всем протяжении тяжкого времени, беднейшие семейства Задонска и округа «пользовались от обители хлебом и деньгами». А во время последовавшей за голодом холеры 1892 года больным из малообеспеченных семей была предоставлена возможность пользоваться безвозмездно монастырскими медикаментами и лечиться в монастырской больнице.

В 1893 году архимандрит Прокопий, изнуренный десятилетием, исполненным безустанными трудами на благо обители, подал в отставку по состоянию здоровья и получил удовлетворение своего прошения. Последние годы жизни Прокопий провел на покое в Задонском Богородицком монастыре. Похоронен был в нижнем этаже Владимирского собора, рядом с архимандритом Димитрием.

Одним из последних деяний архимандрита Прокопия в должности настоятеля было завершение трудов по благоукрашению Владимирского собора. С начала 1890 года в Богородицком монастыре приступили к коренному обновлению внутреннего оформления главного храма.

Основанием для настенных росписей, выполненных бригадой специалистов из Москвы под руководством К.Е. Морозова, послужило внутреннее убранство храма Христа Спасителя. Орнаменты, а также иконы «Тайная вечеря», «Рождество Христова» и некоторые другие живописные изображения повторяли оригинальные работы Семирадского и Верещагина. К ним были добавлены росписи на темы жития святителя Тихона и его прославления. Простенки окон второго яруса заняли монументальные картины на сюжеты из жития святителя Митрофана Воро-

нежского, связанные со строительством флота Российского на воронежских верфях, получившим его архипастырское благословение. Постенную живопись в храме выполнил сам «известный московский художник» К.Е. Морозов.

Указом Св. Синода от 30 июля 1893 года настоятелем Задонского монастыря был назначен архимандрит Иоанникий, переведенный в Задонск из Давидовой пустыни.

Этот достойный представитель дореволюционного российского монашества постриг принял в 1865 году. Совершал пострижение сам митрополит Московский Филарет (Дроздов), причтенный ныне к лику святых. Как сказано в некрологе архимандрита, скончавшегося 19 января 1902 года, о. Иоанникий **«будучи сам честнейшим монахом в исполнении монастырского устава, нравов и обычаев, в том направлении словом, делом и примером воспитывал и вверенную ему братию».**

Погребение настоятеля совершил 22 января 1902 года Владимир (Шимкович), епископ Острогожский, викарий Воронежской епархии.

Прочувствованную речь по усопшему наставнику и руководителю произнес наместник Богородицкого монастыря игумен Леонид. Ему и суждено было стать следующим настоятелем.

Определением Св. Синода от 15-27 февраля 1902 года наместник Задонского Богородицкого монастыря игумен Леонид (Лавр Владимирович Быковский) назначен был на должность настоятеля того же монастыря с возведением его в сан архимандрита. Настоятель этот «умел расположить в пользу монастыря людей состоятельных, что обогатило монастырь очень ценными дарами почитателей о. Леонида, например, Помазовским лесом, землей и пр.».

Сменил о. Леонида, ушедшего в отставку по болезни, архимандрит Нафанаил (Николай Чулков), переведенный в Задонск согласно указу Св. Синода от 17 марта 1904 года за № 2719. До назначения в Задонск архимандрит Нафанаил был настоятелем Толшевского Спасо-Преображенского монастыря.

Предшественник же его оставался на покое в Задонском Богородицком монастыре, вплоть до самой своей кончины, после-

довавшей в 1910 году. Следуя примеру св. Тихона Задонского, о. Леонид, человек «общительный и общедоступный», никому не отказывал в совете и наставлении. Вот как вспоминал об этом очевидец: «В скромном уютном домике о. Леонида можно было встретить почитающих и любящих его людей всяких званий и состояний. Для всех их находилась у о. Леонида интересная беседа, доброе назидательное слово, полезный совет и дорогое слово утешения».

Но не только словом оказывал помощь пребывавший на покое настоятель. Так, известно, что уже будучи в отставке, архимандрит Леонид принял активное участие в сборе средств «на санитарные нужды армии, действующей на Дальнем Востоке» (речь идет о русско-японской войне). Его личное пожертвование, внесенное в мае 1904 года, составило 200 рублей. Настоятель, архимандрит Нафанаил, тогда же пожертвовал 300 рублей, а братия из собственных денег собрала 959 рублей 10 копеек. Кроме того, 2000 рублей были переведены в кассу благотворительного сбора из казны монастыря.

И это конкретное проявление милосердия было далеко не единственным. Пример в благотворении показывал настоятель — архимандрит Нафанаил, председатель Задонского отделения «Братства св. Тихона». Как и св. Тихон Задонский, о. Нафанаил расходовал личные средства на то, чтобы никто из просящих милостыню «тощ и неутешен не отыде». Нищие получали от него помощь по субботам. «Когда же их стало слишком много, о. архимандрит начал раздавать им милостыню два раза в неделю — по субботам и вторникам. Нищие в субботу получали по 3 копейки. По вторникам он оказывал помощь просто бедным людям. Бездетным — по 20-50 копеек, семейным — по 3-5 рублей».

Именно при этом достойном настоятеле Задонский Богородицкий монастырь летом 1911 года вновь как бы перенесся на столетия назад — с таким размахом был отпразднован полвековой юбилей со дня прославления св. Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского.

Торжества продолжались в течение трех дней. На всеобщем бдении, после первой кафизмы, прочитано было житие св. Ти-

Крестный ход в 60-ти летний юбилей открытия мощей Св. Тихона
(снимок от Духовного училища)

хона Задонского. Сослужали пять архиереев: архиепископ Воронежский и Задонский Анастасий (Добрадин), епископ Острогжский, викарий Воронежской епархии Владимир (Шимкович), епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии Митрофан (Краснопольский), епископ Орловский и Севский Григорий (Вахнин) и епископ Елецкий, викарий Орловской епархии Митрофан (Землянский).

В пышных крестных ходах от храмов Задонска в этот день участвовали члены обществ хоругвеносцев из Воронежа и Ельца.

Все три дня не умолкали залиvistые голоса монастырской звонницы, насчитывавшей полтора десятка колоколов.

Главный «Большой колокол», весом в 11 с лишним тонн, отлит был в Москве на заводе Самгина в 1886 году на совместные средства купца М. И. Шапошникова и Задонского монастыря, оплатившего треть стоимости работ.

По рассказам задонских старожил, голос этого колокола был слышен на добрый десяток километров в округе, а в особо тихие дни — даже в Ельце. Выделялись своим звучанием и почти пяти-тонный колокол отливки 1846 года, и его собрат в 1920 килограммов. «Вседневный» колокол весил «всего» 1120 килограм-

мов. А общий вес медного «хора» монастырской звонницы составлял 22 тонны 414 килограммов 400 граммов, как подсчитал о. Геронтий.

Был, среди прочих медных голосов монастыря, и один особенный «колоколец» — с историей. Его в 1815 году нашли в земле паломники, шедшие на богомолье в Задонск и остановившиеся переночевать там, где сегодня расположено село Даньшино Задонского района. с 1647 по 1700 год здесь, на берегу Дона стояла преображенская Данщина пустынь.

В 1911 году, по случаю полувекового юбилея со дня прославления Задонского чудотворца, Задонское уездное духовное училище получило почетное и ко многому обязывающее наименование Тихоновского. В этом — заслуга Задонского монастыря и его управителей, на протяжении всего существования учебного заведения проявлявших отеческую заботу как о самом училище, так и о воспитанниках. По сведениям начала 1900-х годов, настоятель обители состоял попечителем училища, внося ежегодно на его содержание по 500 рублей.

Благодаря поддержке и попечению со стороны Богородицкой обители стала возможной столь высокая по уровню организация процесса обучения, что, несмотря на высказанное епархиальным начальством еще в 1903 году намерение перевести училище в Воронеж, Святейший Синод счел более целесообразным оставить это духовное учебное заведение именно в Задонске, под заботливой опекой Богородицкого монастыря...

Благотворил монастырь и иным духовным учебным заведениям. Известно, что настоятель Богородицкого монастыря состоял почетным попечителем церковно-приходских школ Задонского уезда, ежегодно выделяя на их содержание 500 рублей.

Глава IX. ВРЕМЯ РАЗОРЕНИЯ

казом Св. Синода от 31 декабря 1912 года настоятель Задонского Богородицкого монастыря архимандрит Нафанаил, согласно его прошению, был уволен от должности по болезни. На его место тем же указом назначен был наместник Воронежского Благовещенского Митрофанова монастыря архимандрит Александр (Зеленев).

Ушедший на покой настоятель остался в Задонском монастыре, где в 1914 году и завершилась земная его жизнь.

Когда разнеслась весть о кончине архимандрита Нафанаила, по воспоминаниям современника, «в монастырь потекли целые толпы народа, чтобы отдать последний долг “своему любимцу и благодетелю”. Весь Задонск, многие из окрестных сел... все побывали тут», — сообщает очевидец.

Совершив погребение усопшего предшественника, архимандрит Александр вернулся к текущим заботам по управлению обителью, жизнь которой, отстроенной и устроенной за предыдущие 300 лет, протекала размеренно и предсказуемо. Но спокойные эти годы были последними.

Отцу Александру суждено было дожить до горьких дней разорения, оставаясь у руля монашеской общины. И на его плечи лег непростой выбор устройства взаимоотношений с новой, отрицающей Бога и Церковь, властью...

Ведь вместе с революцией 25 октября (7 ноября) 1917-го года для задонского монашества пришло время сперва тревожных ожиданий, а затем — реального воплощения самых худших предположений. 20 января (2 февраля) 1918 года был опубликован «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». **«Никакие церковные религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют»**, — гласил, в частности, этот документ.

И, во исполнение заявленного Декретом, в 1918 году постановлением уездного исполкома, в числе прочих, национализи-

рованы были здания Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря. Монахов еще не выгоняли из келий, но уже изрядно потеснили.

Некоторые здания были изъяты для нужд города. В частности, из предвыборной листовки, выпущенной к выборам депутатов горсовета Задонска и извещающей о расположении избирательных участков, явствует, что монастырская трапезная была превращена новой властью в общегородскую столовую.

13 января 1919 года архимандрит Александр (Зеленев) писал благодетелям обители следующее: *«...артезианский колодец не работает, потому что нефти нет, а из нашего старого монастырского не на чем качать воду, — придется ходить с ведрами к Дону... Братию заставляли идти в лес и рубить дрова [по разнарядке от Советов]. Братия ходили и нарубили 50 саж., а дали только 20. Теперь отвели 20 саж. сучьев и веток, но ведь такими ветками топят печи только осенью и весной, а не зимою в 25 градусов мороза... Всякие нужды терпим: и голод и холод, и всякого рода оскорбления. Значит, того заслужили по своим грехам»...*

А 28 января 1919 года осквернены были останки всей Русью чтимого святого, потрясенные кощунственными руками «спецкомиссии» во главе с председателем Задонской уездной ЧК Зиновием Шипулиным*.

В результате удар по идеологическим противникам со стороны коммунистов нанесен был точный и жесткий. И они постарались, чтобы эхо его прогремело по всей России. То, что объявили «результатами вскрытия», зафиксировал на киноплёнку специально откомандированный из Москвы оператор-документалист П. К. Новицкий, близкий к семье В. И. Ленина. Правда, в этот раз кинокамера Новицкого запечатлела не сами события, как то пыталась представить атеистическая пропаганда, а всего лишь их не слишком продуманную инсценировку.

Согласно тексту, который считается официальным протоколом вскрытия, все проходило внутри теплого храма во имя Рождества Богородицы, где мощи святителя пребывали в зимнее вре-

---

* Зиновий Антипович, уже через 2 года, «был схвачен бандой Колесникова и зверски убит» на территории Богучарского уезда Воронежской губернии...

Кадр из кинофальшивки оператора П. К. Новицкого

мя. Причем, было это сумрачным январским вечером - между 16.00 и 19.00. А кинопленка показывает действие, разворачивающееся белым днем вне храма. На не раз публиковавшемся в разного рода антирелигиозных пасквилях кадре из фильма Новицкого за спиной толпящихся у гроба святителя ясно видны деревья. Этот «кинодокумент» — постановочная подделка. Как впрочем, и большая часть итогов вскрытия мощей святителя Тихона Задонского.

То, что плоть покойного епископа к моменту вскрытия раки с мощами уже пережила в известной степени естественный процесс распада, первые признаки коего отмечены еще протоколом 1861 года — факт не подлежащий сомнению. Но то, что в раке находился именно тот хлам, который был выставлен поутру на всеобщее обозрение — это может быть и должно быть опровергнуто. Вскрытие вовсе не случайно было затеяно под покровом тьмы и под эгидой ЧК. Коммунисты побаивались того, что мощи действительно окажутся нетленными. К их радости, этого не слу-

чилось. Оставалось лишь, как говорится, добавить перцу. И тогда, для фильма и публичного обозрения, действительно открывшееся заменили откровенными фальсификатами из ваты и картона. Для пушшего эффекта.

Фальсификацией занимались два дня. И все это время, по свидетельству одного из участников событий — бывшего красноармейца С. М. Семенова, Задонский Богородицкий монастырь был оцеплен войсками. Большевики серьезно опасались гнева народного. «Мой отряд», — вспоминает Степан Макарович, — «получил приказ срочно выехать в монастырь Тихона Задонского, окружить, никого не подпускать, пока из Воронежа не придет комиссия. Через 2 дня она приехала... Состояла из врачей и работников ЧК. После чего мощи были вынесены на пригорок возле монастыря и вскрыты в присутствии всех».

Видимо во время этого повторного, уже отрететированного «вскрытия», и проходили съемки «документального» фильма.

И вот работа над «документальным» фильмом завершилась, а на страницах Задонской «Советской газеты» 31 января впервые опубликован был «протокол вскрытия».

Примечательно, что публиковался не официальный протокол, а текст, вольно расцвеченный журналистскими ремарками типа: «О, ужас!». Но и из этого сочинения видно, что взору комиссии 28 января 1919 года открылась вовсе не грубо сделанная кукла, как это было заявлено официально. Вот строки пресловутого «Протокола» о вскрытии: **«Взору присутствующих представилось следующее: Тихон лежал в подряснике, перепоясанный старым кожаным монашеским поясом. По заявлению монахов, в таком виде и в таких одеждах Тихон и был найден при открытии в 1861 году. По снятии пояса и подрясника присутствующие увидели одежду из ветхого материала».** Автор протокола, бывший очевидцем происшедшего, помимо воли говорит о мощах вовсе не как о грубой подделке, каковой ее пытается представить «Протокол», лишь далее приводя детали, которые должны были повергнуть в ужас верующих и отвратить их от Церкви.

Окончательно обнаружилось, что составители «Протокола» изрядно приврали, много позднее. Зато с беспощадной явностью

тью. Известно, что в 1959 году мощи святителя Тихона были повторно освидетельствованы в Орле компетентной комиссией из служителей Церкви и врачей. Результаты проведенной экспертизы, о которой мы расскажем далее, опровергли сочиненное Зиновием Шипулиным и его подручными полувеком ранее.

Но и в те горькие для сотен и тысяч верующих дни было явлено утешение скорбящим и знак свыше тем, кто усомнился. К счастью, в этом случае можно опереться на однозначно достоверную версию произошедшего. А главное, — изложенную человеком, который немалую часть своей жизни посвятил как раз борьбе с «культом» Тихона Задонского. Вот цитата из собственноручно написанных воспоминаний С. Г. Заворыкина — не только коммуниста и атеиста, но и коренного задонца, бывшего свидетелем того, что произошло на монастырском дворе зимой 1919 года: **«На второй или третий день после вскрытия «мощей» Тихона по желанию и просьбе граждан, собравшихся у здания монастыря, было произведено вскрытие пяти цинковых гробниц в склепе под трапезной церковью... При вскрытии первых четырех гробниц в них были обнаружены почерневшие человеческие кости, покрытые исплевшей одеждой. При вскрытии пятой гробницы обнаружен прах женщины Евфимии с сохранившейся высохшей тканью и кожей темно-коричневого цвета, похожей на пергамент».**

Открывшееся повергло вскрывавших в шок. Да и не удивительно. Целых два дня торжествовали безбожники, разоблачая всю «миф о нетлении мощей святых», тыча прихожан носом в кучу сомнительного хлама, якобы извлеченного из раки святителя Тихона, и вдруг получили в ответ такое — наглядное, при сотнях свидетелей толпившихся на монастырском дворе, подтверждение того, что Господь благоволит сохраняться в нетлении плоти угодивших Ему. Это был идеологический скандал, который тут же попытались замять. Не случайно осквернение на том и остановилось. Таким конфузом, в котором нельзя не увидеть Промысел Божий, закончилась на самом деле история о «разоблачении» мощей святителя Тихона.

О том, как повседневно складывалась жизнь обители после этих страшных дней конца января 1919-го, в деталях неизвест-

но, но открытые за последнее время архивные документы позволяют однозначно опровергнуть то, что писал Н. Задонский, и что ранее принималось за действительность.

В очерке «Снова по дороге» из цикла «Донские вечера» писатель утверждает, что события после осквернения мощей св. Тихона развивались на радость воинствующим атеистам. «Вековая легенда о “нетленных мощах” кончилась. Монахи отсиживались в кельях, боясь показаться на глаза разгневанному народу, а вскоре разбрелись кто куда. Подаяния прекратились. Монастырь запустел».

На самом деле история со вскрытием мощей св. Тихона, особенно после явления нетленных мощей матушки Евфимии Григорьевны Поповой, быстро стухевалась в народном сознании. Большинство верующих, по рассказам старожилов, восприняло всю с историей с разоблачительным вскрытием как провокацию большевиков и не свернуло с натопанной дороги к Храму. Мощи, после того как атеистическая кампания была спешно завершена, вернулись в ту же серебряную раку, откуда были исторгнуты кощунственной рукой. Богослужebная жизнь обители продолжилась должным чередом. Вот только все меньше и меньше зданий оставалось в распоряжении монахов Задонского Богородицкого монастыря.

Согласно «Описи Задонского Богородицкого монастыря», составленной 4 ноября 1920 года квартирным подотделом коммунального отдела Задонского уисполкома, в обители проживали **«60 престарелых монахов, требующих ухода за ними»**. В распоряжении братии оставались два двухэтажных корпуса. Как сообщает «Опись», **«при этих корпусах имеется свечной завод, водопровод, баня и небольшой садик»**. Одним из корпусов было правое крыло здания трапезной, где и размещались упомянутые службы, а вторым — изрядно перестроенное за советское время здание, примыкающее с юга к церкви во имя св. Тихона. Сохранялись за монашествующими храмы обители.

Правда, национализированные постройки братия вынуждена была арендовать — за 23 кельи платили по 600 руб. за каждую (в ценах, действовавших на январь 1921 года).

А остальные здания были распределены между различными учреждениями и организациями. В монастырской гостинице квартировал уездный совет народного хозяйства. В его же ведение были переданы расположенные рядом 3 конюшни, 2 сарая, амбар, каретный сарай и кузница. В бывшем архиерейском корпусе уездная власть разместила отдел здравоохранения и дом материнства и детства. Военный лазарет занимал расположенный за алтарем Владимирского собора архимандритский корпус. Стоящее между архимандритским и архиерейским корпусами двухэтажное здание было отдано отделу народного образования. Учебные классы просторного духовного училища стали камерами фильтрационного лагеря для содержания дезертировавших из Красной Армии — таковых в то время по селам и деревням отлавливали во множестве. В угловой башне, прилегавшей к зданию училища, устроен был карцер для «злостных дезертиров». Южная угловая башня пустовала.

Насколько можно судить по доступным на сегодня документам, «великое переселение» состоялось в самом начале 1920 года. Причем, монахов не только выселили из занимаемых помещений, но и ограбили, конфисковав имущество. Например, все содержимое настоятельской кельи, решением уисполкома от 16 февраля 1920 г. передано было Клубу красноармейцев, после недолгой переписки коммунального отдела и военного лазарета, требовавшего срочно освободить от вещей настоятеля занятые ими 2 комнаты.

При этом ни известные на сегодня документы, ни воспоминания старожилов не сохранили свидетельств о каких-либо силовых эксцессах по отношению к Задонскому монашеству в первые послереволюционные годы, обогрившие кровью священнослужителей изрядную часть государства Российского. Объясняется это тем, что, как подчеркивает историк Церкви этого периода, протоиерей Владислав Цыпин, «особенно тяжело приходилось тем архиереям и пастырям, которые остались на территории, переходившей после поражения белых войск под контроль Советов. Одна только лояльность духовенства белым властям рассматривалась красными как контрреволюционное преступление; пение

молебнов о победе белого оружия служило основанием для вынесения смертных приговоров или зверских расправ».

Задонск же гражданская война обошла стороной. Лишь на пару дней в сентябре 1919 года город был занят отступавшими к Воронежу казаками генерала Мамонтова, которые повели себя достаточно мирно. Так что поводов для классовой мести у вернувшихся в Задонск представителей Советов не возникло.

Более того, в официальных документах первых послереволюционных лет просматривается тенденция уберечь монахов от окончательного разгона. Упор делается на то, что все это престарелые инвалиды, фактически отошедшие от дел Церкви.

А ведь подобные формулировки явно не соответствовали действительности. Тем не менее, отдельные задонские чиновники от Советов, многие из которых родились и выросли у стен монастыря, на словах отрекаясь «от старого мира», на деле хранили в сердце своем память о нем, обращаясь в тайной молитве к Богу и стараясь смягчить участь Его гонимых служителей. Не случайно Задонская «Советская газета» выступила с гневной филиппикой «Иконостасы в горсовете», где говорилось: «В здании городского Совета рабочих депутатов во всех комнатах прекраснейшие иконостасы... Там, вероятно, более молятся, чем работают»...

В том числе и такое негласное сочувствие еще не до конца обольшевчившихся совслужащих позволяло Задонскому Богородицкому монастырю, формально уже по всем советским документам «бывшему», существовать фактически.

Так, в конце 1920 года сюда был назначен новый настоятель. Им стал архимандрит Митрофан (в миру — Василий Гринев, 1873 года рождения), управлявший братией до лета 1921 года, когда, 27 июня, состоялась его хиротония во епископа Аксайского. Владыка Митрофан был расстрелян в 1838 году.

Происходили и другие назначения в «несуществующем» монастыре. Например, 14 декабря 1921 года иеромонах Задонского Богородицкого монастыря Нафанаил (Николай Панин) утвержден был в должности благочинного. 22 апреля 1922 года он же удостоился награждения золотым наперсным крестом. И это была не единственная награда в длинном послужном списке

иеромонаха Нафанаила — музыканта-самородка, редко расстававшегося в свободные часы с дорогой ему старинной скрипкой, с помощью которой он разучивал новые песнопения с монастырским хором.

А 22 января 1922 года учреждается Задонская епископская кафедра. Епископом Задонским становится Иоанн (Болховитинов). Произошло это в рамках принятого Святейшим Патриархом Тихоном (Беллавиным) в ноябре 1920 года постановления о самоуправлении (автокефализации) епархий в случае отсутствия канонического центра или невозможности связаться с ним. Но, вполне возможно, что на местах это постановление толковалось шире. Тем более, что очередной правящий Воронежский архиерей — архиепископ Тихон (Василевский) — проявил склонность к обновленческому расколу.

В исторической литературе принято, что Задонское епископство было викарным. Но в документах 1922 года **Успенский городской собор Задонска именуется кафедральным**, что может служить свидетельством в пользу самостоятельности Задонской епархии.

Епископу Задонскому Иоанну пришлось понести труды по поиску компромисса с властями в один из тяжелейших периодов истории Церкви, когда совершалась конфискация драгоценных металлов и камней из храмов России.

Для повального ограбления церковей был найден благовидный предлог — с 1921 года Поволжье вымирает от голода, а у страны, якобы, нет лишнего хлеба, чтобы накормить страждущих. Значит, любой ценой надо собрать деньги для закупки продовольствия за границей. Эта, официально озвученная, версия причин случившегося далее была признана единственно верной и прижилась в сознании последующих поколений.

Лишь в 90-е годы двадцатого столетия широкую огласку получили документы, из которых стало ясно — затеявая эту кампанию, В. И. Ленин в первоочередных задачах числил совсем иное — обобрать Церковь, сделать ее нищей и послушной, а за счет полученных средств укрепить разрушенную гражданской войной экономику. Голодающие же, цинично использованные как при-

крытие, в этом распорядке целей и задач оказывались на последнем месте.

Действовала «Комиссия по оказанию помощи голодающим Поволжья» и в Задонском уезде.

В Липецком облгосархиве сохранилось достаточное количество документов, чтобы весьма полно представить себе ход событий, приведших к тому, что храмы Задонска и, в первую очередь, — Богородицкого монастыря — лишились всего, что могло быть названо драгоценным не только по соображениям веры, а и по оценке приемщиков ювелирного сырья.

Хотя представителям Церкви до последнего не верилось, что рука сборщиков драгметаллов поднимется на то, чтобы обнажить открытые дорогими ризами святыни.

Протокол № 10 заседания уездной комиссии по оказанию помощи голодающим Поволжья, на котором, в присутствии епископа Задонского Иоанна был, поставлен вопрос о необходимости изъятия ценностей из церквей уезда, это подтверждает.

Сначала тов. Казмин, член комиссии, сделал сообщение, где «обрисовал картину голода». Далее докладчик «рекомендует с целью... оказания помощи голодающим об отчислении из церквей и монастырей части ценного имущества для расплаты за хлеб, предлагаемый Америкой».

Епископ Иоанн «высказывая солидарность с мнением, также рекомендует предложенный им способ разрешения этого вопроса в общем собрании верующих, при чем с своей стороны окажет воздействие на духовенство и верующих к оказанию просимой для голодающих помощи».

«Высказывая солидарность», епископ Иоанн, естественно, имел в виду, что именно Православная Церковь летом 1921 года первой пришла на помощь голодающим.

Тогда, по благословению и при активном участии Патриарха Тихона, был образован Помгол — «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим», который Предстоятель Русской Церкви и возглавил, став его председателем. Позднее, 19 февраля 1921 года, Патриарх Тихон издал воззвание, которым решил церковноприходским советам жертвовать в пользу голо-

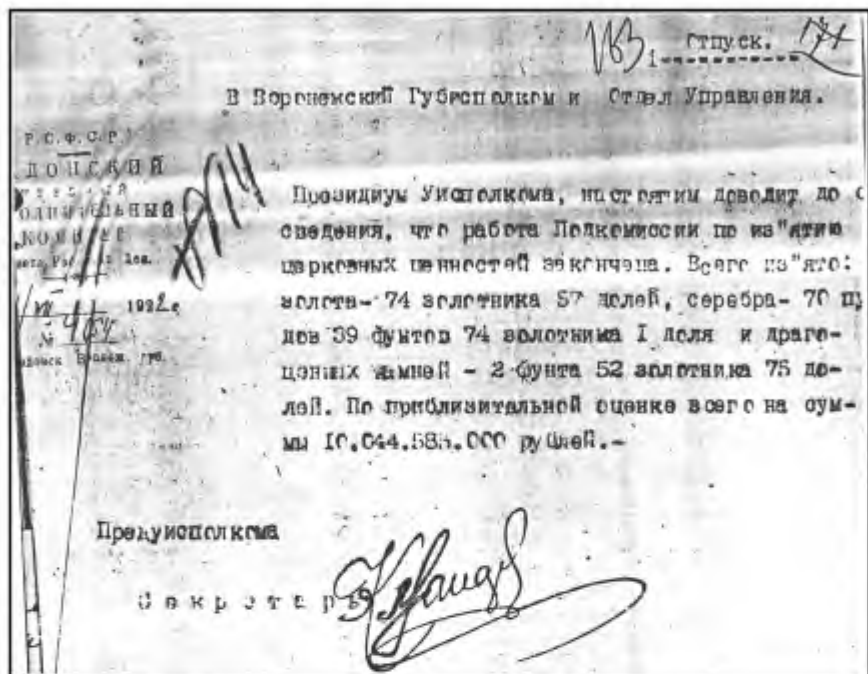
дающих драгоценные храмовые украшения не имеющие богослужебного употребления.

Оглашенный на упомянутом заседании Задонской комиссии декрет ВЦИК от 23 февраля 1921 года внешне, вроде бы, говорил о том же самом: «**изъять... все драгоценные предметы... изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа**». Но вскоре стало ясно, что туманная формулировка декрета представителями соввласти, которым тайно велено было на самом деле грести все подчистую, и духовенством, пытавшимся сослаться на богослужебные и исторические традиции, толковалась совсем по-разному.

Протоколом №1 от 17 марта 1922 года зафиксировано решение «Подкомиссии по изъятию церковных ценностей от групп верующих» о приглашении 3 представителей от церковного совета и 1 представителя духовенства «для окончательного определения предметов подлежащих изъятию».

От задонского духовенства делегирован был священник кафедрального Успенского собора г. Задонска Гермоген Лебедев, а община верующих уполномочила даже не трех, а пятерых своих представителей для работы с подкомиссией. Именно им и предстояло первым с ужасом убедиться в том, что конфисковать собираются вовсе не лишние кадила и подсвечники, а серебряное убранство святынь — двух рак св. Тихона — в летнем и зимнем соборах, и оклад чудотворной Владимирской иконы Божией Матери.

Уполномоченные, во главе с о. Гермогеном, горячо запротестовали. Вот что гласят бесстрастные строки пожелтевшего протокола: «**Представитель духовенства заявил, что эта икона (Владимирская) считается чудотворной, чтимой всем уездом, икона является основой монастыря и не может быть изъята. Того же мнения держится и коллектив верующих**». И далее: «**2 раки и сень св. Тихона (в теплом храме и в холодном) по мнению духовенства не подлежат изъятию, как религиозная святыня не только для местного населения, но и всей православной России. Председатель комиссии предложил представителю духовенства вопрос, не представит ли изъятие раки затруднений при отправлении богослужебных обрядов и не противоречит ли каноническим правилам. Представитель духовенства отве-**

**Службная записка об итогах изъятия ценностей
из церквей Задонского уезда**

тил, что рака св. Тихона дорога верующим по религиозным основаниям и изъятию не подлежит. Большинство коллектива верующих присоединилось к мнению представителя духовенства, добавив, что коллектив верующих получил директивы от общества верующих не соглашаться на изъятие раки св. Тихона».

Наивные «представители»! Уже через несколько дней они с горечью поняли, что хоть им и разрешено выражать свое согласие и несогласие, но прислушиваться к их мнению никто не собирается.

Пустыми остались и хлопоты отца Гермогена Лебедева, составившего собственноручную записку, сохраненную в архиве. Устав оперировать чуждыми для советских функционеров понятиями канонического права, он обращается к их революционному сознанию, обращая внимание на то, что святитель Тихон всегда

сопереживал угнетаемому крестьянству, проливая слезы о его страданиях, а потому рака, хранящая мощи святого — своего рода памятник освобождению российского крестьянства от крепостного ига, состоявшемуся в 1861 году и совпавшему с прославлением Задонского Чудотворца...

Шли конфискации и в других церквях Задонска и уезда. В итоге некоторые сельские священники оказались лишены возможности совершать богослужения из-за того, что у них не осталось необходимых для священнодействия предметов. Сохранились прошения из приходов на имя епископа Задонского Иоанна, переданные им в «подкомиссию по изъятию», с просьбой вернуть хотя бы самое необходимое для отправления обрядов. Естественно, просьбы оставались без последствий. Не затем изымали, чтобы возвращать обратно...

По ходу изъятия в кельях и хозяйственных корпусах, оставленных монахам Богородицкой обители, были проведены обыски и найдено несколько мест, где братия пыталась укрыть наградные кресты, пожертвования монастырю и привески к иконам исцелившихся и почитателей.

Материальные отголоски случившегося дошли до наших дней в виде кладов: серебряных окладов Евангелий и позолоченной богослужебной посуды, найденных на крыше Владимирского собора*, а также двух напрестольных крестов, что скрыты были на чердаке снесенного ныне деревянного дома по улице Карла Маркса, справа от западных ворот обители.

К 10 апреля из церквей Задонского уезда было изъято около 60 пудов ценностей. В связи с этим Задонский уисполком затребовал из Воронежа «автомобиль с караулом третьего разряда» для

---

* В ходе работ по восстановлению куполов Владимирского собора под его кровлей были найдены спрятанные там 16 серебряных предметов богослужебной церковной утвари. Все предметы по клеймам датировались в основном второй четвертью XIX в. Особо интересен был большой потир с диском, звездницей, лжицей, копием, оклады евангелий с изображением на эмалевых дробницах Евангелистов. Один из окладов изготовлен в был 1836 г., второй - в 1862 г.

Находки были выставлены в витринах Задонского краеведческого музея, а затем переданы в Липецкий областной краеведческий музей, где экспонировались в принадлежавшей музею Древне-Успенской церкви, после чего были переданы Воронежской и Липецкой епархии.

перевозки конфискованного. А 24 апреля 1922 года Воронежским губфинотделом было принято от командированного особуполномоченного подкомиссии по изъятию церковных ценностей Задонского уезда Апарина «всего 27 мест с церковными ценностями, упакованными в мешки и деревянные ящики». 29 апреля из Задонска поступили еще «4 места» весом 1 пуд 27 фунтов 47 золотников.

Тем временем работа по изъятию оставшихся ценностей продолжалась еще два месяца. Лишь 30 июня 1922 года на заседании президиума Задонского уисполкома член подкомиссии «по изъятию» Белозеров доложил, что работу можно считать законченной. Соответствующее официальное сообщение было направлено в губернию. Всего было изъято: золота — 74 золотника 57 долей (около 318 г.), серебра — 70 пудов 39 фунтов 74 золотника 1 доля (около 1136 кг.) и драгоценных камней — 2 фунта 52 золотника 75 долей (1 кг. 23 г.). Причем, все драгоценные камни, все золото и почти 57 пудов серебра были конфискованы в церквях Задонского Богородицкого монастыря.

По деньгам того времени* сумма награбленного составила 10 миллиардов 44 миллиона 585 тысяч рублей.

---

* Только в 1923 г. были выпущены совзнаки, рубль которых равнялся 1 млн. рублей, действовавших до ноября 1922 года. Для примера — средняя ежемесячная рабочая зарплата по стране составляла в 1923/24 г. 36,15 рублей, или 36 миллионов 15 тысяч рублей в пересчете на деньги, действовавшие на момент конфискации церковных ценностей.

Глава X. РАЗГРОМ

практически одновременно с ограблением, Задонскому Богородицкому монастырю был нанесен еще один тяжелейший удар — из канонического подчинения Святейшему Патриарху Тихону самоудалилась Задонская епархия в лице епископа Иоанна, поддержавшего так называемое Высшее Церковное управление, учрежденное в мае 1922 года группой священнослужителей из объединения «Живая церковь» («обновленцами»). Когда епископ Иоанн решил летом 1922 года примкнуть к «обновленцам», монахи Задонского Богородицкого монастыря, оставшиеся верными Патриарху Тихону, оказались лишены своих главных святынь. Богородицких черноризцев отлучили от храмов обители, на территории которой они продолжали проживать.

Власти передали в аренду обновленцам все храмы монастыря: «летний собор пл. 216 2/3 кв. саж., теплый собор - 193 кв. саж., келейная церковь — 30 1/3 кв. саж., могильная церковь 21 2/3 кв. саж., нижняя колодезная церковь 34 7/9 кв. саж.»...

Более того, открывшийся 2 мая 1923 года обновленческий собор, помимо прочих, принял определение о монастырях. В «определении» объявлялось о решении закрыть все городские монастыри и одновременно «благословить союзы и братства христианско-трудовых общин в существующих монастырях вдали от городов».

Задонский Богородицкий монастырь, как городской, подлежал окончательному расформированию. И поэтому, сохраняя свое уставное устройство внутренне, внешне он стал своего рода артелью кустарей. Архивы сохранили составленный бывшим благочинным Задонского Богородицкого монастыря иеромонахом Пионием (Ермоленко) список монашествующих, остававшихся в обители на 1 августа 1923 года.

Из 38 человек, указанных в списке, 9 числятся чернорабочими, 7 (включая настоятеля) названы работниками свечного за-

вода, один — сапожник, один — ложкорез, один — специалист по ремонту прялок. Указан среди прочих и фельдшер.

Про остальных же, упомянутых в списке о. Пиония, в том числе и про самого автора реестра, сказано так: *«питаются приношением добрых граждан города Задонска»*.

«Список о. Пиония» составлен таким образом, чтобы показать: никакого монастыря не существует, а есть лишь рабочая артель из бывшего духовенства обители, трудящаяся на свечном заводе и призревающая тех, кто не в силах добыть себе пропитание сам. На деле же иноческая община блюла прежний устав. Возглавлял братию архимандрит Никандр, возведенный в этот сан в 1923 году. В его ведении, как явствует из документов, находились все вопросы организационного характера.

Архимандрит, в миру Никита Алексеевич Стуров, происходил из крестьян села Малинино (Малинки), расположенного близ Хлевногo. По списку о. Пиония в 1923-ем исполнился ему 51 год (другие источники называют 1864 /65 год рождения).

Духовно же окормлял братию пользовавшийся всеобщим уважением 80-летний архимандрит Тимолай, — бывший афонский монах, пребывавший в Богородицком монастыре на покое. Пока позволяли силы, старец работал над созданием обобщающего труда, стремясь оставить для потомков память о страшных годах гонений, пережитых и переживавшихся Церковью. «Архимандрит Тимолай жаловался и скорбел, что приближающаяся смерть не дает закончить труды. Основное их содержание сводилось к критике декрета об отделении Церкви от государства и там же приводились случаи гонения со стороны властей на Церковь», — вспоминал позднее иеромонах Нифонт (Бахтияров).

Основной доход община монашествующих до 1925 года получала от свечного завода, продукция которого расходилась по церквям города и уезда. Заведовал работой заводика иеромонах Ювеналий (Иосиф Булгаков), в 1937 году осужденный и расстрелянный за верность Церкви Православной*.

---

* Мученическая кончина о. Ювеналия — единственная документально подтвержденная в судьбах иноков Богородицкой обители. В 1937 году он был священником храма во имя Владимирской иконы Божией Матери в Ельце.

В течение некоторого времени (в 1924 — начале 1925 года) свечное производство, по распоряжению архимандрита Никандра, было зарегистрировано из тактических соображений на задонского торговца А. А. Бакулина, который, по воспоминаниям иеромонаха Иоанникия, «получал за марку 10 рублей в месяц». А когда наметились перемены к лучшему, завод был вновь зарегистрирован на «коллектив», представлявший монашескую общину Задонского Богородицкого монастыря. Выручка от завода поступала в общую монастырскую казну, куда также вносились деньги, заработанные отдельными монахами. Ведал казной архимандрит Никандр.

А вот своей церкви в течение нескольких лет Богородицкие монахи не имели. Хотя и сказано в ответе на запрос из губернии от 28 сентября 1922 года, подписанном начальником Задонской уездной милиции, что «все храмы монастыря и города переданы общине верующих по договору с уисполкомом», но возглавлялась эта община, как мы уже отмечали выше, епископом из «обновленцев».

«Обновленческая» епископская кафедра, завладевшая поначалу большинством приходов в уезде, просуществовала в Задонске до конца 1920-х годов. Епископа Иоанна в мае 1923 года сменил Алексей (Щербаков). Ему последовали Филипп Власов, Иоанникий (Чекановский) и Андрей Смирнов. Они и совершали богослужения в бывших монастырских храмах, объявив себя заодно хранителями мощей святителя Тихона.

Лишь в Троицкой церкви Скорбященского женского монастыря, также сохранившего верность Патриарху, могли совершать богослужения иеромонахи старейшей обители города. За этим храмом с 1923 года закреплён был иеродиакон Задонского Богородицкого монастыря Иларион (Фролов Илья Дмитриевич, 1869 года рождения).

Впрочем, хоть и были мощи святителя Тихона в руках Задонского церковного управления, представлявшего интересы «обновленцев», народ приходил в день памяти во Владимирский собор лишь затем, чтобы приложиться к святыне, да поучаствовать в выносе раки с мощами святителя. Как сказано в заявле-

нии председателя Задонского Тихоновского религиозного общества Т. Артемова от 26 октября 1925 года: *«Прошу обратить внимание на численный состав нашего общества и законность его существования и наоборот — на совершенное отсутствие какого бы то ни было общества при Задонском церковном управлении, без которого храм, как таковой, по закону Соввласти, открыт быть не может, а следовательно, незаконность пользования храмом церковным управлением, кроме того — совершенная непосещаемость обновленческих служб, и следовательно — отсутствие дохода, сильно отражается на материальной стороне зданий».*

И как раз с осени 1925 года ситуация, вроде бы, стала меняться к лучшему. Связано это было как с явным крахом идей «обновленчества», так и с тем, что 24 декабря 1925 года архиепископом Воронежским и Задонским стал Петр (Зверев), канонизированный ныне как священикомученик. При этом архипастыре, который «был совершенен в ревности и любви к Богу, в жалости и в любви к людям», по воспоминаниям монахини Серафимы (Булгаковой), «началось почти поголовное возвращение духовенства из обновленчества».

Вот и в Задонской округе стали постепенно вытеснять «обновленцев» с приходов. Игумен Нафанаил уже с 1925 года исполнял обязанности приходского священника в храме села Верхнее Казачье.

— Причиной посылки на приходы меня и других иеромонахов послужило то обстоятельство, что приходы не принимали красных обновленческих священников, — вспоминал он впоследствии.

Известно, что иеромонах Прокопий (Бондарев) совершал службы в церкви села Уткино, иеромонах Митрофаний (Вахтин) окормлял прихожан церкви села Донское.

О ситуации с храмами города на конец осени 1925 года сообщают «обновленческий» рапорт «начальнику Задонской волостной милиции села Ксизова протоиерея Николая Долгополова» и рапорт начальника Задонской милиции в Воронежский ГубИК. Согласно этим документам за «обновленцами» в Задонске остаются только 3 храма Богородицкого монастыря и кладбищен-

кая церковь. Успенский городской собор, Троицкий храм «Скорбященского» женского монастыря и бывшая больничная церковь контролируются «тихоновцами». Остальные храмы закрыты.

Официально Задонской монашеской общине была передана бывшая больничная церковь во имя св. Тихона Амафунтского, располагавшаяся в городском саду Задонска и еще до революции ставшая «Никольской». Храм, видимо, как принадлежавший ранее «обновленцам», 12 января 1925 года был заново освящен.

Исполнять обязанности приходского священника Никольской церкви митрополит Воронежский Владимир (Шимкович) назначил иеромонаха Пиония (Пантелеймона Николаевича Ермоленко, 1876 года рождения). Сослужал ему иеродиакон Виктор (Василий Григорьевич Дубинин, также 1876 года рождения), отличавшийся могучим телосложением и завидным басом. Обязанности псаломщика взял на себя иеромонах Нифонт.

В 1926 году архиепископом Воронежским Петром (Зверевым), по представлению архимандрита Никандра, рукоположен был в иеромонахи иеродиакон Иоанникий (Иван Митрофанович Стукалов, 1883 года рождения). Предположительно, с этого момента о. Иоанникий становится вторым по значению во внутренней иерархии Богородицкого монастыря. В частности, об этом недвусмысленно говорят такие слова иеромонаха Мануила: *«В нашем монастыре существовал обычай, что по смерти кого-либо ведали всеми секретами и вещами старшие чины. Таковыми, за смертью находившегося у нас на покое архимандрита Тимолая, были архимандрит Никандр и Иоанникий».*

Кончина архимандрита Тимолая последовала в 1927 году. Похороны его собрали как братию, так и мирян, почитавших его за человека Божьего. Оставшиеся по смерти архимандрита Тимолая рукописи были надежно скрыты от посторонних глаз архимандритом Никандром. Позднее они так и не были найдены.

Впрочем, и по смерти отца Тимолая не остались задонцы без должного духовного окормления. Некоторое время проживал здесь некий епископ Сергей, «почитавшийся верующими за святого», по воспоминаниям очевидцев, сохранившем память о нем на десятилетия.

Службы, которые он с нарочитой монастырской неспешностью совершал в Троицкой церкви Троице-Тихоновского («Скорбященского») женского монастыря собирали столько прихожан, что порой храм не мог вместить всех желающих. И все выстаивали долгие службы безропотно, — столь искренне совершалось служение этим ярким, сильным Духом Святым пастырем стада Христова.

Было непросто установить, что за епископ Сергей находился в Задонске около 1928 года. Ранее, по имевшимся косвенным данным, высказывалось предположение, что это был епископ Сергей (Зверев), в 1926 г. приговоренный к двум годам ссылки, а с 1929 года возглавивший Елецкую кафедру в сане архиепископа. Но, благодаря обращению к электронной базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, удалось установить, что речь идет о епископе Сергии (Никольском).

Этот видный деятель Церкви был хиротонисан во епископа Ефремовского, викария Тульской епархии Патриархом Тихоном (Беллавиным) 23 марта 1925 г. — незадолго до кончины святителя. Святейший очень ценил епископа Сергия, и посылая его на служение в Ефремов, сказал: «Я надеюсь на тебя».

Через некоторое время после начала служения епископ Сергей был вызван в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму, откуда вскоре освобожден. Власти запретили ему возвращаться в Ефремов, где он снискал любовь верующих, и владыка Сергей избрал местом своего пребывания Задонский Свято-Троицкий Тихоновский монастырь. Примечательна такая деталь, сохранившаяся в памяти его духовных чад: «Собор в Задонске принадлежал обновленцам. Проходя мимо него, епископ совершал по-

Сергий (Никольский)
епископ Бузулукский

клон на собор, но туда не входил». В 1927 г. владыка был назначен епископом Бузулукским, викарием Самарской епархии. Принял мученическую кончину, будучи расстрелян в Оренбурге, на горе Маяк в Великий Четверг 1930 г. вместе с группой священнослужителей.

А для Задонского Богородицкого монастыря последним годом существования стал 1929-й . Наступала новая пора суровых гонений на Русскую Православную Церковь.

В феврале 1929-го «все избирательные участки» города Задонска потребовали окончательного закрытия мужского монастыря. Автор большевистской окружной газеты «Красное знамя» Н. Дмитриев, побывав в Задонске в марте 1929 года, оставил такое описание Богородицкой обители тех дней: *«Вокруг собора и зимней церкви, как дети, отделившиеся от сурового отца, расположились монастырские строения, занимаемые сейчас учреждениями города... Немного поодаль — корпус, занимаемый монахами, и часовня. Стекла в окнах часовни выбиты, дверь соскочила с петель... Корпус, занимаемый монахами, тоже постепенно приходит в ветхое состояние. На вопрос “почему здание не ремонтируется”, следует весьма резонный ответ:*

— Тут хоть бы в этом как-нибудь просуществовать, а то ремонтировать... Скажут тоже».

И действительно, даже в «этом», изрядно обветшавшем корпусе последних Богородицких монахов не оставили.

8 апреля 1929 года грянуло постановление ВЦИК «О религиозных объединениях», инспирированное более ранним директивным письмом секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича, где резко осуждалась недостаточная ретивость в процессе изживания религиозности, а собственно духовенство прямо объявлялось политическим противником коммунистов.

По весне 1929-го монахи Богородицкого монастыря получили приказание освободить еще занимаемые жилые помещения в двухэтажном здании близ свечного завода. Протестовать было бессмысленно. И черноризцы, добавив личные сбережения к имевшейся наличности, вырученной от работы свечного завода, собрали 3250 рублей. На них приобрели у Задонского горсовета

дом на бывшей Дворянской улице (ныне Карла Маркса). Этот дом, куда черноризцы переселились «весной, ближе к лету», стал последним приютом монашеской общины Задонской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери.

Конечно, случившееся для насельников разоренного монастыря было скорбью, и скорбью немалой. Но оставалась за ними Никольская церковь, да и свечной завод работал по-прежнему, позволяя успешно решать проблемы, требовавшие финансовых затрат. В частности, — оказывать помощь тем, кто, по произволу властей, оказался в куда более стесненных обстоятельствах. Так в июне 1929 года, получив письмо от сосланного на Соловки епископа Воронежского Алексия (Буя), весьма благоволившего в годы управления архиерейской кафедрой к монашеским обителям Задонска, архимандрит Никандр активно взялся за сбор средств для оказания помощи бедствовавшему в концлагере архиерею и его товарищам по несчастью.

— Нельзя без слез взирать на страдания невинных братьев, — такими словами напутствовал архимандрит Никандр тех, кто, по его благословению, принял участие в этой акции милосердия.

И тут следует сказать, что не только в упомянутом выше случае последний настоятель Задонского Богородицкого монастыря не мог сдерживать слез, и не мог смолчать, глядя на творящееся попрание Церкви и народа православного. Он не раз открыто заявлял о своем неприятии сложившегося порядка.

Когда местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) заявил 29 июля 1927 года в «Послании пастырям и пастве», что «Мы хотим быть православными и в то же время осознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», архимандрит Никандр прокомментировал «Послание» следующими словами: *«Митрополит Сергей подыгрывается и пристраивается к Советской власти и таким образом совершенно сознательно вместе с коммунистами ведет Святую Церковь к разрухе».*

А весной 1929-го, в разговоре со священником из числа белого задонского духовенства Н. М. Кузьминым, о. Никандр в связи с

закрытием «Скорбященского» женского монастыря и изгнанием монахов Богородицкого высказался еще жестче: *«Советская власть окончательно выявила свое антихристово лицо. Она, несмотря на свою декларацию об отделении Церкви от государства, нахально вторгается в религию, насилует священников и без вины высылает их. Терпение иссякает».*

Более того, архимандрит Никандр не только словами, но и делом принял самое активное участие в «иосифлянском» движении, названном по имени первого его лидера - митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Выступление владыки Иосифа против примирительной позиции по отношению к

**Архимандрит
Никандр (Стуров)**

Советской власти, заявленной посланием/декларацией 1927 года от имени Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия, собрало тогда немало сторонников в Церкви.

В деле противостояния тем, кто соглашался с митрополитом Сергием, отец Никандр стал надежной опорой епископа Козловского Алексия (Буя), на которого было возложено управление Воронежской епархией. Епископ Алексий в послании к духовенству и мирянам Воронежской епархии от 9/22 января 1928 года заявил: *«Высокопреосвященнейшего Иосифа (Петровых) избираю своим Высшим духовным руководителем».* За ним последовал и о. Никандр.

Воспитанный во Христе, архимандрит видел лишь по-христиански смиренный вариант противостояния обступившему злу: *«Путь сопротивления лежит через разъяснение верующим сути*

революции как акта насилия». И старался в жизни следовать заявленному, часто и подолгу беседуя с паломниками, особенно из числа крестьян, о доле которых о. Никандр, прошедший детские годы в деревне, скорбел особенно сильно, видя что власть «грабит село налогами и хлебом».

Единственным утешением для гонимых монахов была искренняя уверенность в недолговечности Советской власти. Они и представить не могли, что это испытание для Церкви и ею пасомых — на несколько десятилетий. Например, в июле 1929 года, в беседе о военных столкновениях на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), архимандрит Никандр уверенно заявил, что: «Слава Богу, начинается война, которая приведет безбожную власть к гибели». А тут еще через несколько дней рухнуло на монастырском дворе огромное вековое дерево. Это знамение и настоятелем, и монахами Богородицкого монастыря однозначно было воспринято как скорое падение не приемлющей Церковь власти. На самом же деле, как показало дальнейшее, это знамение предвещало совсем иное — окончательную ликвидацию монашеской обители во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Существовать уже фактически разогнанному монастырю оставалось всего два месяца.

Именно столько времени отмерено было сотрудниками Елецкого окружного отдела ОГПУ, готовившими материал для возбуждения очередного уголовного дела с политической окраской. А главной зацепкой должна была стать и стала умелая провокация, как по нотам разыгранная 26 августа 1929 года, в день памяти святителя Тихона.

Еще до праздника среди верующих стали распространяться слухи о том, что власти в этом году примут самые жесткие меры к паломникам в день праздника памяти св. Тихона. Рассказывалось, что пришедших будут расстреливать с аэропланов или давить автомобилями. И повод поверить в такой оборот событий был. Во-первых, непримиримость местных представителей государства подтверждало закрытие Скорбященского монастыря и изгнание «на улицу» монахов Богородицкого. Во-вторых годом раньше над крестным ходом уже кружил аэроплан. Правда,

он всего лишь сбрасывал листовки антирелигиозного содержания, но и этого было достаточно, чтобы придать достоверность страшному слуху.

Чекисты весьма верно угадали массовое настроение верующих. Православный люд, вот уже который год с горькими слезами на глазах наблюдавший поругание святынь, почитание коих было впитано с молоком матери, не смог остаться равнодушным к новому вопиющему надругательству над верой и Церковью, готовившемуся, согласно слухам.

В итоге на бывшем монастырском дворе 26 августа 1929 года, в день памяти св. Тихона, собралось небывалое за предыдущие годы число верующих, несмотря на то, что, по-прежнему, праздничная служба совершалась обновленческим духовенством. Только по официальным ГПУ-шным подсчетам, в этот день Задонск принял около десяти тысяч паломников.

То самое упавшее дерево, объявленное знаменем, было буквально по щепочкам растащено богомольцами. И, наконец, наступило время крестного хода...

Вот как вспоминала о событиях того дня мещанка из Задонска А. П. Артемова: «В момент, когда выносили угодника из собора, вдруг в полной тишине раздался крик: “Сейчас будут стрелять!” Моментально верующие с криками побежали от собора. Но сейчас же паника улеглась. Не прошло и минут десять, как опять раздался крик: “Едет автомобиль, сейчас будут давить!”. Вновь верующие бросились врассыпную. Началась давка. Я упала, сына Тихона прикрыла телом. Некоторые бежали прямо по мне. Когда все улеглось и все убедились, что никакого автомобиля нет, верующие вернулись к собору».

Обошлось без жертв, праздник закончился благочинно, но ГПУ уже получило повод повнимательней присмотреться к религиозной жизни Задонска — ведь здесь имели место массовые беспорядки.

Более того, бдительные чекисты, прибыв в Задонск, тут же на месте выявили «организованную при монастыре контрреволюционную группировку поставившую себе целью всемерное ослабление Советской власти и борьбу с Советской общественно-

стью». Такое подпадало под части 10 и 11 статьи 58 Уголовного Кодекса. А потому 28 сентября 1929 года было возбуждено и принято к производству соответствующее уголовное дело.

Руководство монашеской общины Богородицкой обители и люди, наиболее к нему близкие, были обвинены в организации контрреволюционной группировки.

Последнему настоятелю Задонского Богородицкого монастыря, архимандриту Никандру, в ходе следствия припомнили, поставив в вину, все, что хоть сколько-нибудь могло оправдать привлечение мирных черноризцев к уголовной ответственности по политической статье: и сокрытие от властей трудов покойного архимандрита Тимолая, и помощь томящемуся в концлагере епископу Алексию (Бую), и смещение с ряда приходов священников из числа «обновленцев», и историю с упавшим деревом. Но главной радостью для чекистов стало обнаружение при обысках двух копий рукописного текста под заголовком «Что должен знать православный?».

Это вполне невинное с неполитизированной точки зрения сочинение, было переписанной от руки брошюрой «Что должен знать православный христианин?», протоиерея Феодора Андреева и профессора М.А. Новоселова.

Рукопись, выдержанная в духе христианской догматики, была подвергнута тщательному текстологическому исследованию, судя по одной из копий, до сегодняшнего дня сохранённых в старом уголовном деле. Несколько листов амбарной книги, убористо исписанных простым карандашом, буквально исчерканы жирными синими линиями, отметившими места, показавшиеся наиболее крамольными. Вот некоторые из выделенных строчек:

— *Когда начальник бывает от Бога?*

а) Тогда, когда он законно поставлен и творит дело Божие, т. е. следует благу народа и содействует ему в служении истинному Богу...

б) Когда сам начальник признает Бога и поклоняется Ему...

— *Когда начальник бывает не от Бога?*

— *Тогда, когда он не хочет знать истинного Бога и когда незаконно захватывает сию власть...*

Вышеприведенные нехитрые истины, по принципу «на воре шапка горит», естественно, выглядели обличительными агитационными выпадами для представителей органов охраны той самой власти, что незаконно завладела правом управлять Россией в ноябре 1917-го и не только не признавала Бога, но и гнала следующих за Христом, лишь на словах содействуя благу народа, а на деле — уничтожая его.

Вторым по значению явилось утверждение, что именно руководство бывшего Задонского Богородицкого монастыря было инициатором панических разговоров вызвавших сумятицу и давку во время празднования дня памяти святителя Тихона. В обосновании этой позиции елецкие чекисты сумели найти себе помощников из числа рядовых монахов не очень довольных своим положением и белого духовенства, видимо, очень дорожившего не только местом, но и свободой. Показания, полностью подтверждающие чекистскую версию обвинения, дали задонский священник Н. М. Кузьмин, монахи Е. А. Оскин, Е. А. Рогатовский, П. Г. Пивнев, С. Д. Меренков. Все они получили статус свидетелей и благополучно пережили следствие. А вот для «участников контрреволюционной группировки» следствие закончилось судом.

Дело «по обвинению гр-на Стурова Никиты Алексеевича и др. по ст. 58/10 и 58/11 УК» за № 2859 было рассмотрено на заседании Коллегии ОГПУ 26 декабря 1929 года.

Коллегия определила «заключить в концлагерь сроком на 10 лет каждого с конфискацией имущества доведением до трудовой нормы» Стурова Никиту Алексеевича (архимандрита Никандра), Михайлова Ивана Ивановича (священника Успенского собора г. Задонска), Стукалова Ивана Митрофановича (иеромонаха Иоанникия), Ермоленко Пантелеймона Николаевича (иеромонаха Пиония), Панина Николая Николаевича (игумена Нафанаила), Юркова Ивана Петровича (ктитора Никольской «монашеской» церкви), Вишневого Юлия Юльевича (дворянина, инженера в отставке, друга священника И. И. Михайлова).

А Шапошникова Татьяна Михайловна (ключарница, состоявшая при архимандрите Никандре), Ковшева Прасковья Ива-

новна (регентша Задонского Троице-Тихоновского «Скорбященского» монастыря), Щепкин Михаил Иванович (монастырский фельдшер, иеромонах Мануил), Дубинин Василий Григорьевич (иеродьякон Виктор), Артемов Тихон Петрович (священник прихода в селе Калабино), Фролов Илья Дмитриевич (иеродьякон Илларион), Бондаренко Петр Федорович (иеромонах Прокопий), Бакулин Александр Алексеевич (председатель церковного совета «монашеской» Никольской церкви), Нагавкина Мария Семеновна (монахиня Елецкого Знаменского женского монастыря) и Бобровская Александра Филипповна (монахиня Елецкого Знаменского женского монастыря) были осуждены к пятилетнему заключению в концлагерь каждый с конфискацией имущества доведением до трудовой нормы.

По пять лет концлагеря с заменой на ссылку в «Северный край» и конфискацией имущества «доведением до трудовой нормы» получили Мишин Евгений Дмитриевич (священник Успенского собора в Задонске), Вахтин Михаил Ильич (иеромонах Митрофаний), Бабеньшева Зинаида Ивановна (монахиня Елецкого Знаменского женского монастыря).

Вот так, с осени 1929 года, прервалась история Задонского Богородицкого монастыря, начавшаяся около 1610 года.

Точка же в деле № 2859 была поставлена лишь 24 июня 1991 года, когда прокурор Липецкой области А. И. Комраков утвердил заключение о реабилитации невинно осужденных 26 декабря 1929 года.

Глава XI. В ГОДЫ ВЛАСТИ БЕЗБОЖНОЙ

ребий поселиться в бывших стенах монастырских выпал в итоге больнице, овощесушильному заводу, детскому дому, колбасному цеху. И каждый из «новоселов» что-то перестраивал, перелицовывал, подгоняя церкви и келейные корпуса под свои узкоспециальные нужды. Владимирский собор, названный газетчиками «Задонский монастырь», решено было закрыть окончательно, а помещение его передать «под культурное учреждение», о чем сообщила воронежская «Коммуна» 4 января 1930 г.

И уже вскоре после закрытия поруганная святыня не радовала ни взоров телесных своим архитектурным великолепием, ни духовных — особо почившей на обители благодатью, явленной пребыванием в стенах ее мошей святителя Тихона и иных, местночтимых, но славных на Руси праведников.

Вот что вспоминал о днях разорения опустевшего монастыря очевидец тех печальных событий А. Г. Дмитриев:

— Как монахов в 1929-м в ссылку отправили, так практически сразу и разорение окончательное в монастыре началось. Мощи св. Тихона отдали музеею местному, который устроили в том здании по улице Крупской, где культпросветучилище было. Туда же картину большую отдали, которая монастырь изображала. А деревянный гроб остался. Его в доме инвалидов, который под колокольней устроили, под тачку приспособили. Колеса приделали и картошку возили. А иконы пожгли. В Елец их возили и там жгли. Со всех церквей возили. Тому, кто жег, говорят, по 100 рублей в день платили. А те, что побольше, в школы отдали — из них парты наделали. Колокольню тогда же разрушили. Первым крест зацепили тросом и свалили, а потом шпиль лебедкой тянуть начали. Не сразу, но тоже повалили. Потом саму колокольню разломали. На северной угловой башне сначала парашютную вышку устроили, а потом тоже сломали. И ведь без пользы ломали, лишь бы сломать. Там ведь кладка слитая была,

Разоренная монастырская церковь во имя Рождества Богородицы

монолит, на извести. Так что и кирпича им не досталось. Так и пришлось все в мусор вывозить...

Нарушен был и вековой покой праведников, захороненных под сводами «Митрофановой пещеры». Их останки вывезли на городское кладбище Задонска и захоронили в общей могиле, прозванной с тех пор народом «Святою».

Сохранилась запись воспоминаний о печальном этом событии жительницы села Тюнино Анны Семеновны Числовой, 1920 года рождения: «Была я девчонкой еще, играли мы с ребятами неподалеку от кладбища. Смотрим, подвода подъехала. А на ней — двое мужиков и что-то такое, попонками покрытое. Домотканными такими попонками, их уж теперь не делают. Вот мужики слезли с подводы и начали могилу копать. Оказалось, покойников привезли. Мы поближе подошли, интересно было ребяташкам — всех в гробах хоронят, а этих — в попонки завернутыми. И что точно помню — не только кости там были, а и тела, только высохшие совсем, желтые такие. Положили их в могилку небрежно. Даже солому, что в подводе подстелена была, туда покидали. Было это году в 1930. Не позже»...

А мощи святителя Тихона, после недолгого пребывания в местном музее (ориентировочно — в 1932 году) покинули Задонск. Святыня была передана антирелигиозному музею, организованному в бывшей Великокняжеской церкви Ельца.

Позднее святыню перевезли в Орел.

Вот что сообщает о дальнейшей ее судьбе И. Барсукова, главный хранитель фондов Орловского краеведческого музея: «В 1937 году в Орле, в Богоявленском храме, был открыт антирелигиозный музей. В этот музей в качестве главных экспонатов были доставлены мощи св. Тихона Задонского и фильм о «разоблачении», то есть — вскрытии этих мощей. Музей просуществовал до 1941 года. Как только немцы заняли Орел, городское духовенство обратилось к коменданту города Адольфу Гаману с просьбой об открытии храмов. И первым был открыт Богоявленский храм, самым главным достоянием которого стали мощи Тихона Задонского, стоявшие на горнем месте алтаря. Настоятель этого храма, отец Александр Кутепов, первым провел в городе крестный ход 26 августа, в день памяти святителя Тихона. Вплоть до освобождения города Богоявленский храм был одной из самых посещаемых церквей в Орле».

Но вскоре город Орел вновь оказался в эпицентре боевых действий. Во время боев, превративших Орел в руины, верующим удалось спасти и сохранить общероссийскую святыню.

Позднее, с наступлением мира, мощи св. Тихона Задонского открыто были выставлены в кафедральном Богоявленском соборе города Орла. Произошло это в 1947 году.

Тысячи людей, переживших ужасы войны, шли за утешением к раке, хранившей мощи Задонского Чудотворца.

А 19 июня — 2 июля 1959 года, по благословению архиепископа Орловского и Брянского Иеронима (Захарова), было проведено освидетельствование возвращенной святыни компетентной комиссией из служителей Церкви и врачей. Сообщается, что «проводили это освидетельствование настоятель Богоявленского храма отец Николай Карасев, ключарь Алексей Беляев, настоятель Афанасьевского храма отец Владимир Отт, консультантом был известный орловский врач и тайный монах Владимир Ива-

нович Турбин (монашеское имя Никон), ассистентами были монахини Августа и Евфросинья».

Согласно итогам этого освидетельствования, мощи представляли из себя довольно полно сохранившийся скелет. Причем, на отдельных участках имелись мумифицированная кожа и сухожилия. Практически не тронута тлением оказалась кисть левой руки святого...

Акт освидетельствования, полностью опровергающий итоги «разоблачительного вскрытия» 1919-го года, был предан огласке. Такого удара воинствующие атеисты снести не могли. И, с началом очередных гонений на церковь при Н. С. Хрущеве, 27 сентября 1960 года, мощи Задонского Чудотворца вновь оказались в запасниках Орловского областного краеведческого музея. Акт о передаче мощей подписали заведующая фондами музея Л. Д. Тихомирова и настоятель Богоявленского собора города Орла протоиерей И. И. Базилевич.

Задонск же, некогда славный своими монастырями и храмами, вплоть до 1944 года оставался вообще лишенным церкви. Хотя жизнь духовная, по воспоминаниям старожилов, несмотря на все усилия безбожной власти, так до конца и не пресекалась. Свою лепту в то, чтобы не угас огонь веры в душах людей, вносили и некоторые из бывших Богородицких монахов, доживавшие свои дни в городе и его окрестностях. А «перед войной» стали возвращаться и те, кто осужден был в 1929-ом.

Иеродьякон Виктор (Дубинин), отбыв присужденный ему срок, не только вновь появился в Задонске, но и остался здесь на постоянное жительство.

Отцу Виктору исполнилось к тому времени около 65 лет. Но ни возраст, ни годы концлагеря не смогли сломить его могучего здоровья. И первое время он нанимался на самую тяжкую поденную работу, чтобы заработать кусок хлеба. Лишь когда по приказу Сталина стали вновь открывать храмы, у него появилась возможность вернуться к прежнему служению.

Иеродьякон Виктор стал первым дьяконом вновь открытого в мае 1944 года Успенского собора в Задонске. Священником же и настоятелем поставлен был отец Иоанн Филиппов из белого

духовенства, после закрытия церкви в селе Нижнее Казачье работавший в местной артели счетоводом.

По рассказам старожилов, квартировал отец Виктор в доме Е. В. Семеновой, на чердаке которого и сохранялась более десяти лет единственная спасенная из Владимирского собора икона — так называемый «гробовой» образ святителя Тихона. Эта икона, изображающая святителя Тихона во весь рост, со времени его прославления стояла за ракой с мощами святого. Там же пребывает она и ныне.

Именно отец Виктор, когда вновь был открыт Успенский собор, немало способствовал передаче в храм сохраненной святыни. Да и вообще, многое сделал для возрождения духовной жизни в городе. Возможно, кому-то это очень не понравилось. И в конце 40-х годов иеродьякон Виктор погиб от удара гаечным ключом. Как было официально объявлено — в результате случайной ссоры с соседом, возникшей на бытовой почве...

Возвратился из мест заключения и последний настоятель Задонского Богородицкого монастыря — архимандрит Никандр (Н. А. Стуров). Отбывал он наказание в Ухтпечлаге. Был досрочно освобожден в результате пересмотра дела, состоявшегося 4 апреля 1933 года. Первоначальным решением было определено сослать его на оставшийся срок в «северный край» до 14 мая 1939 года. Но постановление коллегии ОГПУ от 8 июня 1933 года отменило это решение и Н. А. Стурова досрочно освободили без каких-либо оговорок.

Впрочем, в родное Черноземье он вернулся лишь 1943 году. Но не в Задонск, и не на малую родину — в село Малинино, а в Воронеж. Об этом известно из воспоминаний схиигуменнии Маркарии (Чеботаревой), принадлежавшей, как и архимандрит Никандр к катакомбной Церкви (ИПЦ). По ее словам, бывший настоятель Богородицкого монастыря: «Вернулся в 1943 г. по вызову как родного дяди матушками, которые были с ним в ссылке, тогда без вызова не отпускали. В 1945 он переехал в Воронеж. Старый, немощный, согбенный, но иногда мог служить Литургию и окормлял верующих как мог. Монахинь постригал, но мало. Последние 3 года сидел, не вставал и скончался 29 дек. 1955 г.».

До самых последних дней оставался архимандрит Никандр исповедником веры Христовой, чему подтверждение — интерес, проявленный в 1950 году Воронежским управлением МГБ к личности неугомонного старца, взятого в «агентурную разработку» за верность Тому, Кому он раз и навсегда обрекся служить*...

Заметим, что, в отличие от иеродиакона Виктора, архимандрит Никандр так и не признал ни власти Советов, ни той Церкви, которая, по его мнению, этой власти прислуживала. И ныне память его весьма почитается как в ИПЦ, так и в Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), вошедшей с 2007 года в каноническое общение и единение с Московским Патриархатом. А РПЦЗ еще в 1981 году канонизировала епископа Алексия (Буя), верным последователем которого отец Никандр оставался до конца дней своих...

Тем временем в Задонске ветшали и разрушались оставленные без должного попечения монастырские здания, хотя еще в 1946 году, решением Орловского облисполкома, Владимирский собор был поставлен под охрану как памятник истории и культуры. После чего отдел архитектуры при Орловском облисполкоме оформил аренду собора, который использовался с 1930-х годов как склад. С этого времени «Заготзерно» использовало летний храм и платило в год за аренду 8 740 руб., а овощесушильный завод «Росглавплодоовощ» в цокольной части собора хранил овощи за 10 800 руб. в год.

Обследование Владимирского собора в 1947-1953 гг. выявило необходимость неотложного ремонта его крыши, но деньги от аренды, по всей видимости, на ремонт не использовались, да и вопрос этот, скорее всего, просто не поднимался.

Гостиница и колокольня бывшего монастыря арендовались в 1951-1953 гг. Задонским спецдетдомом № 3 за 8 740 руб.

А в 1954 году Задонск отошел к новообразованной Липецкой области и собор выпал из внимания властей. Так что в 1965 году

---

* В некоторых биографических справках сообщается, что архимандрит Никандр был поставлен «иосифлянами» во епископы. В то же время исследователь иосифлинского движения М. В. Шкаровский сообщает, что он был кандидатом во епископа ИПЦ, но «по болезни отказался от сана». Подтверждает это и доклад комиссии по канонизации при Синоде ИПЦ.

местные верующие вынуждены были направить Патриарху Алексию I (Симанскому) и председателю Совета по делам религий при Совмине СССР В. А. Куроедову письмо с просьбой «...обновить верх монастыря Тихона Угодника, на крышах которого уже поросли деревья. Этот монастырь, как историческое сооружение является ценнейшим сооружением, чем азиатские мечети и другие их сооружения, которые на сегодняшний день реставрируются». Со стороны властей ответили по-коммунистически - усилением в Задонске атеистической пропаганды...

И все же Владимирский собор дожил до дней обновления.

Вот только, в каком виде!? С проваленными, полураскрытыми, протекающими в непогоду куполами, с крышей, поросшей березами да ясенями, все глубже год от года запускавшими корнями в трещины стен.

Но хоть и оставили время и небрежение людское глубокие шрамы на лице бывшего Богородицкого мужского монастыря в Задонске, годы работали не только на разрушение. Страна, опаленная войной и истощенная

лихолетьями, начала вспоминать о Боге.

А с момента достопамятной публичной официальной встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и ныне покойного Патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова), Церковь стала обретать все более и более широкий «вид на жительство».

18 июня 1988 года мощи святителя Тихона покинули запасники Орловского краеведческого музея, где сохранились в ящичке под номером 18 302/121. Сопровождаемая колокольным перезвоном свя-

*Пионерский сбор в 1950-е годы
в бывшем монастырском саду*

тыня перенесена была под сень кафедрального в те годы собора во имя Ахтырской иконы Божией Матери.

Не минули новые веяния и Задонск. В 1988 г. митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Немцов) предложил Липецкому облисполкому на собственные средства отремонтировать Владимирский собор Богородицкого монастыря в Задонске, до того, в течение нескольких десятилетий использовавшийся под склад овощесушильного завода, а потом, когда кровля окончательно прохудилась, поросту заброшенный и все больше разрушавшийся.

Власть отнеслась к церковной инициативе с осторожным сочувствием. А жители Задонского района по инициативе преподавателей местного техникума, поддержанной районной газетой «Донская правда», решили открыть счет для сбора средств на восстановление главного храма Задонской обители. Стали поступать средства от частных лиц, а учащиеся школы №1 пожертвовали средства от сбора металлолома. И в мае 1988 года бригада строителей-реставраторов во главе с Н. Д. Телегиным, направленная в Задонск по личному распоряжению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия (Немцова), начала ремонт здания Владимирского собора.

Правда, в Липецкой области и Задонске представители светских властей разных уровней публично старательно затушевывали роль Церкви, подчеркивая, что ведется лишь реставрация памятника архитектуры. Ведь начатое благое дело вызвало резко отрицательную реакцию уполномоченного по делам религий при Липецком облисполкоме И. В. Люкова. Он неоднократно жаловался в Совет по делам религий при Совмине СССР на «происки церковников». Но жалобы не возымели никакого действия, и руководство региона, осознав, что примирение государства с Церковью состоялось, пошло навстречу просьбам Воронежско-Липецкой епархии.

Но первоначально власти светская (все еще находившая под опекой КПСС) и духовная сумели договориться о передаче Русской Православной Церкви только собственно старинного собора, оказавшегося на грани разрушения.

23 августа 1989 года председателем Липецкого облисполкома В. В. Донских было подписано решение *«передать, как исключение, здание Владимирского собора Богородицкого Задонского мужского монастыря в ведение религиозной общины Свято-Троицкой церкви города Задонска для восстановления и использования по назначению»*.

Меж тем, по благословению Патриарха Московского и всея Руси, Церковь изначально вела речь о возобновлении не только Владимирского собора в Задонске, но и Богородицкого монастыря в целом.

Так, митрополит Мефодий сообщил Патриарху Московскому и всея Руси Пимену: *«нам передана часть Рождество-Богородицкого Задонского монастыря, где жил и трудился Святитель Тихон Задонский. Испрашиваю Первосвятительских молитв и благословения Вашего на реставрационные работы и возобновление богослужений»*. В ответ пришла телеграмма от Его Святейшества: *«Да будет благословение Божие на трудах Ваших и верующих чад по восстановлению Задонского монастыря»*.

Но лишь в ходе 1990-го, объявлено было, наконец, о возобновлении здесь монастыря.

Владимирский собор перед началом восстановительных работ

Глава XII. ВОЗРОЖДАЯ БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ

В конце весны 1990 года в Задонск прибыли несколько мечтающих о монашеской стезе юношей во главе с игуменом Иосифом (Пальчиковым). Он занялся координацией трудов строителей и сотен добровольных помощников из различных приходов епархии, ежедневно доставлявшихся автобусами к восстанавливаемому Владимирскому собору. Назначение игумена Иосифа строителем возрождаемой обители видится весьма символичным. Ведь постриг монашеский принимал он во Псково-Печерском монастыре — одной из сокровищниц иноческих традиций, по воле Божией сохраненных и в годы воинствовавшего 60 лет атеизма.

К моменту прибытия первых насельников, за два года реставрационных работ, здание собора было полностью перекрыто, општукатурено снаружи, частично покрашено. Но требовалась генеральная уборка. Как внутри, так и снаружи. До полутора сотен добровольных помощников ежедневно, с рассвета до заката, внутри и снаружи мели, мыли, скоблили, терли, стараясь изгнать мерзость запустения, приготавливая храм к главному ежегодному местному торжеству — дню памяти св. Тихона Задонского.

Помимо игумена Иосифа, хлопоты по благоустройству легли на плечи лебедянского благочинного Игнатия Кондратюка, в чьем попечении находился приход Задонского Свято-Троицкого храма, ставшего юридическим владельцем восстанавливаемого собора, да на местного священника Владимира Кондратюка.

И вот настал день радости.

Владимирский собор, в основном отремонтированный и приведенный в порядок, заметно помолодел, убранный изнутри свежей травой, устелившей пол, и искусно сплетенными растительными гирляндами, протянувшимися между колонн. Появились на стенах иконы, затеплились свечи. Парадность происходившему придавали золотого шитья ризы десятков священнослужителей.

телей, принимавших участие в богослужении.

Непосредственно в служении было занято более 60 человек священников и дьяконов. Но, конечно, центральными фигурами того праздника стали митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий и именитый гость — архиепископ Саратовский и Вольский Пимен (Хмелевский).

Освящение алтарной части Владимирского собора состоялось 25 августа 1991 года, с утра. А по прибытии владык, в 16.00 того же дня, началось всенощное бдение с

чтением акафиста св. Тихону, епископу Воронежскому, чудотворцу Задонскому, занявшее около четырех часов. Следующий день, 26 августа, ознаменовался служением литургии по случаю дня памяти святителя Тихона, и крестным ходом вокруг собора.

Проникновенно и слаженно пели два хора. Женский — из Воронежа и мужской — из Ельца. За отсутствием разрушенной в советские времена колокольной смонтировали походную, так сказать, звонницу, привезя несколько колоколов из Воронежа и одолжив у Свято-Троицкой церкви.

Богомольцев и любопытствующих, теснившихся на храмовом дворе осеял крест, почти что накануне увенчавший восстановленный центральный купол Владимирского собора. Праздник в 1990 году пришелся на среду. Еще в субботу прибыл вертолет, который первоначально планировалось использовать для установки креста. Но, оценив обстановку (а дул довольно сильный ветер), пилот рисковать не стал. Пришлось устанавливать крест вручную, распилив пятиметровую конструкцию пополам, а за-

*У Владимирского собора
26 августа 1990 года*

тем сварив ее вновь уже на куполе. Где спасовала техника, сильны оказались руки человеческие, направляемые верой.

Но коротко время праздника.

Проводив последних паломников, хозяева вновь вернулись к своим ремонтно-строительным заботам. Бригаду Н. Д. Телегина сменили елецкие специалисты под руководством Валерия Щепихина — мастера из числа тех русских самородных талантов, что до всего своим умом и тщанием доходят.

Тогда же, осенью 1990-го, после проведенной внутри Владимирского собора генеральной уборки, одновременно с отделочными работами, появилась возможность заняться трудом куда более тонким — восстановлением храмовых росписей, выполненными в свое время профессионалами под руководством «известного московского художника К. Ефр. Морозова».

Для того, чтобы оживить пожухшие и местами изрядно осыпавшиеся росписи, стараниями о. Игнатия Кондратюка были привлечены реставраторы с высшим художественным образованием. На протяжении четырех лет возобновлением живописных работ руководил москвич В. А. Наумов.

Первой свежесть красок была возвращена расположенной в алтарной части «Тайной вечере». Реставрация росписей принесла горькое напоминание о годах безверия, когда ничто святое не могло остановить поистине осатаневших кощунников. Из штукатурки, там, где написан был лик Христа, прощающегося с учениками, реставраторы извлекли смятую револьверную пулю...

Горечь воспоминаний скрапивалась в те дни радостью обновления. Вскоре после освящения Владимирского собора произошло то главное, чего чаяли и облеченные саном священнослужители, и простые российские парни, пришедшие помочь в восстановлении храма с тайной надеждой стать монахами, будущего монастыря. В конце 1990 года руководством Липецкой области дано было принципиальное согласие на передачу Церкви всего комплекса зданий, некогда принадлежавших Задонскому Богородицкому монастырю.

По благословию митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия в Задонск поздней осенью года девяностого прибыл

архимандрит Нафанаил (Черняк), чтобы исполнять обязанности наместника в возрождаемой обители. Ему суждено было Великим Постом 1991 года совершить во Владимирском соборе первый постриг иноков новой обители. В тот день постриг приняли пятеро.

О. Нафанаила сменил архимандрит Никон (Васин), в июне 1991-го возглавивший Задонскую братию по благословению правящего архиерея без формального утверждения в должности.

Примечательно, что новый кормчий возрождаемой в Задонске монашеской обители был из числа духовных чад старцев, свято хранивших заветы воспитавшей их Глинской пустыни — одного из последних оплотов старчества в послевоенной Советской России. Митрополит Тетрицкаройский Зиновий (Мажуга) и схиархимандрит Виталий (Сидоренко) были наставниками и спутниками Николая Васина в его первых шагах по пути духовному. Братия была вверена управлению архимандрита Никона в момент для новорожденного монастыря особо ответственный — в связи с планируемым возвращением в Задонск мощей святителя Тихона ожидался приезд Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигера).

Но на Преображение страну потряс переворот, вошедший в историю как ГКЧП, и Святейшего задержали в столице государственные дела. А перенесение мощей св. Тихона в Задонск все же состоялось, как и было запланировано, в день памяти святителя — 26 (13 — по ст. стилю) августа 1991 года.

На торжества съехалось около 3 тысяч паломников. Только автобусов типа «Икарус» было более 20. А вместе с горожанами, пришедшими на торжество, общее число побывавших в тот день в Богородицком монастыре превышало 5 тысяч. Улица Коммуны, бывшая Монастырская, по которой двигался к обители крестный ход с мощами, была заполнена народом, желавшим соприкоснуться с таинством возвращения некогда отнятой святыни. Задонск почтил визитом митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий, которому сопутствовали три архиерея: архиепископ Саратовский и Вольский Пимен (Хмелевской), архиепископ Рязанский и Касимовский Симон (Новиков) и епископ Орловский и Брянский

26 августа 1991 года — ко Владимирскому собору приближается крестный ход с возвращаемыми мощами св. Тихона Задонского

Паисий (Самчук). Они и совершили, в сослужении, Божественную Литургию в этот святой день.

По завершении торжеств, возвращенная Задонскому Богородицкому монастырю святыня обрела покой в специально устроенной раке, украшенной чеканной латуњью, под балдахином, осеняемая сохраненной стараниями верующих и городского духовенства иконой с изображением святителя Тихона — той самой, что некогда занимала именно это место — у раки с мощами во Владимирском соборе. Заметим, что этот святой образ — единственный святой образ, достоверно сохранившийся от преждего иконного богатства церковью мужского монастыря.

С тех пор мощи Задонского чудотворца пребывают во Владимирском соборе, как и встарь, являя неизбывную свою благодать прибегающим к помощи святителя с чистым сердцем, наполненным искренней верой.

Устав Задонского, как он теперь стал именоваться — Рождество-Богородицкого, мужского монастыря был утвержден 10 января 1992 года. Непосредственное управление делами обители было вверено архимандриту Никону, еще в октябре 1991 года официально поставленному указом правящего архиерея на должность наместника.

Одним из самых больших для восстанавливаемой Богородицкой обители вопросов в те первые годы было размещение умножавшегося числа насельников.

На протяжении почти трех лет братия, послушники и гости вынуждены были ютиться в нескольких комнатах, выделенных культпросветучилищем в студенческом общежитии, что заняло старую монастырскую гостиницу, после того, как в начале 1980-х оттуда съехал упраздненный детский дом №3. А гостиница, на момент начала возрождения обители, оказалась единственным зданием на территории древней обители, где можно было устроить кельи. Монашествующие, в том числе и облеченные саном, обитали по 10-12 человек в комнате. Кровати стояли даже в коридоре. О каком молитвенном уединении и сосредоточении могла идти речь?!

И все же эти сотни дней и десятки месяцев, проведенных в постоянных трудах, сочетающихся с бытовым неустройством, сыграли немалую положительную роль в формировании состава насельников Рождество-Богородицкого Задонского монастыря. Как не вспомнить тут слова апостола Павла, обращенные к филиппийцам: *«Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии, и в недостатке; все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе»* (Фил. 4,12-13).

Так вот и те, кто не побоялся стеснений и неудобств Богородицкой обители, устоял перед искусом оставить изнурительные труды по ее реконструкции ради более благоустроенного монастыря, закалились душой, укрепились на избранном пути. Особо преуспевшие не только облеклись в черные ризы монашества, но и были сочтены достойными возложения сана. Практически все монахи в сане, сослужающие ныне во Владимирском соборе, рукоположены из числа насельников обители. Первым этой

чести удостоился иеродиакон Зосима (Зибров), принявший сан 13 октября 1991 года.

Вторым по значению для прославления обители, после возвращения мощей святителя Тихона, стало обретение останков местных праведников, в горькое время поругания церковью исторгнутых из монастырской усыпальницы, именовавшейся «Митрофановой пещерой», и вывезенных на городское кладбище Задонска.

В числе тех, кто оказался захороненным в общей могиле, спустя некоторое время прозванной в народе «Святой», были такие столпы благочестия, известные по всей России, как Георгий, Затворник Задонский, сподвижник св. Тихона схимонах Митрофан, Антоний Алексеевич, Христа ради юродивый Задонский. Не случайно с первых дней реального возрождения Задонского Богородицкого монастыря, попечением наместника — архимандрита Никона — поставлен был вопрос о скорейшем возвращении праведников в стены, где они были некогда упокоены.

И вот 10 октября 1993 года под колокольный перезвон останки местночтимых Задонских подвижников благочестия с крестным ходом были перенесены во Владимирский собор, где и покоятся теперь в мраморной гробнице при колонне слева от главного входа. Усыпальница, вмещающая мощи праведников, устроена трудами монастырских камнерезов и граверов.

Надо заметить, что с самого начала возрождения обители Господь изобильно посылал к вратам ее людей талантливых в искусствах и ремеслах. И уже через пару лет все основные реставрационные работы насельники обители смогли выполнять своими руками.

Дивного письма иконы, заполняющие ныне возобновленный иконостас Владимирского собора, тоже местные. Ведь в Задонском Богородицком монастыре есть и иконописная мастерская, не оскудевающая, по милости Божией, доброхотными талантами, готовыми потрудиться для благоукрашения обители.

За трудами по восстановлению внешнего облика Задонского Богородицкого монастыря, не забывали здесь и о возрождении хозяйства обители, до революции не только питавшего насельников, но и приносившего немалый доход за счет реализации

избытка изобильных его плодов. Так, в 1995 году был официально решен и документально оформлен вопрос о передаче насельникам монастыря старого подворья в пойме реки Дон. Здесь разместилась иноческая мини-ферма с коровами, бычками, овцами, козами. Кроме того, к этому времени, за монастырем числилось уже около 100 га пахотных земель, засевавшихся, в основном, зерновыми.

Год 1996 ознаменовался событием, придавшим особую значимость Задонскому Богородицкому мужскому монастырю — эта обитель была определена в качестве резиденции епископа Задонского. Таковым 31 марта стал архимандрит Никон.

В день памяти преподобной Марии Египетской, в ходе торжественного богослужения совершенного в патриаршем Богоявленском соборе Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, наместник Задонского Богородицкого монастыря архимандрит Никон был хиротонисан во епископа Задонского, викария Воронежско-Липецкой епархии. Благословляя новопоставленного архиерея на дальнейшее служение, Святейший особо подчеркнул, что главной его задачей является восстановление вверенного его попечению монастыря. И вернувшись из Москвы в Задонск, уже епископ Никон продолжил труды, возложенные на него Святейшим Патриархом.

Одним из первых деяний новопоставленного епископа стало первое в истории возрожденного Богородицкого мужского монастыря пострижение в схиму. Великий ангельский образ с именем Владимира принял монах Феодор (Тютин) 1915 года рождения. Произошло это знаменательное событие 28 июля 1996 года, в день памяти равноапостольного великого князя Владимира.

Основные реставрационные работы 1996 года развернулись на объектах, восстановление которых продолжалось с лет предыдущих. Постепенно завершались отделочные работы на строительстве колокольни. По весне увенчанная крестом, к лету она была оштукатурена. Шпиль покрыли листовым металлом с титановым напылением, создающим эффект позолоты. Высота шпиля, завершающегося 5 метровым крестом, — 22 метра (при общей высоте колокольни 83 метра). В верхнем ярусе установлены элект-

ромеханические куранты, изготовленные Санкт-Петербургским специализированным предприятием ТОО «Таймтронс». Диаметр циферблата курантов 2 метра.

Окончательная ликвидация овощесушильного цеха в Задонске позволила приступить и к реконструкции некоторых других старых монастырских построек, приспособленных прежде под производственные нужды.

Одной из первых стал храм во имя св. Тихона Задонского, в стенах которого овощесушильный завод разместил инструментальный цех. И хотя до конца года станки оставались на своих местах, внешне этот малый храм поставленный на месте, где некогда была келья св. Тихона Задонского, преобразился уже к августу. Заново оштукатуренное, перекрытое, с кровлей увенчанной малым барабаном, завершаемым куполом и крестом, здание приобрело вполне церковный вид. А в примыкающем к храму бывшем здании «конторы», часть которого относится еще к восемнадцатому столетию, после определенного ремонта и замены кровли, устроен был келейный корпус.

В конце ноября 1996 года добавилась еще одна зримая примета обновления старинной обители — начались работы по замене жестяного покрытия центрального купола Владимирского собора на новое с титановым напылением, сияющее золотом.

С замены кровли еще в 1996 году началось восстановление в прежнем виде трапезной, в которой прежние хозяева — заводчане Задонского овощесушильного — разместили сушильный цех. Под его нужды внутри корпуса было перестроено все, включая и церковь Вознесения, под алтарем которой покоились некогда Задонские подвижники благочестия. Так что начатый ремонт здания трапезной, поневоле, превратился в реконструкцию. Пришлось срубить переборки, поднимать потолки, полностью менять планировку внутренней части здания. Тем не менее, уже к апрелю 1997-го в полном объеме был восстановлен собственно трапезный зал.

А там пришло время отделочных работ. Для окантовки оконных проемов и украшения потолка трапезного зала использовались оригинальные лепные архитектурные элементы, спроекти-

рованные и изготовленные скульпторами обители — отцами Фотием (Сапегиным) и Иннокентием (Бухтояровым), принимавшими участие также в скульптурном обрамлении колокольни.

В церкви во имя святителя Тихона, после того как оттуда были удалены станки сушзаводского инструментального цеха, появилась возможность приступить к внутриотделочным работам. Так что за весну-осень 1997 года здесь были настелены новые, из мраморной плитки, полы и оштукатурены стены с потолком. Позднее внутренность храма была расписана иконописными сюжетами и сценами из жития св. Тихона.

Летом 1997 года, 28 июля, главой администрации Липецкой области М. Т. Наролиным было подписано постановление «О передаче культовых зданий и сооружений Воронежско-Липецкой епархии», которым «де-юре» закреплялось положение, существовавшее до тех пор лишь «де-факто».

«В соответствии с обращениями наместника Задонского Богородицкого монастыря епископа Никона и в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14 марта 1995 года №248 “О порядке передачи религиозным объединениям относящегося к федеральной собственности имущества религиозного назначения”» вышеупомянутое постановление передавало Воронежско-Липецкой епархии «для использования по первоначальному назначению» весь исторически сложившийся комплекс построек бывшего Задонского Богородицкого первоклассного мужского монастыря, располагающийся по адресу: г. Задонск, ул. Коммуны, д. 14.

Появилась при монастыре воскресная школа. Первое занятие в этом духовном учебном заведении состоялось в сентябре 1997 года. Глава воскресной школы — епископ Никон, так как школа находится под покровительством Богородицкого мужского монастыря. Преподаватели — из насельников обители.

К 1998 году в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре числилось 100 насельников, включая около двух десятков монашествующих в схиме и мантии.

Главным событием 1998 года для Задонского Рождество-Богородицкого монастыря стал визит Святейшего Патриарха Москов-

*Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
обращается со словами благодарности к принявшей его
Рождество-Богородицкой обители
в лице наместника — епископа Задонского Никона*

кого и всея Руси Алексия II, состоявшийся в рамках поездки предстоятеля Русской Православной Церкви по Воронежско-Липецкой епархии.

16 ноября 1998 года Алексий II ступил на землю, освященную молитвенными трудами и подвигами святителя Тихона, епископа Воронежского, чудотворца Задонского. Святейший, сопровождаемый митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием, был встречен наместником Задонского монастыря, епископом Никоном.

На паперти Владимирского собора, у дверей храма, Предстоятеля с хлебом-солью почтительно ожидали насельники Задонской обители. Патриарх остановился, преломил и отведал поднесенный каравай. Затем процессия последовала внутрь, под сво-

ды, осеняющие место упокоения чудотворных мощей святителя Тихона. Здесь Алексей II, поклонившись святыне, прочел молитву св. Тихону. Затем Святейший прошел в алтарь и поклонился Святая Святых, поцеловав на престольный крест.

Уже во Владимирском соборе от имени братии обители епископ Никон вручил Святейшему Белевскую икону Пресвятой Богородицы — образ старинного (конца XVIII века) письма, намоленный матушками-схимницами из села Мордово Тамбовской области. Поднесен был Алексею II и еще один предмет старинной художественной работы — портрет князя Юрия Долгорукого, чеканенный по серебру. В ответ Патриарх благословил принявшую его обитель иконой Преображения Господа Иисуса Христа.

Проводив Предстоятеля Русской Православной Церкви, насельники Задонского Богородицкого монастыря, получившие благословение трудов своих из уст Святейшего, с особым вдохновением продолжили возрождение утраченного.

Причем, восстанавливались не только порушенные стены, но и обычаи местной духовной жизни, еще недавно, как казалось, навсегда забытые.

Так, особую торжественность празднованию памяти св. Тихона Задонского в 1999 году придало предшествовавшее этому дню возрождение старинной традиции. В обстановке должного благочиния, с крестным ходом, монашествующие Задонского Богородицкого монастыря встретили 24 августа икону святителя Митрофана Воронежского, принесенную из Воронежа ко дню памяти святителя Тихона Задонского. Соединившись, встречавшие и воронежские паломники, уже общим крестным ходом, направились по улицам Задонска к воротам монастыря, чтобы здесь разделить радость предстоявшего праздника памяти святителя Воронежского, чудотворца Задонского.

На исходе 1999 года именно Задонский Богородицкий монастырь был назначен правящим архиереем для проведения проходившей с 15 по 17 декабря второй епархиальной медико-педагогической конференции «Миссия церкви на рубеже тысячелетий» приуроченной к приближавшемуся двухтысячелетию Рождества Христова.

В течение трех дней более ста человек, как представителей Русской Православной Церкви, так и, в большинстве своем, представителей светского образования и медицины, вели содержательный, глубокий диалог, осмысляя сегодняшнюю роль православной религии в хоть и уверовавшем, но все же светском государстве Российском, а также пытаясь определить пути более интенсивного участия Православия в образовательном процессе и оздоровлении нации. После плодотворных дискуссий по прозвучавшим в ходе семинаров и пленарных заседаний докладам был принят итоговый документ конференции. И впоследствии обитель Задонска не раз принимала участников разного рода конференций, собиравшихся для обсуждения православного взгляда на современный мир и его проблемы.

А с 2005 года в Рождество-Богородицком монастыре проходит второй день ежегодных Свято-Тихоновских образовательных чтений — пожалуй, самого значимого в регионе образовательного форума, в повестку дня которого включаются актуальные вопросы духовно-нравственного воспитания и образования подрастающего поколения на основе опыта соборности и сотрудничества, духа и святости...

Приняв гостей, вновь ввозвращается к своим повседневным трудам и молитвам обитель Задонская. Многих окормила, многим указала негаснущий Свет Божий, побудив прислушаться к Слову Христову, утишая скорби народа Российского и тем умножая мир в Отечестве. Что не осталось незамеченным властями светскими.

В канун Рождества Христова 2001 года Президент России В. Путин наградил наместника Задонского мужского Рождество-Богородицкого монастыря епископа Задонского Никона, викария Воронежско-Липецкой епархии, орденом Дружбы. В подписанном по этому поводу Указе говорится: «За большой вклад в укрепление гражданского мира и возрождение духовно-нравственных традиций наградить орденом Дружбы **Васина Николая Ивановича (епископа Никона) — викария Воронежско-Липецкой Епархии**». Официальное вручение награды совершилось в день Святой Троицы, после литургии, под сенью сводов монастырского

Владимирского собора. Орден епископу Никону был вручен главой администрации Липецкой области О. П. Королёвым.

Впервые избранный на пост главы области в 1997 году, О. П. Королев весьма внимателен к нуждам задонского монашества и не раз оказывал обители действенную помощь в решении вопросов, которые то и дело ставит перед монастырем, как хозяйствующим субъектом, непростая нынешняя экономическая ситуация. Доброму примеру властей областных следуют и районные властные структуры.

И вообще, надо заметить, что насельники обители, вынужденные посвящать время не только молитвам, но и хозяйственному устройению монастыря, практически всегда находят понимание и поддержку в государственных кабинетах разного уровня — от местного самоуправления до федерального.

Нельзя не упомянуть и о помощи со стороны благотворителей, или, по-современному, спонсоров. Поддержку, кто — финансами, кто — собственной продукцией, оказывали и оказывают Богородицкому монастырю промышленные гиганты из числа бывших советских предприятий общероссийского значения и производственные структуры самых разных отраслей местного масштаба.

Заботу о душе своей молитвой в стенах Задонского монастыря и вкладами на устройство обители проявляют руководители рожденных уже в новой России частных фирм и фирмочек, — производящих, торгующих, посредничающих и развлекающих. Сельхозпредприятия различных форм собственности и фермеры оказывают помощь монастырю в ведении хозяйства на земле.

Благотворит и сам монастырь. На попечении обители — возрождающиеся в округе монастыри и приходские храмы. Попечением насельников обители восстановлены 13 церквей, оказана помощь 4-м иноческим общинам под Задонском и в Ельце в первые годы их становления. Не оставлены заботой Богородицких иноков и нуждающиеся миряне. Только в 2007 году денежная помощь обители страждущим составила около миллиона рублей. А ведь еще выдаются продукты, лекарства, одежда и обувь, стройматериалы...

*Задонский Рождество-Богородицкий монастырь.
Современный вид, открывающийся с западной стороны.*

С лета 2001 года укрепились организация управления Задонским Рождество-Богородицким монастырем. С июля этого года в штат обители возвращен ряд должностей (благочинный, казначей, эконом), бывших здесь вплоть до ее упразднения и разгона в 1929-ом. Подобное внимание к организационному устройству Богородицкой обители, совершенствованию ее внутреннего управления, проявлено было не случайно. Ведь третье тысячелетие от Рождества Христова Богородицкий монастырь встретил уже как один из крупнейших духовных центров юга России, вновь привлекающий тысячи паломников. Растет и число монашествующих, избирающих Задонск местом спасения.

Всего же здесь одновременно проживают свыше 300 насельников. В большинстве своем это добровольные помощники из числа паломников, считающие честью потрудиться во славу Божию и во оставление грехов, помогая восстанавливать и обустроить обитель. Около 100 постоянных трудников заняты на различных хозяйственных работах. Ведь монастырь обрабатывает около 500 га пахотных земель. Имеется здесь свой машино-тракторный парк, сельхозтехника. Устроены механическая и кузнечная мастерские. Своими силами выполняются столярные работы, материал для которых поступает с монастырской же пилорамы.

В списке здешних мастерских есть мастерская резьбы по дереву, позолоты, левкасная, иконописная, витражная, скульптурной лепки, сапожная, переплетная, вышивальная и швейная.

Устроена собственная газовая котельная с 2-мя водогрейными котлами, так что и холодными зимами в кельях тепло.

Позаботились в обители о здоровье насельников. Здесь открыт медпункт с фитокабинетом. Имеется зубопротезный кабинет.

Но все это заботы мира материального. И не они, как говорится, делают лицо монастыря. Стержень любой обители, в том числе и Задонской Рождество-Богородицкой — жизнь духовная. Конечно, многое здесь сокровенно. Но есть и то, что доступно внешнему взору.

Богослужения в монастыре совершаются согласно с уставом обители. После литургии, перед причащением, говорится проповедь одним из служащих иеромонахов. А в праздничные дни,

по причащении, проповедь говорит сам священноархимандрит обители. Архиерейские богослужения, совершаемые преосвященнейшим Никоном, собирают во Владимирский собор особенно многочисленную паству.

В монастыре стало традицией во время приложения к кресту утешать молящихся песнопениями братского хора, которые обычно подхватывают и все прихожане.

Среди песнопений, звучащих в храме, есть и написанные насельниками обители. Празднование памяти святителя Тихона традиционно завершает соборное, братией и паломниками, исполнение песнопения «К тебе, святитель, в Задонск, в обитель...», сочиненного отцом Стефаном (Киселевым), являющимся автором нескольких сборников духовной поэзии, получивших высокую оценку верующих.

Крестные ходы, кроме обычных уставных, совершаются еще и в дни престольных праздников. На день памяти святителя Тихона Задонского, 13 августа (26 — по н. с.), совершается крестный ход с мощами угодника Божия вокруг Владимирского собора монастыря. А еще до праздника, по возобновленной в 1999 году традиции, крестный ход Задонского мужского монастыря встречает крестный ход, идущий из Воронежа с иконой св. Митрофана — первопрестольника Воронежского. Приходит в Задонск и крестный ход из Липецка, к которому в пути присоединяются благочестивые жители Ельца.

Еще один крестный ход совершается насельниками монастыря в пятницу Светлой седмицы. Эта традиция утвердилась с 1999 года, после завершения строительных работ на восстановлении церкви в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник». Возобновленный храм располагается на прежнем месте — над водами святого источника, что струятся из-под южного склона холма, на котором стоит монастырь. Осенью 2003 года здесь открыта купальня, устроенная на источнике помощью благотворителей из Воронежа.

Возобновлен и иной источник — духовный. С первых дней возрождения собиравшаяся, монастырская библиотека насчитывает ныне более 9 тысяч томов.

С декабря 2000 года издается в обители ежемесячный монастырский альманах «Задонский паломник», сменивший «Задонский Благовест», выпускавшийся 3 — 4 раза в год к главным праздникам. Это издание, официально зарегистрированное и распространяемое тиражом свыше 5000 экземпляров не только в Задонске, несет, как и встарь, Слово Божие, звучащее из обители над Тихим Доном.

Постепенно на базе «Задонского паломника» сформировалось монастырское издательство, располагающее ныне отдельным, специально спроектированным зданием с типографией, освоившей с конца 2004 года полноцветную печать.

Так и живет Задонский монастырь. Под водительством управителей земных и с упованием на помощь водителей и покровителей небесных: Пресвятой Матери Божией и святителя Тихона, чудотворца Задонского. Год от года возвращая былое величие.

Тем более, что в году от Рождества Христова 2003 стала Задонская обитель крупнейшим монастырем новооснованной епархии Липецкой и Елецкой и одновременно — резиденцией архиерея, ее делами и ныне управляющего.

Постаповлением Священного Синода Русской Православной Церкви, проходившего 7 мая 2003 этого года под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II была создана епархия Липецкая и Елецкая, административно совпадающая с границами Липецкой области.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в интервью газете «Известия» так прокомментировал решение о разделении епархии Воронежской и Липецкой: «такое решение вызвано давно назревшей необходимостью разделить Воронежско-Липецкую епархию на две. Создание епархии в Липецкой области обусловлено ее огромным потенциалом, а также неоднократными обращениями ее жителей и властей, которые хотели бы иметь самостоятельного правящего епископа».

Руководство новой епархией временно поручено было викарному епископу Задонскому Никону (Васину). А 26 декабря 2003 года, на заседании Священного Синода, проходившем под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

Священноархимандрит Задонского Рождество-Богородицкого монастыря — епископ Липецкий и Елецкий Никон (Васин) благословляет паломников в день памяти св. Тихона Задонского

Алексия II, преосвященный Никон утвержден был в должности правящего архиерея Липецкой и Елецкой епархии.

И ныне владыка Никон, уже как епископ Липецкий и Елецкий, трудится над устройением вверенной его окормлению епархии, выполняя порученное Патриархом и Синодом.

Совершая архипастырское служение, епископ Никон не оставляет и того, чему были посвящены более десяти лет пребывания его на земле Задонской — восстановления в прежней славе здешних монашеских обителей, являющихся, по меткому выражению одного из церковных историков, «памятниками святителю Тихону Задонскому». Ныне таковых монастырей в Задонске и близ него уже три: Задонский Рождество-Богородицкий (мужской), Свято-Тихоновский Преображенский (женский) и Богородице-Тихоновский Тюнинский (женский).

До июля 2004 года епископ Никон, став, как правящий архиерей, священноархимандритом и настоятелем, оставался формально и наместником Задонского Рождество-Богородицкого монастыря. А 14 числа указанного месяца он подписал указ за № 9 о назначении исполняющим обязанности наместника игумена Гермогена (Крицина). До того игумен Гермоген совершал служение в Иверском женском монастыре Самарской епархии, где был духовником.

Но уже в январе 2005 года отец Гермоген по состоянию здоровья оставил должность наместника. Управление делами обители, благословением правящего архиерея, возложено было на благочинного монастыря — игумена Трифона (Голубых) и ныне являющегося первым помощником священноархимандрита в управлении монастырем, решающим разного рода неотложные текущие задачи.

Особая забота проявлена в последние годы о достойном увековечении памяти святителя Тихона, чудотворца Задонского.

26 августа 2005 года на средства, собранные благодетелями и выделенные администрацией Липецкой области, в Задонском Рождество-Богородицком монастыре открыт был памятник святителю Тихону, работы известного воронежского скульптора И. П. Дикунова.

***26 августа 2005 года. Молятельное поминовение
и открытие памятника св. Тихону, Задонскому Чудотворцу.***

А к «памяти» 2006 года для честных мощей святителя Тихона изготовлена была новая рака из чеканного серебра. Выполнили ее искусные мастера Софринских мастерских Русской Православной Церкви. Вновь, как и встарь, драгоценное сокровище Задонского монастыря получило драгоценный ковчег.

За эти годы также практически завершено восстановление архитектурного ансамбля обители, не только в большей своей части возрожденного в прежнем облике, но и заметно приукрашенного. К комплексу зданий, построенных преимущественно в XIX столетии, добавились новостройки, стилистически решенные столь точно, что не воспринимаются как новые.

Это, например, архиерейский корпус, выстроенный на месте деревянного «наместнического» домика, вконец обветшавшего за более чем столетнюю свою историю. Возведение здания началось на рубеже нынешнего века, но завершение работ и отделка пришлось на 2003-2004 годы.

У западных ворот обители и в бывшем саду у восточной стены выросли два гостиничных корпуса. С запада — малый, рассчитанный на 9 гостей. А с востока — трехэтажный кирпичный корпус на 32 покая, строительство которого завершилось в 2008 году.

С 2005 года были начаты труды по восстановлению храма Рождества Богородицы, особенно сильно пострадавшего от советских «архитекторов». К лету 2009 года храм вернул свой внешний облик, так удачно гармонирующий с Владимирским собором. Помощь в восстановлении бывшей «теплой церкви» оказал федеральный бюджет.

Завершение основных строительных работ на территории обители позволило в 2008 году заняться планировкой и благоустройством ее территории. К концу лета 2009-го свободные площади были вымощены плотно пригнанной брусчаткой и обрамлены аккуратными бордюрами. О доставке специально подготовленного камня позаботился щедрый благодетель обители — ростовский предприниматель В. Л. Авдеев, закупивший необходимый материал в Китае.

И тысячи паломников, стекающихся в Задонск, видя предстоящее их взору благолепие, убеждаются вновь и вновь, что *дивен Бог во святых своих*, молитвенным попечением коих и совершено великое дело возрождения 400-летнего Задонского монастыря в столь малый срок...

Содержание

<i>Глава I.</i> О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ИКОНА МАТЕРИ БОЖИЕЙ	3
<i>Глава II.</i> В МОНАСТЫРЕ ТЕШЕВСКОМ	17
<i>Глава III.</i> ПРИ БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ МОСКОВСКОЙ	24
<i>Глава IV.</i> И ПОТЕК НАРОД ДЛЯ ПОКЛОНЕНИЯ	35
<i>Глава V.</i> К СВЯТЫНЯМ ЗАДОНСКИМ... ..	51
<i>Глава VI.</i> ОБРЕТЕНЬИ НЕТЛЕННЫМИ	58
<i>Глава VII.</i> ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ	70
<i>Глава VIII.</i> В «РУССКОМ ИЕРУСАЛИМЕ»	86
<i>Глава IX.</i> ВРЕМЯ РАЗОРЕНИЯ	100
<i>Глава X.</i> РАЗГРОМ	114
<i>Глава XI.</i> В ГОДЫ ВЛАСТИ БЕЗБОЖНОЙ	128
<i>Глава XII.</i> ВОЗРОЖДАЯ БЫЛОЕ ВЕЛИЧИЕ	137

